

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 7. Экспериментальные исследования личности.

1. Барабанщиков В.А., Майнина И. Н. Оценка экзистенциальной наполненности личности по фотоизображению лица человека
2. Белугина М. А. Опыт исследования жизненных стратегий личности
3. Васанов А. Ю. Взаимосвязь ценностных ориентаций с характеристиками экзистенциальной наполненности
4. Зайченко А. А. Связь индивидуально-психологических особенностей человека с телосложением и дерматоглификой
5. Корнилова Т.В., Чигринова И. А. Личностные ценности, принятие неопределенности и маккиавеллизм как предикторы морального выбора
6. Кулик С.Д., Гунько Н. Е. Построение психологического портрета человека на основе признаков почерка
7. Леонтьев Д.А., Смирнов А. Г. Смысл и отчуждение как предикторы поведения в неструктурированной ситуации
8. Лосева С. Н. Эмпирическое и экспериментальное исследование музыкальной одаренности
9. Луцкович В. В. , Радчикова Н. П. Специфика выделения типов субъективного понимания
10. Макаревская И. Г. Специфика ситуации классического и адаптивного тестирования для испытуемых с различными темпераментальными и личностными особенностями
11. Меновщиков В.Ю. Исследования дистантного консультирования: методологические трудности и возможности
12. Новикова М. А. Самооценка интеллекта и интеллект в структурных связях
13. Печерский В. Г., Максименко Н. В., Иванов Д.Е. Исследование личностных особенностей осужденных за насильственные и корыстные преступления
14. Польская Н. А. К проблеме эмпирического изучения самоповреждающего поведения
15. Попов Л. М., Устин П. Н. Методы исследования нравственно-этической самооценки учащихся
16. Разорина Л. М. Ценностно-нормативный метод Г.Е. Залесского как технология исследования в психологии личности
17. Сильверсан А. В., Аболина Н. С. Методика психодиагностики уровня творческой
18. Сулейманов Р. Ф. Психологическая диагностика музыкального слуха
19. Халитов Р. Г., Абитов И.Р. Психосоциальный диссонанс и совладающее поведение
20. Халитов Р. Г., Юсупов И. М. Психосоциальный диссонанс: понятие и модель
21. Харламенкова Н. Е. Case study как метод исследования личности
22. Христенко А. В. Исследование психологических особенностей девушек нетрадиционной сексуальной ориентации
23. Чебакова Ю. В. Психосемантический анализ гендерной идентичности
24. Юров Д. И., Юров И. А. Экспериментальное описание спортивной индивидуальности
25. Ясюкова Л. А. Особенности становления социального интеллекта младших школьников

VII

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ОЦЕНКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ НАПОЛНЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПО ФОТОИЗОБРАЖЕНИЮ ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА¹

*В. А. Барабанщиков**, *И. Н. Майнина***

* Институт психологии РАН,

** Центр экспериментальной психологии МГППУ (Москва)

maynina_irina@mail.ru

Исследована возможность адекватной оценки наблюдателями глубинных свойств коммуниканта по фотоизображению его лица. Показано, что уровни экзистенциальной наполненности личности людей, представленных на фотоизображениях, различаются сторонними наблюдателями. Описаны предикторы адекватных оценок экзистенциальной наполненности и соотношения механизмов межличностного восприятия, обеспечивающих этот процесс.

Ключевые слова: общение, межличностное восприятие, экзистенциальная наполненность, резонанс личностных черт, атрибуция, проекция, интроекция.

Введение

Личность человека – это сложнейшее по своей организации целое, способное в различных жизненных ситуациях по-разному открываться наблюдателю, сохраняя свою целостность и уникальность. Так или иначе, индивидуально-психологические особенности просматриваются во всей внешности человека, но в наибольшей степени отражаются в выражениях лиц. В процессе общения с лица собеседника считывается его эмоциональное состояние, намерения, интеллект, черты характера и др., что позволяет предвидеть возможные поступки коммуниканта и заранее к ним подготовиться.

Проблема восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по выражению его лица активно разрабатывается в психологической науке. Изучаются специфика организации информационных опор и динамика восприятия

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, ГК № 02.740.11.0420.

выражений лица в микроинтервалах времени (Т. Н. Малкова, Л. А. Хрисанфова), анализируются эффекты категориальности восприятия эмоций (А. В. Жегалло). Выделены экологически валидные условия восприятия выражения лица (А. А. Демидов), роль контура (Д. А. Дивеев), структуры (Е. Г. Хозе) и расовой принадлежности лица (К. И. Ананьева). Дана сравнительная характеристика восприятия выражения целого и частично открытого лица (Н. Г. Артемцева, А. О. Болдырев). Исследуется организация движений глаз в процессе распознавания экспрессий (В. Н. Харитонов) и др. Полученные результаты свидетельствуют о том, что восприятие выражения лица носит системный характер и имеет статус когнитивно-коммуникативного события (Барабанщиков, 2009).

Перечисленные исследования, как правило, связаны с восприятием поверхностных свойств личности: ее темперамента и характера. Можно ли и если да, то в какой степени перенести обнаруживаемые закономерности на восприятие глубинных характеристик? К числу последних относятся: самореализация (К. Юнг), стремление к превосходству и креативность (А. Адлер), альтруизм и трансценденция (Э. Фромм), самоконтроль (К. Роджерс), самоактуализация (А. Маслоу) и др. (Холл, Линдсей, 2008). Особый интерес вызывают индивидуально-психологические особенности человека, описанные в экзистенциально-аналитической теории личности (В. Франкл): самотрансценденция, самодистанцирование, внутренняя свобода, ответственность, экзистенциальная наполненность и др. (Майнина, Васанов, 2010). Развивая идеи В. Франкла, А. Лэнгле предложил удобный метод операционализации глубинных индивидуально-психологических характеристик личности (Langle, Orgler, 1989; Längle et al., 2000), который используется в данной работе. Ее цель – *установление возможностей дифференциации (адекватности восприятия) экзистенциальной наполненности (ЭН) людей по фотоизображению их лица.*

Процедура и методы исследования

В основе экспериментальной работы лежит методика параллельных оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков, зрителей (наблюдателей) и фотопортретов натурщиков зрителями (Барабанщиков, 2009; Барабанщиков, Носуленко, 2004). Методика позволяет операционализировать основные механизмы межличностного восприятия (резонанс, интроекция, проекция, атрибуция) и определить их соотношение в различных ситуациях. Резонанс указывает на совпадение индивидуально-психологических особенностей наблюдателя и натурщика; интроекция – на адекватную оценку личностных черт натурщика при их отсутствии у наблюдателя; проекция означает перенос свойств наблюдателя на личность натурщика; атрибуция – отражение у натурщика индивидуально-психологических особенностей, которыми не обладает ни он, ни наблюдатель.

При определении уровня ЭН применялся опросник «Шкала экзистенции» (ШЭ) А. Лэнгле, К. Орглер (Майнина, Васанов, 2010).

В качестве стимульного материала использовались цветные фотоизображения двух женских (22 и 26 лет) и двух мужских (21 и 25 лет) лиц с крайними значениями по шкалам опросника ШЭ. Натурщики изображены без головного убора до плечевого пояса анфас с нейтральным выражением лица. Процесс фотосъемки проходил в одних и тех же условиях, примерно в одно и то же время. На момент фотосъемки натурщики находились в обычном для них эмоциональном состоянии.

Для чистоты эксперимента была создана экспертная группа, состоящая из родных и близких людей, изображенных на фотографиях. Анализ связи оценок фотоизображений экспертной группы с самооценками натурщиков с помощью коэффициента корреляции Спирмена (r_s) показал их совпадение, т. е. результаты самооценок натурщиков являются валидными.

В эксперименте приняло участие 166 человек (41 мужчин и 125 женщин) в возрасте от 17 до 52 лет (средний возраст составил 23 года).

В контрастные группы вошли 33% наблюдателей с высоким уровнем ЭН и 27% с низким уровнем ЭН, остальные 40% – составили середину.

При обработке данных использовался статистический пакет Statistica 6.0. Для анализа связи оценок фотоизображений экспертной группы с самооценками натурщиков применялся коэффициент Спирмена (r_s). Согласованность распределений механизмов межличностного восприятия оценивалась по χ^2 -критерию Пирсона. Для оценки их различий применялся биномиальный критерий m .

Результаты исследования и их обсуждение

Для приведения к единой шкале полученные по опроснику ШЭ сырые баллы были преобразованы в z -значения. С помощью метода k -средних самооценки натурщиков и оценки фотоизображений наблюдателями данные были разделены на 3 кластера (высокие, средние и низкие значения) и определялась удаленность оценок от самооценок натурщиков. Допускалось, что если оценки укладывались в диапазон $\pm\sigma$, то оценка считалась адекватной. Если оценка выходила за пределы $-\sigma$, она считалась заниженной, если за пределы $+\sigma$ – завышенной. Отклонение в более высокую сторону было характерно для оценки фотоизображений натурщиков с низким уровнем ЭН, в низкую сторону – с высоким уровнем ЭН.

При сравнении (по χ^2 -критерию) их распределений по полу натурщиков значимых различий не обнаружено. Следовательно, при оценке фотоизображений мужчин и женщин долевое участие механизмов межличностного восприятия не меняется. Значимых различий не обнаружено и по биномиальному критерию, что свидетельствует о том, что набор фотоизображений натурщиков подобран адекватно цели исследования. В целом, соотношение между адекватными и неадекватными оценками фотоизображений натурщиков мужского и женского пола остается неизменным.

Сравнение долей распределений механизмов восприятия по χ^2 -критерию в зависимости от уровня ЭН натурщиков показало наличие значимых различий: $\chi^2_{\text{эмп.}} = 67,48$ ($\chi^2_{\text{кр.}} = 18,47$ для $df = 4$, $p < 0,001$). Следовательно, натурщики с низким и высоким уровнем ЭН по-разному воспринимаются наблюдателями. Применение биномиального критерия в большинстве случаев показало наличие значимых различий. Интроекции ($p < 0,0000$) и атрибуция ($p < 0,0003$) чаще применяются наблюдателями при оценке фотоизображений натурщиков с низким уровнем ЭН; резонанс ($p < 0,0491$) – при оценке фотоизображений натурщиков с высоким уровнем ЭН. Проекция примерно в равной степени применяется наблюдателями при оценке натурщиков как с высоким, так и с низким уровнем ЭН. Существуют различия в частоте обращения к проекции и резонансу ($p < 0,0163$). Натурщики с низким уровнем ЭН оцениваются более адекватно, чем с высоким (см. таблицу 1).

Эмпирические распределения механизмов межличностного восприятия в зависимости от пола и уровня ЭН натурщиков приведены в таблице 1, наблюдателей – в таблице 2.

Таблица 1

Соотношение механизмов межличностного восприятия (%) в зависимости от пола и уровня ЭН натурщиков

Характеристики натурщиков		Механизмы восприятия (%)			
		Проекция	Атрибуция	Интроекция	Резонанс
Пол	мужчины	26	51	14	10
	женщины	31	47	13	9
Уровень ЭН	высокий	26	55	8	11
	низкий	31	43	18	8

При сравнении распределений ответов мужчин и женщин получены значимые различия: $\chi^2_{\text{эмп.}} = 75,302$ ($\chi^2_{\text{кр.}} = 16,27$ для $df = 3$, $p < 0,001$). Это говорит о том, что механизмы восприятия применяются наблюдателями разного пола по-разному. Согласно биномиальному критерию проекции ($p < 0,0275$) чаще используются женщинами, а атрибуции ($p < 0,0009$) – мужчинами. При этом неадекватные оценки натурщиков и мужчинами, и женщинами делаются чаще, чем адекватные. Женщины независимо от собственного уровня ЭН в равной степени применяют адекватные и неадекватные механизмы восприятия. Мужчины с высоким уровнем ЭН реже применяют адекватные механизмы восприятия, неадекватные же механизмы используются мужчинами в равной степени.

Таблица 2

Соотношение механизмов межличностного восприятия (%) в зависимости от пола и уровня ЭН наблюдателей

Характеристики наблюдателей		Механизмы восприятия (%)			
		Проекция	Атрибуция	Интроекция	Резонанс
Пол	мужчины	22	60	12	6
	женщины	31	45	14	10
Уровень ЭН	высокий	10	56	19	15
	низкий	28,2	40	2,4	29,4

Сравнение распределений (по χ^2 -критерию) ответов наблюдателей с высоким и низким уровнем ЭН также дало значимые различия: $\chi^2_{\text{эмп.}} = 49,68$ ($\chi^2_{\text{кр.}} = 16,27$ для $df = 3$, $p < 0,001$). Следовательно, механизмы межличностного восприятия применяются наблюдателями с разным уровнем ЭН по-разному. Согласно биномиальному критерию, атрибуция ($p < 0,0015$) и интроекция ($p < 0,0000$) чаще используются наблюдателями с высоким уровнем ЭН, а проекция ($p < 0,0000$) и резонанс ($p < 0,0005$) – с низким уровнем ЭН (см. таблицу 2).

Выводы

- 1 Уровни экзистенциальной наполненности натурщика, представленного на фото-изображении, различаются сторонними наблюдателями. Средняя адекватность оценок – около 23%.
- 2 Использование наблюдателями механизмов межличностного восприятия зависит от уровня ЭН натурщиков: при низком уровне чаще применяются интроекция и атрибуция, при высоком – резонанс.

- 3 Пол натурщиков не влияет на характер оценок и использование наблюдателями механизмов межличностного восприятия
- 4 Предикторами адекватных оценок выступают женский пол и высокий уровень экзистенциальной наполненности наблюдателей.
- 5 В процессе межличностного восприятия, наблюдатели с низким уровнем ЭН чаще используют проекцию и резонанс, с высоким уровнем ЭН – атрибуцию и интроекцию. Женщины чаще обращаются к проекции, мужчины – к атрибуции. Полученные данные, в целом, подтверждают предположение о возможности адекватного восприятия наблюдателями глубинных свойств личности человека по выражению лица.

Литература

- Барabanщиков В. А. Восприятие выражений лица. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
- Барabanщиков В. А., Носуленко В. Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Майнина И. Н., Васанов А. Ю. Стандартизация опросника «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 87–99.
- Холл К. С., Лундсей Г. Теории личности / Пер. с англ. И. Б. Гриншпун. 2 изд. М.: Психотерапия, 2008.
- Langley A., Orgler Ch. Existence Scale. Wien: GLE-Werlag, 1989.
- Langley A., Orgler Ch., Kundi M. Die Existenzskala. Manual. Göttingen: Hogrefe, 2000.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ

М. А. Белугина

Смоленский государственный университет (Смоленск)

mbel11r@gmail.com

Статья посвящена исследованию этапов формирования жизненных стратегий личности в юношеском возрасте методом психологического тренинга с элементами игрового моделирования. А также изучению психологических механизмов, обуславливающих отдельные варианты построения стратегий жизни. Приведены данные апробации авторской модели формирования стратегий и выявлено три механизма, которые определяют отклонения от предполагаемой модели.

Ключевые слова: жизненная стратегия, тренинг, игровое моделирование, каузометрия, психологические механизмы.

Одним из умений зрелой личности является способность планировать собственный жизненный путь, однако в юношеском возрасте немногие реализуют это умение. Часто молодым людям требуется помощь в построение подобного плана. Именно поэтому целью нашего исследования мы поставили выявление этапов формирования жизненных стратегий и психологических механизмов, которые обеспечивают индивидуальные варианты формирования стратегий жизни.

Для ее решения мы организовали групповое занятие с участниками эксперимента таким образом, чтобы наблюдать процесс построения жизненной стратегии.

Нами использовались следующие методы: психотренинг с элементами игрового моделирования по формированию жизненной стратегии, квалификационное наблюдение, методика «оценивание пятилетних интервалов», ручной вариант каузометрии А. А. Кроника.

Мы определили основные критерии сформированности жизненной стратегии, которые можно оценить математическими методами.

- 1 Содержание жизненной стратегии: событийная структура образа будущего, наличие структурированных целей на различные жизненные периоды, наличие конфликтов между событиями и содержательных или временных нестыковок между отдельными событиями будущего.
- 2 Организационные характеристики: протяженность временной перспективы и структурированность (насыщенность событиями) будущего жизненного пути.

В тренинге участвовали 200 студентов. Чтобы игровой тренинг был эффективным, мы разделили всех испытуемых на группы произвольно по 15 человек в каждой.

Игровое моделирование заключается в том, чтобы искусственно создать специальные условия, провоцирующие нужные ответные реакции, действия или отношения естественных носителей психики. Т. е. исследователь в зависимости от предмета и задач исследования создает для изучаемого объекта специфическую психогенную ситуацию, в результате чего моделируется его поведение.

Психологический тренинг как основная форма игрового моделирования процесса формирования жизненных стратегий был выбран в силу двух причин:

- 1 Это активная форма работы, когда личность активизирует свои ресурсы для решения индивидуальных и групповых задач.
- 2 Групповая форма работы позволяет использовать не только ресурсы одной личности, но и ресурсы всей группы, что существенно расширяет пространство каждой конкретной личности.

В качестве центральной проблемы тренинга необходимо было выбрать моделирование собственного будущего каждым участником группы отдельно и использовать групповой ресурс для корректирования жизненных стратегий.

Как мы говорили выше, сформированность жизненной стратегии тесно взаимосвязана с уровнем развития способностей к глубокой личностной рефлексии, прогнозированию, личностной активности, насыщенности планируемого образа будущего и определение значимых других, на кого ориентируется личность при планировании жизненного пути.

Задания в тренинге были построены таким образом, чтобы увидеть, как решается проблема формирования жизненной стратегии при реализации предложенных нами этапов модели, а также каким образом реализуется данная модель у разных участников.

Опираясь на исследования К. А. Абульхановой-Славской, Г. П. Куликова, Ю. М. Резника, Е. А. Смирнова, А. А. Тюкова, Г. П. Щедровицкого, П. Г. Щедровицкого, мы выделили предполагаемые этапы формирования жизненной стратегии, которые мы и активизировали у участников игрового тренинга: 1. Выход в рефлексивную позицию и принятие установки на формирование будущего своей собственной жизни. 2. Выбор культурных и принимаемых человеком ценностных ориентаций. 3. Целеопределение – как процесс постановки цели (образа желаемого будущего). 4. Планирование или конструирование системы событий для достижения

желаемого будущего. 5. Создание структурного плана будущего жизненного пути как результат.

Основным методом работы в тренинге по активизации процесса формирования жизненных стратегий была выбрана каузометрия как метод самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути в разработке исследователей Р. А. Ахмерова и А. А. Кроника. Данный метод основан на формировании списка событий будущего жизненного пути и значит построение субъективной картины жизненного пути. Далее респондент устанавливает причинно-следственные взаимосвязи между событиями жизни. А также выделяет наиболее и наименее актуальные для себя жизненные сферы.

Глубина и адекватность анализа жизненного пути и эффективность каузометрического опроса зависели от заинтересованности опрашиваемого, от уровня его познавательных способностей и биографической рефлексии. Критериями оценки необходимых феноменов являются организованное наблюдение за реакциями, отношение и особенности опрашиваемого в ходе опроса, некоторые психобиографические показатели.

Объективация значимых событий жизни в прошлом, настоящем и будущем предполагает наличие у человека биографической рефлексии, т. е. способности осмысливать свой жизненный путь, находить взаимосвязи между событиями жизни, обобщать опыт и намечать будущую линию развития. Эффект каузометрического опроса выявляется в свободной беседе по высказываниям опрашиваемого.

Таким образом, для психологического моделирования этапов формирования жизненных стратегий личности мы использовали тренинг. А также квалификационное наблюдение для регистрации и описания случаев, когда испытуемый в процессе формирования жизненной стратегии отклоняется от предлагаемой нами модели. В основе построения занятия лежали элементы каузометрического анализа.

Время проведения: 6 часов.

Общий план занятия:

- 1 Организационная часть: цели, знакомство, сплочение группы.
- 2 Первичное произвольное планирование жизненной перспективы (перечисление основных событий).
- 3 Поэтапная активизация основных психологических механизмов через специально подобранные задания.
- 4 Корректирование жизненной стратегии, формирование итогового образа будущего.
- 5 Обратная связь: степень полезности подобного мероприятия для формирования жизненной стратегии.

Тренинг был организован таким образом, что задания постепенно активизировали работу каждого следующего этапа модели формирования жизненной стратегии.

Мы проводили оценку по трем критериальным характеристикам жизненной стратегии:

- 1 Протяженность временной перспективы (насколько далеко испытуемый планирует свою жизнь – возрастные рамки, которыми испытуемый ограничивает свою систему будущих событий).
- 2 Насыщенность событиями различных периодов жизни (какие период характеризуются подробным описанием происходящих событий).

3 Наличие конфликтов между событиями (несоответствие событий по времени или содержанию).

Замеры в начале тренинга дали следующие результаты.

С точки зрения протяженности временной перспективы, т. е. насколько далеко юноша представляет свою жизнь и соотносит ее с какими-то событиями, мы получили результаты от 30 до 70 лет, т. е. разные ребята прогнозируют свою жизнь по-разному. В среднем длительность жизни равна 49,3 года. Однако если смотреть на процентное отношение тех, кто планирует жизнь далеко до 70 лет и тех, чья перспектива ограничивается коротким промежутком, можно выделить три основных группы:

- временная перспектива до 35–40 лет – 35% всех испытуемых – описывается только перспектива становления себя в работе и семейной жизни, начало и развитие пути (подробно описаны события «май 2009 – окончание университета», «июль 2009 – устройство на работу в школу», «сентябрь 2009 – получение второго высшего образования»; но перспектива после 35–40 лет не отражена даже в общем);
- временная перспектива от 40 до 55 лет (т. е. до формального времени выхода на пенсию) – 35% респондентов – представляют себя на более долгий период, однако события характеризуются общими фразами («карьерный рост», «стану на ноги», «получу второе образование», «выйду на пенсию»), слабо структурированы частные действия;
- временная перспектива от 55 до 70 лет (более поздний возраст никем озвучен не был) – 30% – в большей степени описаны события ближайшего времени, структурирован период до 30–35 лет, дальнейшие события представлены размыто («2009 год – получение второго высшего», «2010 год – окончание психологических курсов по дополнительной специальности»; «2040 год – тихая жизнь» или «2038 год – внуки», т. е. события этого периода жизни не представлены четко, образ будущего еще в стадии формирования).

Т. е. только 30% испытуемых представляют себя за пределами пенсионного возраста, остальные 70% в разной степени видят и планируют свое будущее на период трудовой активности, в большей степени согласно социальным нормам в соответствии со стереотипами, которые сложились в современном обществе. И только часть участников, примерно 10%, продумывают достаточно четко хотя бы ближайшую временную перспективу.

По итогам тренинга в соответствии с замерами после корректирования жизненной стратегии протяженность временной перспективы увеличилась в среднем 16,5 лет, в отдельных случаях на период до 35 лет. У всех 100% респондентов протяженность жизненного пути увеличилась, причем рамки раздвинулись не только в будущее, но и в прошлое. Некоторые вспомнили важные события своей жизни, принадлежащие детскому периоду, и все продумывали свою жизнь вперед гораздо дальше. Первый критерий оценки – протяженность временной перспективы – стал выше по своему значению.

Второй критерий – насыщенность событиями различных периодов жизни участников тренинга. Для оценки данного критерия мы взяли общее число событий и разделили их на количество пятилетних интервалов, согласно которым и прописывались события.

Во-первых, у всех 100% респондентов более насыщенными оказались интервалы от 15 до 30 лет, т. е. близкое прошлое и недалекое будущее. Именно на этот период близкого будущего приходятся все основные планы юношей и девушек: «выйти замуж», «закончить университет», «родить первого ребенка», «получить высокооплачиваемую работу», «получить повышение на работе», «купить квартиру» и т. д. Дальше цели у большинства отсутствуют, неясно, чего хотеть дальше. Чаще всего на период после 35 лет формулируют такие события, как «спокойно работать», «воспитание детей», «профессиональное развитие». Т. е. уже позиционируется не цель, а процесс налаженной жизни, в которой ничего значительного не происходит. Во-вторых, даже балльная оценка событий это подтверждает: события периода до 35 лет имеют значения от 8 до 10 баллов, т. е. рассматриваются как важные и значимые для жизни в целом, а события периода после 35 лет уже измеряются цифрами 5–7 баллов, как средней степени необходимости и значимости.

В результате работы в тренинге, формирования более далекой временной перспективы и структурирования процесса реализации основной на сегодняшний день цели, мы получили качественное и количественное изменение в факторе насыщенности событиями.

Количественные изменения: в начале тренинга средняя насыщенность событиями каждого пятилетнего интервала составляла в среднем 2,2 события на каждый период 5 лет, а в конце после корректирования жизненного пути среднее значение составило 3,4 события на период пяти лет. Естественно практически в возрасте старше 35 лет добавилось в среднем 0,5 события на период, а в возрасте молодом по 2–3 события на каждый возрастной пятилетний промежуток.

Т. е. в жизненной стратегии появилось больше событий и целей, появилась система действий по реализации основной цели и были сформулированы события в поздних жизненных периодах, таких как в возрасте после 55 лет и в старости.

Качественные изменения: в ходе эксперимента изменилась субъективная картина будущего и качественно.

Если в молодом возрасте мы наблюдали только общие цели без описания пути достижения, такие как «найти хорошую работу», «выйти замуж», то теперь появился путь достижения цели, например, чтобы «найти хорошую работу», надо: «закончить университет с красным дипломом», «получить второе высшее по менеджменту», «поработать 2–3 года в школе для наработки опыта», «открыть частный центр по развитию детей младшего школьного возраста»; или, чтобы выйти замуж, необходимо пройти следующие шаги: «познакомиться с молодым человеком», «полгода – встречаемся», «приобретение собственного жилья», «свадьба».

Говоря о возрасте пожилым, то в эти периоды мы не можем говорить о структурном планировании, но появились отдельные события и в этом время жизни: «рождение внуков», «смена работы», «занятия домом», «поехать отдыхать», «написать книгу» и т. д. Результаты, полученные по данному критерию, также подтверждают эффективность работы выявленных и активизированных психологических механизмов.

Получается, что при целенаправленной активизации нормативной модели формирование жизненной стратегии происходит эффективнее, и, главное, жизненная стратегия в большей степени соответствует внутренним особенностям характера, темперамента, мировоззрению и стремлениям личности, чем стихийно складывающаяся.

Третий критерий, который мы отслеживали, – наличие конфликтов между различными событиями будущего, а именно ситуации, когда какое-либо событие

будущего либо вообще не подкреплено предыдущими событиями в прошлом, либо когда одно событие будущего противоречит другому.

Мы наблюдали наличие подобных конфликтов у 70% (140 студентов) респондентов. Чаще всего это были события, связанные со стремительным карьерным ростом, не связанным с личными достижениями или какими-то переменами резкими в жизни, также, например, наличие внуков в возрасте 40 лет, когда при этом рождение детей или вообще пока не планируется, или планируется только в возрасте после 30 лет. Большое значение для корректирования стратегии имела приоритетность для личности событий: иметь внуков в пожилом возрасте и, следовательно, построить жизнь, идя к этой цели, или построение карьеры сейчас, а внуков можно отложить на более поздний период. В первом случае корректируется ближайшая перспектива, в последнем – пожилой возраст выхода на пенсию.

Такие нестыковки в событиях нарушают общий план жизненной стратегии, так как уже заранее демонстрируют конфликтные ситуации в реальной жизни, когда или, в лучшем случае, станет выбор, а психологически личность еще будет к нему не готова, или какое-то событие будущего является важным, а путь его подготовки отсутствует. Этот вариант влечет за собой разочарования и может обесценить в будущем все сегодняшние достижения.

В ходе тренинга нам удалось разрешить практически все обозначившиеся конфликтные ситуации, мы виртуально с помощью группового ресурса преодолели прогнозируемые проблемы в жизни ребят и скорректировали жизненный путь с учетом прогноза.

Таким образом, очевидно, что тренинг способствовал анализу жизненной ситуации, учет современных обстоятельств жизни, социальных и экономических особенностей российской действительности, пересмотрены более реальные сроки приобретения профессионального опыта, накопления денег, получения соответствующих знаний и образования. Перестройка целей в соответствии с более гармоничным решением ситуации.

В ходе занятия подтвердилась гипотеза о том, что в ходе реализации разработанной нами модели идет процесс формирования жизненных стратегий личности в юношеском возрасте.

Кроме того, в ходе тренинга мы наблюдали особые виды формирования жизненных стратегий, которые отличались своим содержанием от вышеописанных. Эти отклонения в ходе квалификационного анализа мы интерпретировали действием психологических механизмов.

Проведенное исследование способствует более полному представлению об особенностях планирования жизненного пути современными студентами. А также открывает перспективы дальнейшему более глубокому анализу вопроса о психологических механизмах, обеспечивающих процесс формирования жизненных стратегий, методов формирования эффективных стратегий.

Литература

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003.

Никандров В. Д. Метод моделирования в психологии: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003.

Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН; Независимый институт гражданского общества, 2002.
Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ НАПОЛНЕННОСТИ

А. Ю. Васанов

Институт психологии РАН, Центр экспериментальной психологии МГППУ (Москва)
a_vasanov@mail.ru

В работе рассматривается проблема изучения взаимосвязи ценностных ориентаций с основными характеристиками экзистенциальной наполненности. Проведена оценка связей экзистенциальных характеристик личности (Франкл, Лэнгле) с ценностными ориентациями (Рокич, Шварц).

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, самодистанцирование, самотрансценденция, внутренняя свобода, ответственность.

Введение

Проблема ценностей и ценностных ориентации является предметом изучения ряда наук о человеке и обществе, в частности философии, социологии, психологии, педагогики. «Понятие ценности скорее, чем любое другое, должно занять центральное место... способное объединить интересы разных наук, касающихся человеческого поведения» (Карандашев, 2004, с. 4). Эти слова, утверждающие центральное положение понятия «ценность», принадлежат перу психолога Рокича, но сходного мнения придерживались также социологи и антропологи. Эти ученые рассматривали ценности как критерии, которые используются людьми для выбора и обоснования своих действий, а также для самооценки и оценки других людей и событий. Таким образом, ценности представляют собой в большей степени критерии оценки, чем качества, присущие самим объектам.

Особую роль при изучении личности играют понятия, отражающие интегральные характеристики человека. Термин «экзистенциальная наполненность» (нем. Existentielle erfülltheit, англ. existential fulfillment) относится к этому «ряду терминов, которые можно найти в работах персонологов, ориентированных на терапию» (Хьелл, Зиглер, 2003, с. 448), например, у Р. Мэя, Дж. Бьюдженталя, К. Роджерса, С. Мадди, А. Маслоу, которые определяют условия, делающие возможной «хорошую жизнь» (по-русски, точнее – «настоящую, полноценную жизнь»). В психологии личности уже хорошо известны такие интегральные свойства личности, как способность к личностному росту, стремление к самоактуализации, жизнестойкость (hardiness), осмысленность жизни. Так, к примеру, в феноменологической теории личности К. Роджерса описывается такая интегральная характеристика, как экзистенциальный образ жизни. «Это тенденция жить полно и насыщенно в каждый момент существования, так чтобы каждое переживание воспринималось как свежее и уникальное» (Хьелл, Зиглер, 2003, с. 549). Эту характеристику Роджерс дополняет организмическим доверием и открытостью переживанию, креативностью и эмпирической свободой. В сумме они дают полноценно функционирующую лич-

ность. В экзистенциальном анализе «бытие-в-мире» рассматривается (по Франклу) как двухполюсная система, включающая личность и актуальную экзистенциальную ситуацию, поэтому интегральный показатель относится уже не к «свойствам личности», а к совокупности детерминант, находящихся на полюсе личности, с одной стороны, и на полюсе ситуаций, с другой. Экзистенциальная наполненность понимается как возможность «(духовно и эмоционально) свободно и полно прожить свою жизнь, выйти на аутентичные установки и актуализировать личную ответственность по отношению к собственной жизни и миру» (Лэнгле, 2003, с. 5).

Таким образом, цель данной работы – выявить наличие взаимосвязи между ценностными ориентациями и характеристиками экзистенциальной наполненности личности.

Процедура и методы исследования

Выборку респондентов составили 112 человек (27 мужчин и 85 женщин) в возрасте от 25 до 55 лет. Средний возраст составил 37,5 лет. Для исследования использовалась только одна психодиагностическая ситуация: добровольное и бескорыстное сотрудничество с исследователем.

Для эмпирического исследования взаимосвязи ценностных ориентаций с индивидуально-психологическими особенностями личности, нам необходимо было подобрать адекватную исследуемым характеристикам батарею методик, с помощью которой стало бы возможным оценить уровень ценностных ориентаций и выявить уровень экзистенциальной наполненности респондентов. Таким образом, для определения и оценки уровня ценностей и ценностных ориентаций применялась «Методика по изучению ценностей личности» Ш. Шварца (Карандашев, 2004), для определения уровня экзистенциальной наполненности личности применялся опросник «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер (Майнина, Васанов, 2010, с. 87–99).

Для обработки данных использовался стат. пакет Statistica 6.0. Для анализа данных применялся коэффициент Спирмена (r_s).

Результаты исследования и их обсуждение

С помощью коэффициента корреляции Спирмена (r_s) нами был проведен корреляционный анализ зависимостей шкал используемых в исследовании опросников. Таким образом, результаты проведенного корреляционного исследования представлены в таблице 1, в которую внесены только значимые корреляции.

Между шкалами методики Шварца и шкалами опросника ШЭ, в целом, были выявлены 42 значимые корреляции. В основном, наблюдались отрицательные корреляции (79%). Подробнее о взаимосвязях между показателями методик.

Так, значимые отрицательные корреляции были получены по шкале «Конформность» на уровне нормативных идеалов методики Шварца и шкалами «Внутренняя свобода» и «Экзистенция» методики ШЭ ($r = -0,211$; $r = -0,213$ соответственно при $p < 0,05$). На уровне индивидуальных различий по данной шкале методики Шварца и шкалами «Самодистанцирование», «Person» и общему показателю методики ШЭ также были получены значимые отрицательные корреляции ($r = -0,415$; $r = -0,346$; $r = -0,302$ соответственно при $p < 0,05$) (см. таблицу 1). Согласно концепции Шварца, определяющая мотивационная цель конформности – сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут

Таблица 1

Значимые корреляции Спирмена между шкалами методики по изучению ценностей личности и шкалами опросника ШЭ (при $p < 0,05$)

Шкалы методики Шварца	Шкалы методики ШЭ						
	SD	ST	P	F	V	E	G
cf1				-0,211		-0,213	
cf2	-0,415		-0,346				-0,302
tr1			-0,220	-0,290		-0,245	-0,236
tr2				-0,243		-0,220	
dob1	0,209						
un2	-0,238		-0,213				
sam1		0,257	0,226	0,421	0,281	0,303	0,326
sam2		-0,375	-0,298				
stim1				0,257			
stim2	-0,296	-0,318	-0,376				-0,293
ged2	-0,266		-0,202		-0,320	-0,276	-0,262
dost2	-0,229		-0,268	0,211			
vlast1	-0,201		-0,212				
bez2	-0,377		-0,224	-0,210		-0,240	-0,237

причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Данная ценность является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия (послушание, самодисциплина, вежливость, уважение родителей и старших) (Карандашев, 2004, с. 30). Таким образом, чем выше и значимей для человека этот тип ценностей на уровне нормативных идеалов, тем ниже будет внутренняя свобода его личности, и чем этот тип ценностей будет для него важнее в его жизни на уровне индивидуальных различий, тем ниже будет его личностный уровень самодистанцирования и экзистенциальной наполненности.

Значимые отрицательные корреляции были получены между шкалой «Традиция» как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных различий методики Шварца и шкалами «Person», «Внутренняя свобода», «Экзистенция» и общему показателю методики ШЭ (см. таблицу 1). По Шварцу, традиция как ценность – это уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи и идеи. Любые социальные группы вырабатывают свои символы и ритуалы. Их роль и функционирование определяются опытом группы и закрепляются в традициях и обычаях. Традиционный способ поведения становится символом групповой солидарности, выражением единых ценностей и гарантией выживания. Традиции чаще всего принимают формы религиозных обрядов, верований и норм поведения. Мотивационная цель данной ценности – уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность) и следование им (Карандашев, 2004, с. 29–30). Таким образом, если для человека значимы принятые в обществе социальные ценности, традиции, то уровень внутренней свободы его ограничивается.

Значимые положительные корреляции были получены практически между всеми шкалами методики ШЭ и шкалой «Самостоятельность» на уровне нормативных идеалов методики Шварца. В свою очередь, на уровне индивидуальных различий

между указанной шкалой методики Шварца и шкалами «Самодистанцирование» и «Person» методики ШЭ были получены отрицательные корреляции (см. таблицу 1). Определяющая цель этого типа ценностей состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности. Самостоятельность как ценность производна от организменной потребности в самоконтроле и самоуправлении, а также от интеракционных потребностей в автономности и независимости (Карандаше, 2004, с. 28–29). Таким образом, чем выше и значимей для человека этот тип ценностей на уровне нормативных идеалов, тем выше уровень его внутренней свободы, ответственности, экзистенциальной наполненности личности, самотрансценденции, т. е. почувствовать, что является важным и правильным с точки зрения его ценностей. При этом на уровне индивидуальных различий значимость для человека данного типа ценностей приводит к понижению уровня самодистанцирования, т. е. способности отойти от самого себя на некоторую дистанцию, в результате чего взгляд на мир становится более свободным, а человек «выходит» за рамки себя и смотрит на ситуацию со стороны (Майнина, Васанов, 2010, с. 88).

По Шварцу, тип ценностей «Стимуляция» является производным от организменной потребности в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности. Биологически обусловленные вариации потребности в стимуляции, опосредованные социальным опытом, приводят к индивидуальным различиям в значимости этой ценности. Мотивационная цель данного типа заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям (Карандашев, 2004, с. 28). Следовательно, согласно полученным результатам, человеку, для которого эта ценность является наиболее важной и значимой в его жизни, на уровне нормативных идеалов характерен высокий уровень внутренней свободы, тогда как на уровне индивидуальных различий – низкий уровень самодистанцирования, самотрансценденции, экзистенциальной наполненности в целом. Об этом свидетельствуют полученные в исследовании значимые корреляции между шкалой «Стимуляция» методики Шварца как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных различий и шкалами «Внутренняя свобода» и «Самодистанцирование», «Самотрансценденция», «Person», общий показатель методики ШЭ соответственно (см. таблицу 1).

Для данной выборки характерно, что в случае, когда для человека на уровне индивидуальных приоритетов важен и значим гедонизм, как тип ценностей, т. е. для человека важным в жизни является получение наслаждения, чувственного удовольствия от жизни, то ему также характерен низкий уровень ответственности, самодистанцирования и экзистенциальной наполненности, о чем свидетельствуют полученные значимые отрицательные корреляции между упомянутыми понятиями (см. таблицу 1).

В случае, когда для человека важным является такой тип ценностей как достижение также на уровне индивидуальных приоритетов, то ему также характерен низкий уровень самодистанцирования, и в тоже время высокий уровень внутренней свободы (см. таблицу 1). Согласно концепции Шварца, определяющая цель такого типа ценностей, как достижение – личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Следовательно, проявление социальной компетентности в условиях доминирующих культурных стандартов влечет за собой социальное одобрение. Поведение человека, который стремится к достижению успеха в какой-либо деятельности, во многом зависит от его взаимодействия

с социумом и умением действовать в соответствии с теми социальными нормами, которые заложены в данном обществе. (Карандашев, 2004, с. 28). Вследствие этого, уровень внутренней свободы человека повышается, в то время как способность к самодистанцированию от ситуации, видению себя со стороны и тому, чтобы дать себе и ситуацию объективную оценку падает.

Значимая отрицательная корреляция наблюдалась между шкалой «Власть» на уровне нормативных идеалов методики Шварца и шкалами «Самодистанцирование» и «Person» методики ШЭ (см. таблицу 1). Согласно концепции Шварца, основная цель типа ценностей «власть» заключается в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание). Ценности *власти* и *достижения* фокусируются на социальном уважении, однако ценности *достижения* (успешность, амбициозность) подчеркивают активное проявление компетентности в непосредственном взаимодействии, в то время как ценности *власти* (авторитет, богатство) подчеркивают достижение или сохранение доминантной позиции в рамках целой социальной системы (Карандашев, 2004, с. 27–28). Следовательно, если для человека в его жизни на уровне нормативных идеалов наиболее значимой является власть, как тип ценностей, то ему также присущ низкий уровень самодистанцирования и Person, так как человек, стремящийся к власти, чаще всего не в состоянии дистанцироваться от какой-либо ситуации в его жизни и посмотреть на себя со стороны.

В случае, когда наиболее значимой в жизни для человека является безопасность как тип ценностей на уровне индивидуальных приоритетов, то для него также характерен низкий уровень самодистанцирования, Person, внутренней свободы и экзистенциальной наполненности (см. таблицу 1). Мотивационная цель безопасности – это безопасность для себя и для других людей, гармония, стабильность общества и взаимоотношений. Чувство безопасности очень важно для человека в его жизни. Если он не чувствует себя в безопасности, ему сложно общаться с окружающими людьми и с миром (Карандашев, 2004). Самодистанцирование отражает, в свою очередь, свободу Person и, как понятие экзистенциально-аналитической антропологии В. Франкла, означает отойти на такую дистанцию, из которой можно вести себя свободно по отношению к самому себе (Лэнгле, 2005, с. 155). Следовательно, для внутренне свободного человека, имеющего высокий уровень самодистанцирования и экзистенциальной наполненности чувство собственной безопасности не является наиболее важной ценностью в его жизни. Можно сказать, что человек не нуждается в этой безопасности, так как его внутренняя свобода и полнота жизни дают ему это чувство безопасности «заочно».

Таким образом, установленные взаимосвязи базовых переменных опросника ШЭ и ценностных ориентаций показывают возможность применения данной методики (ШЭ) для исследования структуры ценностей и необходимость дальнейших работ в этом направлении.

Литература

- Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценности личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005.

- Майнина И. Н., Васанов А. Ю. Стандартизация опросника «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 87–99.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е междунар. изд. СПб.: Питер, 2003.
- Längle A., Orgler Ch., Kundi M. The Existence Scale. A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfilment // European Psychotherapy. V. 4. № 1. 2003.

СВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА С ТЕЛОСЛОЖЕНИЕМ И ДЕРМАТОГЛИФИКОЙ

А. А. Зайченко

Саратовский государственный социально-экономический университет (Саратов)
zaichenko1958@mail.ru

Приводятся сведения о биометрических (соматических и дерматоглифических) и личностных особенностях мужчин с синдромом зависимости от алкоголя, которые могут выступать в качестве «маркеров риска алкоголизма».

Ключевые слова: конституциональная психология, синдром зависимости от алкоголя.

Главным требованием В. М. Бехтерева при вступлении в должность заведующего кафедрой душевных болезней Казанского университета в 1885 г. было создание при университете Экспериментальной психофизиологической лаборатории. Обобщение результатов исследований, выполненных в лаборатории, нашло отражение в речи, произнесенной В. М. Бехтеревым на торжественном акте Казанского университета в 1888 г. «Сознание и его границы». Взгляды В. М. Бехтерева на принципы экспериментального психологического исследования получили развитие в работах видных представителей конституционального направления российской психиатрии (прежде всего, казанской школы): М. П. Андреева (Андреев, 1926), М. Н. Ксенократова (Ксенократов, 1926) и С. Г. Жислина (Жислин, 1935). Эти исследования, берущие начало в системе взглядов Эрнста Кречмера и Фердинанда Керера (Kretschmer, Kehler, 1924) на конституциональную предрасположенность к различным вариантам употребления алкоголя и развитию алкоголизма, продолжают в настоящее время в русле изучения связи частной соматической конституции (телосложения) и психических заболеваний (Корнетов, 1991), в частности алкоголизма (Губерник, 1991).

С другой стороны, изучаются особенности частной дерматоглифической конституции лиц с психическими и поведенческими расстройствами вследствие употребления психоактивных веществ (Ким, Тупицына, Гнусарева, 2005) и, в частности, синдромом зависимости от алкоголя (Гасан-заде, 1999).

Однако работ, посвященных комплексному исследованию личностных и конституциональных (соматотипических и дерматоглифических) особенностей лиц с синдромом зависимости от алкоголя, не существует. При этом донозологическая диагностика и выявление групп риска развития психических и поведенческих расстройств, возникающих, в частности, вследствие употребления психоактивных веществ, является важной современной проблемой наркологии и психиатрии (Иванец, 2002).

Считается, что лишь антисоциальное и, возможно, пограничное личностные расстройства могут являться факторами предрасположенности к злоупотреблению

психоактивными веществами. При этом у большинства лиц с алкогольной зависимостью эти расстройства отсутствуют, как и различия по личностным параметрам между лицами с алкогольной зависимостью и без нее. В связи с этим выделить личностные факторы, которые бы могли служить предикторами развития зависимости от алкоголя, очень трудно (Shuckit, Klein, Twitchell, 1996), вероятность развития алкоголизма одинакова для людей с самыми разными личностными особенностями, а выделение основных типов личности больных алкоголизмом (Блейхер, Крук, 1986) производится уже в условиях сформировавшейся зависимости.

Цель работы: выявление биометрических (соматических и дерматоглифических) и личностных особенностей мужчин с синдромом зависимости от алкоголя, которые могут выступать в качестве «маркеров риска алкоголизма».

Участники исследования: 105 мужчин 22–35 ($28,8 \pm 0,3$) лет с синдромом зависимости от алкоголя и без алкогольной зависимости. Группа мужчин с синдромом зависимости от алкоголя: 75 мужчин $28,8 \pm 0,3$ лет с диагнозом «психические и поведенческие расстройства вследствие употребления алкоголя; синдром зависимости от алкоголя». Из них: а) 45 мужчин $28,9 \pm 0,4$ лет с «контролируемой зависимостью» («в настоящее время – воздержание в условиях, исключающих употребление алкоголя, под клиническим наблюдением», F10.22–3) – пациенты отделения наркологии Саратовской областной психиатрической больницы Св. Софии (СОПБ); б) 30 мужчин $28,7 \pm 0,6$ лет с «активной зависимостью» («в настоящее время эпизодическое употребление, включая дипсоманию», F10.24–6) – пациенты, направленные в Лечебно-консультативный центр (ЛКЦ) СОПБ. Группа мужчин без алкогольной зависимости: 30 мужчин $28,8 \pm 0,6$ лет, не имеющие психических и поведенческих расстройств и не состоящие на учете у нарколога и психиатра.

Методы исследования: антропометрия, дактилоскопия, психодиагностика, статистическая обработка.

Производили измерения тотальных размеров тела: длина тела, length of body, LB (см); масса тела, body weight, BW (кг); окружность грудной клетки, chest circumference, CC (см). Рассчитывали следующие антропометрические индексы: индекс массы тела (отражающий степень соответствия массы тела его длине), body mass index, $BMI = BW \text{ (кг)} / LB \text{ (м)}^2$; показатель плотности и массивности тела (использующийся для оценки физического развития взрослых людей), density and massiveness of a body, $DMB = 100BW \text{ (кг)} / LB \text{ (см)} \cdot CC \text{ (см)}$; индекс Ливи–Бругша (дающий представление о пропорциях или форме тела по шкале «узкосложенность–широкосложенность»), $ILB = 100CC \text{ (см)} / LB \text{ (см)}$; индекс Пинье 1 (характеризующий телосложение, согласно F. Weidenreich–M. В. Черноуцкому, по шкале «лептосомия, астеничность – пикничность, гиперстеничность»), $IP1 = LB \text{ (см)} - CC \text{ (см)} + BW \text{ (кг)}$; показатель площади поверхности тела (демонстрирующий, по В. Isaksson, размеры тела по шкале «макросомия – микросомия» с учетом его длины и массы), $S = 1 + [BW \text{ (кг)} + LB \text{ (см)} / 100]$.

Дактилоскопия проводилась с использованием сканера «Папилон ДС-22» (качество изображения соответствует спецификации ФБР IAFIS Image Quality Specification) и выделением следующих дерматоглифических переменных. Выделяли традиционные пальцевые узоры: дуга (самый простой и редкий узор), arch, A; ульнарная петля (средний по сложности и самый распространенный «банальный» узор), ulnar loop, LU; радиальная петля (средний по сложности и самый редкий узор), radial loop, LR; завиток (самый сложный и средний по частоте узор), whorl, W. Рассчитывали следующие индексы пальцевых узоров (индексы узорных типов, дерматоглифические индексы): дельтовый индекс $DI10 = L + 2W$; индекс Данкмейера, $ID = 100A/W$; индекс

Полла, $IP = 100A/L$; индекс Фуругаты, $IF=100W/L$; индекс Гайпеля, $IG = 100WI-III/0,5WIV-V$. Дельтовый индекс подсчитывали для обеих рук, вычисление остальных индексов проводили для правой (right, R) и левой (left, L) ладоней.

Психодиагностика: Трехфакторный личностный опросник Айзенка («Eysenck Personality Questionnaire», EPQ); «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ); Опросник Басса–Дарки («Buss – Durkee Hostility Inventory», BDI) в адаптации А. К. Осницкого.

Статистическая обработка (включая корреляционный и дискриминантный анализы) проведена с помощью стандартного пакета прикладных программ «Statistica 8.0».

Мужчины с синдромом зависимости от алкоголя обладают личностными и биометрическими (антропометрическими и дерматоглифическими) особенностями по сравнению с мужчинами без алкогольной зависимости:

- а) высокими значениями факторов нейротизма и интроверсии, шкал индивидуалистичности, ригидности и тревожности, уровня агрессивной мотивации, враждебности и агрессивности;
- б) микросомией, широкосложенностью и гиперстеничностью;
- в) меньшим количеством средних по сложности «петель» и большим числом пальцевых узоров, рассматривающихся в качестве «конкурирующих» – простых «дуг» и сложных «завитков».

Разделение групп с использованием всех трех видов переменных (личностных, дерматоглифических и антропометрических) по своей точности не превосходит правильное отнесение испытуемых к той или иной группе лишь на основе личностных переменных. В связи с этим в случае, если проведено психодиагностическое исследование, необходимость в дополнении его биометрическими данными отпадает.

Исключительное использование в качестве дискриминантно значимых переменных лишь антропометрических или дерматоглифических параметров не представляется целесообразным и даже правомерным: несмотря на высокую точность (при апостериорном анализе) отнесения испытуемого к группе с синдромом зависимости от алкоголя (около 90%), правильное отнесение к группе без алкогольной зависимости происходит недопустимо редко. Однако применение дискриминантного анализа с комплексным использованием биометрических (антропометрических и дерматоглифических) переменных демонстрирует, что при апостериорном анализе общий уровень достоверности разделения групп по выделенным переменным составляет 85,5% (94,4% – для группы мужчин с синдромом зависимости от алкоголя, 69,0% – для группы мужчин без синдрома алкогольной зависимости). Разделение групп мужчин с синдромом зависимости от алкоголя и мужчин без синдрома алкогольной зависимости происходит по следующим 9 показателям:

- 1) индекс Ливи–Бругша, ILB (описывающий пропорции тела и отражающий относительную «широко́сложенность» мужчин с синдромом зависимости от алкоголя);
- 2) радиальная петля, количество на левой руке, LRL (ниже в группе мужчин с синдромом зависимости от алкоголя);
- 3) площадь поверхности тела, S (интегральная характеристика макро-микросомии с учетом длины и массы тела, отражающая относительную микросомию мужчин с синдромом зависимости от алкоголя);

- 4) ульнарная петля, количество на левой руке, LUL (ниже в группе мужчин с синдромом зависимости от алкоголя);
- 5) индекс Данкмейера правой руки, IDR (отражает большее количество простого узора «дуга» по отношению к сложным «завиткам» в группе мужчин с синдромом зависимости от алкоголя);
- 6) радиальная петля, количество на правой руке, LRR (ниже в группе мужчин с синдромом зависимости от алкоголя);
- 7) показатель плотности и массивности тела, DMB (интегральный показатель физического развития, основанный на трех тотальных размерах тела);
- 8) индекс Полла правой руки, IPR (отражает большее количество простого узора «дуга» по отношению к «петлям» в группе мужчин с синдромом зависимости от алкоголя);
- 9) «ульнарная петля», количество на правой руке, LUR (ниже в группе мужчин с синдромом зависимости от алкоголя).

Классификационные функции для каждой из групп (мужчин с синдромом зависимости от алкоголя, мужчин без синдрома алкогольной зависимости):

$$y_1 = -4044,72 + 156,42 (ILB) + 8,90 (LRL) + 99,65 (S) - 9,15 (LUL) + 0,16 (IDR) + 149,80 (LRR) - 1,99 (PLT) + 0,00 (IPR) + 5,48 (LUR);$$

$$y_2 = -4082,29 + 156,96 (ILB) + 11,64 (LRL) + 100,18 (S) - 8,69 (LUL) + 0,15 (IDR) + 153,09 (LRR) - 2,00 (PLT) + 0,01 (IPR) + 5,77 (LUR),$$

где обозначения – см. выше, y_1 – классифицированное значение для группы мужчин с синдромом зависимости от алкоголя; y_2 – классифицированное значение для группы мужчин без синдрома алкогольной зависимости. При классификации новых испытуемых они относятся к группе мужчин с синдромом зависимости от алкоголя или группе мужчин без синдрома алкогольной зависимости, классифицированное значение которой будет большим.

Таким образом, биометрические (дерматоглифические и антропометрические) параметры могут быть использованы в скринирующих исследованиях населения с целью выделения групп риска развития синдрома зависимости от алкоголя, дальнейшим мониторингом этих групп с фокусированием донозологических экспресс-диагностических и профилактических программ. На основе антропометрических и дерматоглифических параметров, имеющих прогностическую значимость в отношении возможности развития психических и поведенческих расстройств, связанных с приемом алкоголя, разработаны алгоритм и программа биометрического выделения группы риска возникновения синдрома зависимости от алкоголя у мужчин.

Литература

- Андреев М. П. Взаимоотношения психического склада и телосложения. Клинико-антропологическое исследование // Работы психиатрической клиники Казанского государственного университета. Вып. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1926. С. 114–126.
- Блейхер В. М., Крук И. В. Патопсихологическая диагностика. Киев: Здоров'я, 1986.
- Гасан-заде Н. Ю. Скорость формирования алкоголизма в зависимости от ряда психоконституционных особенностей // Вопросы наркологии. 1999. №3. С. 35–38.
- Губерник В. Я. Клинико-конституциональные закономерности течения алкоголизма // Актуальные вопросы медицинской и клинической антропологии: Материалы межреспубликанского научного симпозиума (апрель 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 19–24.

- Жислин С. Г. Об алкогольных расстройствах: клинические исследования // Воронеж, 1935. С.113–114.
- Ким В. В., Тупицына Л. С., Гнусарева Е. С. Особенности пальцевой дерматоглифики у мужчин, систематически употребляющих психоактивные вещества // Теория и практика физ. культуры. 2005. № 8. С. 53–55.
- Корнетов Н. А. Клиническая антропология: Теоретический подход и основные принципы // Актуальные вопросы медицинской и клинической антропологии: Материалы межреспубликанского научного симпозиума (апрель 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 41–47.
- Ксенократов М. Н. Зависимость течения психозов от генной структуры // Современная психоневрология. 1926. № 4. С. 13–15.
- Kretschmer E., Kehrler F. A. Die Veranlagung zu seelischen Störungen. Berlin: Springer, 1924.
- Shuckit M. A., Klein J., Twitchell G. et al. Показатели личностных тестов как предикторы развития алкоголизма в течение последующих почти 10 лет // Ежегодник: статьи из ежегодного издания по психиатрии и психическому здоровью. 1996. № 4. С.28–29.

Личностные ценности, принятие неопределенности и макиавеллизм как предикторы морального выбора¹

Т. В. Корнилова, И. А. Чигринова

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

to.chigrinova@gmail.com

В исследовании впервые проблема регуляции морального выбора представлена в опосредствовании личностной саморегуляции принятием неопределенности. «Доличностные» уровни нравственного самосознания, не включающие ориентировку на ценности другого человека, оказываются связанными с ИТН (интолерантностью) и опосредствуют влияние макиавеллизма на выбор в моральных дилеммах, а личностные уровни – с толерантностью к неопределенности (ТН).

Ключевые слова: уровни нравственного самосознания, толерантность к неопределенности, личностные ценности, моральный выбор.

Введение

Регулятивная роль нравственного самосознания в выборе человека проявляется как фокусирующая иерархии ряда процессов личностной саморегуляции, включая ориентацию на личностные ценности. Однако мало изученными остаются взаимодействия личностных ценностей с активным самоопределением личности в ситуациях неопределенности. Личностный выбор предполагает преодоление неопределенности как построение той системы ценностных координат, в которой выбор становится авторским и отражающим личностные позиции человека. При этом возможно выделение как собственно личностных, так и доличностных уровней, отражающих степень направленности ценностных предпочтений на учет (или нет) позиции другого человека (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009). Из совокупности личностных свойств в качестве связанного с отношением к другому человеку как средству выступает макиавеллизм (Знаков, 2000). Нами была поставлена задача

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 10-06-00416а.

выделить эффекты влияний уровней нравственного самосознания как связанных с личностными свойствами толерантность–интолерантность к неопределенности и макиавеллизм на личностные выборы в ситуациях, подчеркивающих контексты морального самоопределения или принятия неопределенности.

Ранее нами было обосновано единство функционирования интеллектуально-личностного потенциала в саморегуляции решений и действий (Корнилова, 2007), что противопоставлено представлениям о независимости регулятивной роли как когнитивных детерминант субъективного выбора, так и автономного личностного потенциала, рассматриваемого вне связей с интеллектуальным. Будь то выбор между мотивами или другим образом представленные процессы в актуалгенезе личностной регуляции выбора, моральный выбор – это всегда нечто большее, чем проявление интеллектуальных возможностей или мотивационно-смысловых предпочтений. Моральный выбор совершает личность, обладающая самосознанием, в котором представлена система личностных ценностей и которое нельзя сводить к функционированию одноуровневых регуляционных систем.

В исследовании (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009), опиравшемся на модель Колберга – Гиллиган в представлении уровней нравственного самосознания, продемонстрировало положительную связь латентной переменной «Личностные ценности, включающие ориентацию на Другого» с *принятием неопределенности*. Мы включили дополнительно измерения двух латентных переменных, связываемых с *толерантностью* и *интолерантностью к неопределенности* (ТН и ИТН), применив Новый опросник толерантности к неопределенности (Корнилова, 2010) и измерение *макиавеллизма*, предположительно сопутствующего нижним («доличностным») уровням самосознания.

Собственно *личностный уровень* представляет собой высокое развитие *постконвенциональной морали* (по Колбергу) и *самоуважения* (по Гиллиган). Именно этот уровень отражает функционирование общечеловеческих *ценностей*, в которые входит отношение к другому человеку как к ценности, а не как к средству. Последнее соответствует стадиям *доконвенциональной, конвенциональной морали* и *самоозабоченности*. Согласно нашей гипотезе, преодоление смысловой неопределенности на личностном уровне регуляции выбора предполагает, что человек самоопределяется по отношению к тем ценностям, которые он будет отстаивать в своем выборе. Это связано с децентрацией собственной позиции, что подразумевает и смену отношения к другим с эгоистического манипулирования на уважение и рассмотрение других с точки зрения их самооценности. Таким образом, готовность к принятию неопределенности рассматривается как условие личностного выбора.

Процедура и методики

В исследовании приняли участие 100 человек – студенты 3-го курса факультета психологии дневного отделения МГУ в возрасте от 18 до 26 лет, из них – 79 женщин ($M = 19, SD = 1,2$) и 21 мужчина ($M = 19,5, SD = 2,5$).

Нами было разработано 2 блока задач, по 4 задачи в каждом, которые моделировали ситуацию выбора из альтернатив: а) согласия/несогласия на манипуляцию (1 блок) и б) принятие/непринятие неопределенности (2 блок). Задачи имели 4 варианта решений, при этом два первых ответа предполагали заданный ответ, последние два были открытыми, и испытуемые могли сами дополнительно обосновать свой выбор.

Для выявления уровней развития самосознания применялась методика Справедливость–Забота (Молчанов, 2005), для оценки уровня макиавеллизма – Макшкала (Знаков, 2000). Для оценки личностной переменной ТН испытуемые диагностировались с помощью двух опросников – MSTAT в апробации Е. Г. Луковицкой и НТН в апробации Т. В. Корниловой. Методика Личностные факторы принятия решений (ЛФР) использовалась для выявления свойств *рациональности* (Рац.) и *готовности к риску* (Риск).

Результаты

- 1 Корреляционный анализ выявил связи *конвенционального* и *доконвенционального* уровней нравственного самосознания ($\rho = 0,52, p < 0,001$), а также обеих шкал – с *самоозабоченностью* ($\rho = 0,38, p < 0,001$ и $\rho = 0,37, p < 0,01$), что подтверждает вновь возможность их объединения в общий так называемый «доличностный уровень», отражающий ориентировку ценностей на комфорт и собственные интересы. С этим уровнем, как мы и предполагали, оказался значимо связанным *макиавеллизм* ($\rho = 0,35, p < 0,001$ с *доконвенциональной моралью*; $\rho = 0,24, p < 0,02$, с *самоозабоченностью*), который при этом отрицательно связан с *самопожертвованием* ($\rho = -0,39, p < 0,02$). *Интолерантность к неопределенности* (ИТН) по опроснику НТН положительно связана с «доличностным» уровнем ценностных ориентаций (для *доконвенционального*, *конвенционального* уровней и *самоозабоченности* $\rho = 0,27, \rho = 0,25$ и $\rho = 0,25$, (все $p < 0,05$). Положительно связана интегральная шкала *толерантности–интолерантности* по MSTAT с *самоуважением* ($\rho = 0,28$).
- 2 На основе применения метода структурного моделирования была построена следующая модель, отражающую связи латентных переменных личностной регуляции с предпочтениями в выборах (зависимая переменная – выбор в задачах). Анализ пригодности модели выявил удовлетворительное соответствие модели эмпирическим данным: $\chi^2 (47) = 58,79, p = 0,11$; сравнительный индекс пригодности CFI = 0,89, корень из среднеквадратичной ошибки аппроксимации RMSEA = 0,04 (95% интервал).
- 3 Проведенный регрессионный анализ позволил выявить личностные предикторы выбора, представленные для 1 блока задач в таблице 1, а для 2 – в таблице 2.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа для задач, выбор в которых связан с принятием или отвержением манипуляций другим человеком

№ дилеммы	Аналоги НП	Коэффициент детерминации	% правильного предсказания	Коэффициент регрессии В	Значимость	Exp (В)
Задача 1	ТН	0,441	80,0	-0,023	0,000	0,977
Задача 2	Самоуважение	0,423	78,2	-0,050	0,000	0,951
	Самоуважение Макиавеллизм	0,642	85,5	-0,303 0,085	0,001 0,002	0,739 1,089
Задача 3	Самоозабоченность Макиавеллизм	0,430	80,0	-0,451 0,118	0,025 0,004	0,637 1,125
Задача 4	Доконвенциональный уровень	0,401	78,2	-0,086	0,000	0,917

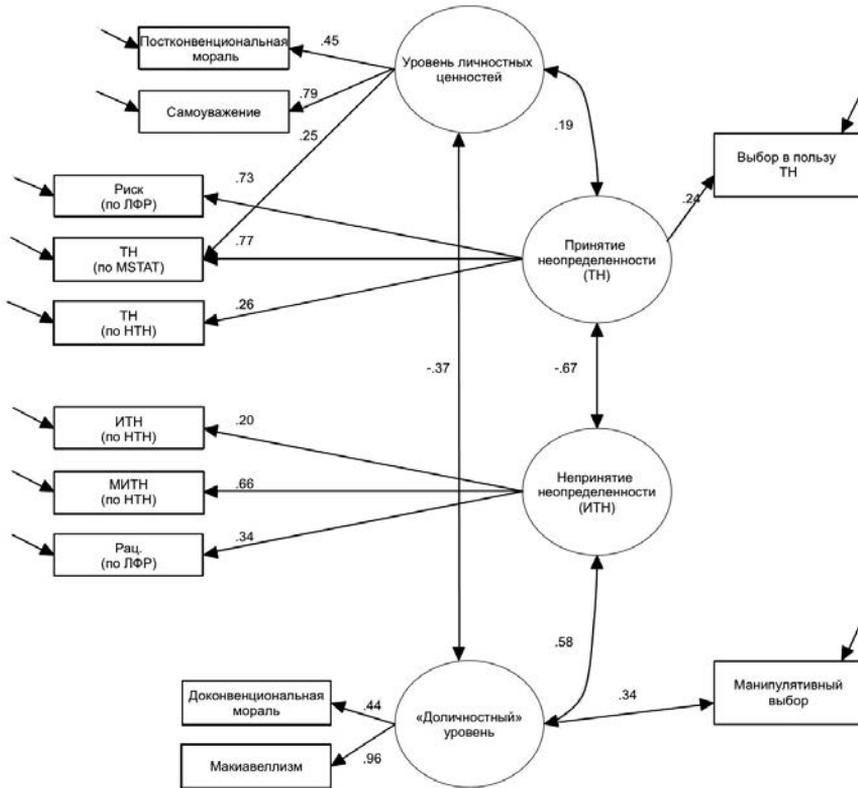

Рис. 1. Структурная модель взаимосвязей уровней нравственного самосознания («Личностный» и «доличностный» уровень) и принятия–непринятия неопределенности (латентные переменные ТН и ИТН) как предикторов личностных выборов

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа для второго блока вербальных задач

№ дилеммы	Аналоги НП	Коэффициент детерминации	% правильного предсказания	Коэффициент регрессии В	Значимость	Exp (В)
Задача 5	Самоозабоченность	0,597	85,5	0,100	0,000	0,904
	Самоозабоченность Конвенциональный уровень	0,722	83,6	-0,375 0,480	0,008 0,001	1,454 0,619
Задача 6	Доконвенциональный уровень	0,242	70,9	-0,351	0,006	0,704
	Конвенциональный уровень	0,421	70,9	0,374	0,002	1,453
Задача 7	ТН	0,116	69,1	0,045	0,048	1,046
Задача 8	Самоуважение	0,294	72,7	-0,038	0,001	0,962
	Конвенциональный уровень Самоуважение	0,395	80,0	0,217 -0,179	0,026 0,007	1,242 0,836

Обсуждение результатов

Макиавеллизм, как и предполагалось, оказался значимо связанным с доличностным уровнем нравственного самосознания, который определял предпочтения выбора (в 1 блоке задач) в направлении использования других людей как средства достижения своих целей. Согласно полученной модели, необходимо понимать влияние этого доличностного уровня на выбор в моральной дилемме как опосредованный также через латентную переменную ИТН. Тот факт, что сознательной ориентации на интериоризованные ценности, включающие и общечеловеческие, при высоких уровнях макиавеллизма не наблюдается, мы рассматриваем как результат несформированности системы внутренних ценностей. Личностные уровни самосознания, со сформированными ценностями ориентации на другого человека, напротив, характеризуются взаимодействием с принятием неопределенности. Соответствующая парциальная система динамической регуляции личностных предпочтений проявлялась в выборах во 2-м блоке задач.

Доличностные и личностные уровни нравственного самосознания оказывают реципрокное влияние на выбор в задачах, моделирующих ситуации, связанные с манипуляцией и условиями неопределенности. Отметим также, что уровни нравственного самосознания выступали предикторами выбора в моральных дилеммах, связанных с принятием неопределенности, когда предполагалось межличностное взаимодействие. В ситуациях без такого взаимодействия основной вклад был со стороны ТН.

Выводы

- 1 Структурная модель позволяет установить опосредствующие влияния уровней нравственного самосознания на предпочтения в выборе благодаря звену латентных переменных, отражающих активность личности в принятии или отвержении неопределенности.
- 2 Макиавеллизм можно рассматривать в качестве атрибута низких уровней личностного самосознания.
- 3 Личностная регуляция морального выбора должна быть понята как многоуровневая, поскольку охватывает разные уровни самосознания, ценностное отношение к другому и активность в принятии и непринятии неопределенности.

Литература

- Знаков В. В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 16–22.
- Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 140–150.
- Корнилова Т. В. Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. Ставрополь: СевКавГТУ, 2007.
- Корнилова Т. В., Новотоцкая-Власова Е. В. Соотношение уровней нравственного самосознания, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 61–72.
- Молчанов С. В. Структура морального поведения в концепции Дж. Реста // Психология и школа. 2005. № 1. С. 111–132.

ПОСТРОЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА

С. Д. Кулик, Н. Е. Гунько

Московский городской психолого-педагогический университет,
факультет информационных технологий (Москва)
sedmik@mail.ru

В докладе представлена работа, посвященная созданию программных средств принятия решения по составлению психологического портрета человека на основе признаков почерка. Кратко описаны категории признаков почерка, компоненты психологического портрета человека и психологические тесты, кратко описаны методы, которые будут использованы в исследовании.

Ключевые слова: признаки почерка, психологический портрет, нейронные сети.

Введение

В обширном кругу научных знаний графология занимает на сегодняшний день одно из видных мест. Люди с древних времен (Аристотель, Светоний) пытались изучать законы зависимости между почерком и психологическими особенностями личности исполнителя рукописного текста.

Современная психологическая наука подтверждает зависимость почерка от эмоционального состояния и некоторых типологических свойств высшей нервной деятельности исполнителя текста. Отдельные приемы графологического анализа применяются в исследованиях по дифференциальной психологии и психофизиологии (Алесковский, Комиссарова, 2008). На сегодняшний день, отмечая практическую значимость графологии как науки, можно привести в качестве примера самые разные области применения знаний по графологии. Основными областями применения графология являются: подбор персонала, профессиональная ориентация, исторические изыскания (Зуев-Инсаров, 1992), а также возможности графологии могут быть использованы в следственно-судебной практике и решения гражданско-правовых вопросов. Однако до сих пор практически отсутствуют апробированные методики по установлению психологического портрета личности по особенностям почерка, а проводимые в данном направлении прикладные исследования носят отрывочный, фрагментарный характер (Алесковский, Комиссарова, 2008).

В связи с широким применением графологических знаний специалистами в различных областях деятельности появилась необходимость в разработке эффективных программных средств принятия решения по составлению психологического портрета человека на основе признаков почерка.

Для разработки (отсутствующих у специалистов) этих средств необходимо получить подтверждение возможностей графологии и криминалистического почерковедения по составлению психологического портрета человека (с помощью необходимых вероятностных оценок и программного обеспечения). В криминалистике уже ведутся активные исследования в близких областях (Кулик, Никонец, 2009, 2010). Было предложено устройство для определения авторов рукописных документов (Кулик, Никонец, Ткаченко, Жижилев, 2009).

Проведение необходимых научных исследований откроет новые возможности распознавания пользователя (личности) и определение его именно психологи-

ческих характеристик при использовании автоматизированных методов анализа почерка и принятия решения.

Разработанные методы должны позволить учесть субъективный фактор и значительно снизить вероятность ошибок при принятии решения специалистами.

Основная часть

Почерк характеризуется целым набором признаков, позволяющих отличить почерк конкретного человека от почерков всех остальных людей.

Многолетняя практика позволила специалистам заметить определенные закономерности в почерке и их обусловленность личностными особенностями человека. Манера писать у каждого достаточно специфическая и (как полагают некоторые исследователи) практически не повторяется.

Детальное изучение почерка основывается на целой системе информативных признаков, например, следующих: признаки формы; признаки размера; признак положения букв; признак направления, наклон почерка; промежутки между элементами, буквами и словами; величина оставляемых полей; вычисление повторяемости выделяющихся признаков; подпись человека как самостоятельный признак и др.

Исследование особенностей наиболее информативных признаков почерка невозможно без изучения индивидуально-психологических особенностей личности, поскольку каждый графологический признак содержит ценную информацию о тех или иных свойствах характера пишущего, особенностях темперамента, способности к креативному мышлению и т. д.

Академик Б. Г. Ананьев, создавший ленинградскую школу психологов, обосновал, что каждый человек обладает яркой индивидуальностью, объединяющей его природные и личностные особенности. Через индивидуальность раскрываются своеобразие личности, ее способности, предпочтительная сфера деятельности.

В индивидуальности выделяются базовые и программирующие свойства. К базовым относятся темперамент, характер, способности человека. Именно через базовые свойства раскрываются динамические характеристики психики (эмоциональность, темп реакций, активность, пластичность, чувствительность) и формируется определенный стиль поведения и деятельности личности. Базовые свойства – сплав врожденных и приобретенных в процессе воспитания и социализации черт личности.

На основе оценки свойств личности можно составить ее психологический портрет, включающий следующие компоненты: 1) темперамент; 2) характер; 3) способности; 4) направленность; 5) интеллектуальность; 6) эмоциональность; 7) волевые качества; 8) умение общаться; 9) самооценка; 10) уровень самоконтроля; 11) способность к групповому взаимодействию (Гунько, 2010).

Психологический портрет личности представляет собой совокупность психологических, темпераментологических особенностей, индивидуальных личностных свойств и характеристик, которые позволяет получить *психологическая диагностика* в контексте с современной *теорией личности*. Многофакторные методики позволяют получить базовый психологический портрет: ММРІ, опросник 16F Р. Кеттелла, портретный тест Л. Сонди, цветовой тест М. Люшера и др. Специально ориентированные методики для диагностики выделенных психологических качеств: Типологический опросник Дж. Голланда, ориентировочная анкета тест Йовайши, конфликтологический опросник К. Томаса и т. д. При психодиагностическом ис-

следовании достигается максимальное соответствие полученного психологического портрета с объективной комплексной психологической характеристикой личности.

Данные тесты помогут установить необходимую для исследования связь: *признак почерка – графологическая интерпретация – психологическая характеристика личности.*

Таблица 1
Примеры интерпретации признака почерка

Волнообразные строки	Дипломатичность, гибкость мышления. Хитрость, ловкость, ложь, изворотливость, такт, коммерческие наклонности, отсутствие совести, непрямолинейность
Легкий, поверхностный нажим	Человек с таким почерком является тонкой и чувствительной натурой. Это в большей степени интроверт (человек, сконцентрированный на явлениях внутреннего мира). Критический ум и высокий самоконтроль позволяют ему справляться с задачами большой важности. Однако это требует от него удвоенной энергии и напряжения

Реализация

Отбор признаков почерка и психологических тестов производится методами системного анализа и обработки информации. Для построения решающего правила предполагается использовать возможности искусственных нейронных сетей. Задача принятия решения близка к задаче классификации. Классификации подлежат ситуации, характеристики которых поступают на вход нейронной сети. На выходе сети при этом должен появиться признак решения, которое она приняла. При этом в качестве входных данных используются значения различных показателей описания почерка испытуемого.

Возможность обучения – одно из главных преимуществ нейронных сетей перед традиционными алгоритмами. В процессе обучения нейронная сеть способна выявлять сложные зависимости между входными данными и выходными, а также выполнять некоторое обобщение. Это значит, что в случае успешного обучения сеть сможет вернуть верный результат на основании данных, которые отсутствовали в обучающей выборке, а также неполных и/или «зашумленных», частично искаженных данных.

Этапы решения задач, с использованием нейронной сети: сбор данных для обучения (в нашем случае – признаки почерка); подготовка и нормализация данных; выбор топологии сети (в нашем случае – самоорганизующаяся карта Кохонена или нейронная сеть Хопфилда или какая-то другая); экспериментальный подбор характеристик сети; экспериментальный подбор параметров обучения; собственно обучение; проверка адекватности обучения; корректировка параметров, окончательное обучение; вербализация сети с целью дальнейшего использования.

Для реализации программного обеспечения планируется использовать возможности интегрированной среды программирования Delphi 7.0.

Опираясь на работу (Алесковский, Комиссарова, 2008) была составлена следующая таблица (см. таблицу 2).

Анализ этой таблицы показал, что на первом этапе нужна выборка порядка 100 рукописей. В настоящее время ведется активная работа для получения этой выборки.

Таблица 2
Исследование почерка различными авторами

№	Автор (исследователь)	Объем выборки	Примечание
1	К. Титтель	20 испытуемых	Исследование скорости письма (киносъёмка). Выявлено, что быстро пишущие обнаруживают склонность к абстрактному мышлению. Большого возрастания скорости достигают подвижные, а меньшего – спокойные натуры. Данные закономерности носят статистический характер
2	Й. Виртц	–	Исследовал скорость, нажим и протяженность штрихов
3	Р. Визер	700 преступников; 200 законопослушных (контрольная группа)	Исследование ритмичность смены линий в характерных формах. Основной ритм отличается от ритма движения, включая ритм формы и пространства
4	Р. Пофаль	–	Рассматривал ритмический поток, рыхлость, гибкость, ломкость почерка. Исследования чрезвычайно трудоемки и требуют применения измерительной аппаратуры
5	Д. М. Зуев-Инсаров	–	Применил корреляционно-статистический метод и систему формальных признаков почерка, по Л. Клягесу. Исследовал почерк под гипнозом
6	Л. Ойнонен	122 человека (возраст 7–9 лет)	Исследование «хорошего почерка»
7	Т. Валнер	89 мужчин (средний возраст – 29,2 года)	Оценил корреляцию между оценкой переменной «стабильность» опытными графологами и преподавателями курсов
8	О. Локовандт	100 студентов и студенток вуза	Получил «достоверные связи между психической регуляцией и членением пространства, письма»
9	А. Фернхам, Б. Гантер	64 испытуемых (возраст – 18–70 лет)	Регистрировались 13 показателей почерка. Не выявлено значимой корреляции с данными теста Айзенка
10	Бен-Шарах	80 банковских служащих (возраст – 19–27 лет)	Корреляция между оценками графологов и критериальными показателями была в пределах 0,2
11	Айзенк, Костельнуово-Тедеско	104 студента	Получена значимая корреляция между графологическими оценками признака «тревожность» и индексом «тревожности», по тесту Роршаха
12	Айзенк и Гаддджонсон	99 лиц (48 мужчин и 51 женщина; возраст – 22–36 лет)	Было получено значимое значение корреляции для шкалы психотизма
13	С. Ю. Алесковский	165 чел.	Изучал выбор фигур. Подтверждение исследований В. Келера
14	В. А. Ефремов	170 спортсменов из 2-х групп (средний возраст – 19 лет в 1-й группе и 25 лет во 2-й группе)	Использовал 53 показателя почерка. Проведено психолого-почерковедческое исследование по установлению связей между некоторыми интегральными характеристиками почерка и показателями надежности соревновательной деятельности спортсменов-стрелков. Построены модели прогноза уровня соревновательной надежности
15	В. К. Лисиченко, В. В. Липовский	300 лиц (юристы, возраст – 25–30 лет)	Исследование зависимости почерка от основных свойств ВНД

Продолжение таблицы 2

№	Автор (исследователь)	Объем выборки	Примечание
16	В. И. Родественская, Э. А. Голубева, Л. Б. Ермолаева-Гомилина, А. Е. Ольшанникова	–	Исследования, подтвердившие, что внутренние закономерности и соотношения в психике индивида находят свое отражение в его почерке
17	В. К. Лисиченко, В. М. Барбашина, Т. В. Варфоломеева	150 лиц (возраст – 25–30 лет)	Исследовали проявление в почерке высшей нервной деятельности (ВНД) исполнителя рукописи
18	А. А. Иванов	–	Сопоставление признаков почерка с результатами теста Айзенка
19	Ю. Н. Погибко	225 испытуемых (32% мужчин, 68% женщин), возраст – от 18 до 22 лет.	Был взят 41 общий признак почерка. Получены корреляции между признаками почерка и свойствами темперамента, определявшимся при помощи теста Айзенка

Заключение

Результаты данной работы могут быть в дальнейшем использованы: психологами (для диагностики психологических характеристик испытуемого по почерку); специалистами отделами кадров (для наиболее оптимального отбора кандидатов на новую должность); техническими специалистами финансовых структур (для более точной диагностики пользователя по его рукописному тексту с целью принятия ответственных решений); специалистами МВД России (для поиска злоумышленников).

Разработка эффективных правил принятия решения и программного обеспечения в области построения психологического портрета на основе признаков почерка представляется актуальной и полезной задачей в условиях развития современной научной графологии, криминалистического почерковедения и психологической науки.

Литература

- Алесковский С. Ю., Комиссарова Я. В. Основы графологии. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008.
- Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность. Киев: Перлит продакшн ЛТД, 1992.
- Гулько Н. Е. Разработка эффективных программных средств принятия решения по составлению психологического портрета человека на основе признаков почерка // Сборник тезисов школы-семинара НИТ. 2010. С. 237–239.
- Гулько Н. Е. Биометрические признаки для обеспечения информационной безопасности // Безопасность информационных технологий. 2010. № 1. С. 64–65.
- Кулик С. Д., Николец Д. А. Примеры использования нейросетевого алгоритма в методиках для эксперта-почерковеда // Нейрокомпьютеры: разработка и применение. 2009. № 9. С. 61–85.
- Кулик С. Д., Николец Д. А., Ткаченко К. И., Жижилев А. В. Специализированное устройство для определения авторов рукописных документов // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений. М.: ЭКЦ МВД России, 2009. С. 239–243.

Кулик С. Д., Никонец Д. А. Автоматизация почерковедческих исследований // Сборник трудов XIX международной конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». 25–26 мая 2010 г. М.: Академия управления МВД России, 2010. С. 314–317.

СМЫСЛ И ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ В НЕСТРУКТУРИРОВАННОЙ СИТУАЦИИ¹

Д. А. Леонтьев, А. Г. Смирнов

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

dleon@smysl.ru

В экспериментальном исследовании выявлены варианты поведения испытуемых в неструктурированной ситуации ожидания и установлена связь типов поведения с переменными, характеризующими смысловую регуляцию, отчуждение, контроль действия и отношение к будущему.

Ключевые слова: неопределенность, полезависимость, отчуждение, смысл, ориентация на действие, психологическое время.

Введение. Проблема исследования

Проблемой данного исследования являются эмпирически регистрируемые эффекты смысловой регуляции. Согласно концепции смысловой регуляции жизнедеятельности (Леонтьев, 1999), различный смысл, который может иметь для субъекта та или иная деятельность и ее отдельные компоненты сказываются на процессе и результатах этой деятельности. В частности, данная концепция утверждает, что индивиды могут различаться по степени опоры на смысловую регуляцию, по сравнению с другими регуляторными механизмами, и что опора на смысловую регуляцию заметно снижает подверженность субъекта ситуационным влияниям и детерминантам. Имеющиеся прямые эмпирические свидетельства в пользу этой гипотезы немногочисленны и на сегодняшний день не систематизированы. Мы поставили себе задачу непосредственно установить связь между личностными особенностями, связанными с индивидуальными особенностями смысловой сферы, и реальным поведением.

Сама постановка этой проблемы восходит к традициям школы К. Левина и к введенному им понятию поведенческого поля, которое оказывает регулирующее действие на протекание действий как в силу имеющихся у индивида потребностей и намерений, так и (в особенной степени) в отсутствие таковых (Левин, 2001). В последнем случае Левин говорил о «полевом» поведении, детерминируемым преимущественно силами поля. Одним из учеников Левина Германом Виткиным была сконструирована и операционализирована такая индивидуальная характеристика, как полезависимость/полenezависимость, т. е. мера подверженности индивида влиянию сил поля. Эта характеристика оказалась весьма существенной. Она измерялась и изучалась Виткиным и его последователями почти исключительно в контексте перцептивной и другой познавательной активности как один из пара-

¹ Авторы благодарны А. Н. Гусеву и О. А. Михайловой за неоценимую помощь в обеспечении помещения и оборудования для проведения исследования.

метров когнитивных стилей; тем не менее, удалось установить связь когнитивной полезависимости с пассивностью в отношениях с окружающей средой, нарушенной рефлексией, конформностью (Witkin et al., 1962).

Попытку ввести в подобные исследования смысловое измерение предприняли позднее Ю. Куль и Ю. Бекман (Kuhl, Beckmann, 1994) с целью, в частности, проверить некоторые теоретические положения теории В. Франкла (1990). Сначала они экспериментально индуцировали у группы испытуемых состояние скуки, дав им задание на протяжении 20 минут нажимать в заданном ритме телеграфный ключ. Затем их приглашали подождать в соседней комнате продолжения эксперимента. В комнате стоял телевизор, по которому транслировалась черно-белая передача, ранее оцененная экспертами как крайне скучная и бессмысленная – финальный этап давно прошедшей лотереи, вытаскивание из барабана шаров с выигрышными числами. Испытуемые имели, однако, возможность переключиться на более интересный фильм о путешествиях. Поскольку скука представляет собой, по Франклу, антипод стремления к смыслу, предполагалось, во-первых, что стремление к смыслу должно проявляться в действиях, направленных на уход из вынужденной скучной ситуации и переключение канала, во-вторых, что предварительная монотонная деятельность ослабит это стремление, в-третьих, что проявятся индивидуальные различия испытуемых в зависимости, в частности, от их доминирующей ориентации на действие или состояние.

Результаты в целом подтвердили гипотезы. В среднем после монотонной деятельности пассивно «залипали» на бессмысленной передаче около 60% испытуемых, ориентированных на состояние, и около 20% ориентированных на действие. При этом сообщение о смысле предшествующей монотонной деятельности (объяснение ее как необходимой для апробации теста на внимание) заметно снижало ее негативное влияние: пассивно смотреть в экран продолжали лишь около 35% ориентированных на состояние и около 15% ориентированных на действие. Исследование Куля и Бекмана выступило в качестве прототипа нашего.

Процедура и методы исследования

Целью нашего исследования было выявить влияние параметров смысловой регуляции на поведение в ситуации неопределенности (ожидания). Главная гипотеза состояла в том, что люди, в большей мере ориентированные на смысл, будут менее зависимы от стимульной структуры ситуации.

В качестве выборки выступили 36 студентов второго и третьего курса Российского государственного университета физической культуры, туризма и спорта (РГУФКТиС) (13 женщин и 23 мужчины). Исследование проводилось с каждым индивидуально.

В специально оборудованном помещении перед занавешенным темной тканью окном располагался удобный диван. Перед диваном располагался стол, на котором стоял подключенный к сети телевизор с настроенными программами (около 15). Прямо перед телевизором лежала небольшая стопка популярных журналов и пульт управления телевизором. Включался канал, который, по данным Интернет-опросов, является самым скучным.

Испытуемого просили пройти в комнату, присесть на диван и подождать, пока экспериментатор сходит в соседнее здание за опросниками. Его оставляли одного ровно на 10 минут. После возвращения испытуемому сразу задавались вопросы:

(1) Как вы думаете, сколько времени прошло? (2) Чем вы занимались, пока ждали? (3) В случае если испытуемый отвечает, что он смотрел телевизор, задается вопрос: «Интересной ли вам показалась передача, которая была изначально включена?» (4) Чем вы могли бы заняться, пока ждали? (5) Почему не занялись? Затем испытуемый приглашался в соседнюю аудиторию, где заполнял батарею методик. В комнате также была установлена видеокамера скрытого наблюдения. Рассогласований в самоотчете и объективных данных, полученных после просмотра видеозаписей, выявлено не было.

Для выявления индивидуальных особенностей смысловой регуляции использовались следующие методики: тест смысловых ориентаций СЖО (Леонтьев, 1992), объединенная русскоязычная версия опросника ориентации на действие/состояние ОДС Ю. Куля (Васильев, Шапкин, Митина, Леонтьев, 2010), шкала общей толерантности к неопределенности ШОТН Д. МакЛейна в адаптации Е. Луковицкой (1998), опросник субъективного отчуждения ОСОТЧ С. Мадди, С. Кобэйса и М. Хувера в адаптации Е. Н. Осина (2007), шкала временных установок Ж. Нюттена (2004) и качественная методика выявления смысла жизни П. Иберсола (Леонтьев, Осин, 2004).

Результаты и обсуждение

Помещенные в тождественную ситуацию испытуемые обнаруживали различия в поведении, в качестве причины которых мы рассматривали их личностные особенности. На основании поведенческих признаков и оценок, которые выступали как зависимые переменные, выборка распадалась на группы, в которых затем сравнивались усредненные значения независимых переменных – личностных характеристик.

- 1 По оценке прошедшего в ожидании интервала времени: а) недооценка (5–7 минут, 5 чел.); б) адекватная оценка (8–12 минут, 19 чел.); в) переоценка (13–25 минут, 12 чел.).
- 2 Общий рисунок поведения: а) «полнезависимые» – не смотрели телевизор (занимались своими делами, листали журналы или изучали комнату, 15 чел.); б) «пассивные полнезависимые» – смотрели телевизор, не переключая каналы (12 чел.); в) «активные полнезависимые» – смотрели телевизор и переключали каналы (9 чел.).
- 3 Оригинальность ответа на вопрос, чем могли бы заняться в ожидании: а) стереотипный ответ, встречавшийся более 2 раз (25 чел.), например: «Покрутить полиграф, почитать книгу», «Могла смотреть телевизор, играть с телефоном», «почитать журнал», «исследовать комнату»; б) оригинальные ответы (9 чел.). Примеры: «Подумать о чем-либо, чтобы врать грамотно», «Мог... полежать: кушетка удобная», «Мог заняться своими делами».

Данные обрабатывались в программе Statistica 8.0 непараметрическим анализом с помощью коэффициента Манна–Уитни.

Начнем с взаимосвязи разных оснований разделения выборки на группы. Оказалось, что люди, смотревшие телевизор (неважно, переключали ли они каналы, или нет), склонны достаточно точно оценивать время. Те, кто недооценивал время, чаще всего занимались какими-то своими практическими делами. Большинство тех, кто переоценил время, отдыхали, думали или медитировали.

Те, кто недооценил прошедший промежуток времени, давали значимо более высокие. по сравнению с остальными, значения по шкале ценности будущего опросника ШВУ ($z = 3,28$ и $3,30$; $p < 0,001$). Иными словами, время течет быстрее для тех, кто ценит будущее выше, чем прошлое и настоящее. Испытуемые, точно оценившие время, имеют наиболее высокие показатели по шкале бессилия ОСОТЧ ($z = 2,61$; $p < 0,01$). Те же, кто переоценил прошедшее время, имеют более высокие значения по опроснику ШОТН ($z = 2,09$; $p < 0,05$). Будущее не вызывает у них тревоги, и они не склонны спешить.

У тех, кто давал оригинальные ответы на вопрос о возможности проведения времени ожидания, выявлены значимо более высокие значения по шкале Внутреннего контроля будущего ШВУ ($z = 3,51$; $p < 0,001$). Они также практически все не смотрели телевизор. Видимо, эти люди не надеются на случайности или какие-нибудь внешние факторы, но считают, что только от их собственных усилий зависит их персональное будущее. Склонность к анализу собственных мыслей и действий дает им возможность более объемно воспринимать ситуацию, что приводит к более четкой позиции.

Наиболее интересны личностные различия, связанные с общей стратегией поведения.

Во-первых, пассивные полезависимые испытуемые обнаружили значимо более низкие значения осмысленности жизни по СЖО по сравнению как с полнезависимыми ($p < 0,05$), так и с активными полезависимыми ($p < 0,01$). Эти данные хорошо согласуются с данными Ю. Куля и Ю. Бекмана и подтверждают нашу основную гипотезу: дефицит собственного смысла не позволяет преодолеть навязанную скучную ситуацию, а наличие смысла служит ресурсом для этого. Активные полезависимые испытуемые следовали своим интересам – искали более интересный канал, – принимая заданную ситуацию в целом, но не в частностях. Группа же полнезависимых распадается на две подгруппы. Одни из них вместо того, чтобы смотреть телевизор, изучали обстановку в комнате и находившиеся в ней предметы, т. е. демонстрировали исследовательское поведение, которое, строго говоря, полезависимо, просто они расширили свое поле. Их уровень осмысленности жизни так же низок, как и у пассивных телезрителей. Другие вовсе абстрагировались от обстановки и занимались своими делами, сумев выйти из заданной им ситуации – их осмысленность жизни, напротив, выше, чем у других ($p < 0,05$).

Наиболее выраженным отличием группы пассивных полезависимых от всех остальных групп оказались более высокие значения этих испытуемых ($p < 0,001$) по шкале бессилия опросника субъективного отчуждения. Значения по этой шкале отражают утрату человеком веры в свою способность влиять на жизненные ситуации при сохранении ощущения их важности (Осин, 2007). По опроснику ОДС пассивные полезависимые испытуемые обнаружили значимое понижение по сравнению с двумя остальными группами по шкале ориентации на действие при планировании ($p < 0,001$). В сочетании с низкими показателями общей осмысленности по СЖО это дает основание предположить, что «идеальный» телезритель, проглатывающий все, что ему показывают, – это человек, который ощущает себя ведомым по жизни, избегает планирования и ориентируется на заимствованные извне смыслы.

Наконец, стоит отметить более высокие значения у активных полезависимых испытуемых, по сравнению с пассивными полезависимыми, по шкалам опросника ШВУ «Ценность будущего» ($p < 0,001$) и «Внутренний контроль будущего» ($p < 0,05$). Это указывает на связь контроля настоящего с контролем будущего.

Наконец, остановимся на данных по качественной методике Иберсола. В-первых, общее количество смыслов, называемых человеком в ответ на вопрос о том, что для него важно, было у активных полезависимых намного больше, чем в обеих других группах ($p < 0,001$); в свою очередь, у полнезависимых это количество больше, чем у пассивных полезависимых ($p < 0,05$). Активные полезависимые испытуемые значимо чаще, чем остальные, называли в числе своих смыслов относящиеся к категориям «рост и развитие», «Я» и «постановка и достижение целей» ($p < 0,05$ во всех случаях).

Заключение и выводы

Данное исследование носит ограниченный характер в силу небольшого объема выборки, не позволяющего говорить о полученных данных как о закономерностях. Вместе с тем полученные результаты весьма выпуклы и позволяют говорить о том, что построенная нами экспериментальная модель себя полностью оправдала и что гипотеза получила однозначное подтверждение.

Ситуация ожидания в заданной предметно-пространственной среде создает для испытуемых ситуацию неопределенности, требуя от них самоопределения, единственным ориентиром для которого могут служить внутренние личностные ориентации. В зависимости от них испытуемые обнаруживают разные паттерны поведения. Одни, обозначенные нами как пассивные полезависимые, отличаются сниженной степенью осмысленности жизни, высокой мерой субъективного отчуждения по типу бессилия, преимущественной ориентацией на состояние при планировании. Они склонны вести себя конформно-зависимо, некритично принимая заданные им извне условия. Другие, обозначенные нами как активные полезависимые, напротив, обладают высоким уровнем осмысленности и их смысловые ориентации в качественном отношении отличаются в позитивную сторону; им также присуща высокая ценность будущего и ощущение его контролируемости. Они ориентированы на принятие заданной ситуации в целом, но стремление ее усовершенствовать и приспособить к своим интересам. Группа, которую мы назвали полнезависимыми, судя по всему, неоднородна; в ней выделяются испытуемые, ориентированные на исследование поведенческого поля и способные, напротив, совсем дистанцироваться от него. Последние отличаются, в частности, рефлексивностью и высокой осмысленностью. Увеличение объема выборки и расширение инструментария позволит более четко разграничить группы и конкретно смоделировать их личностные и поведенческие особенности.

Литература

- Васильев И. А., Шапкин С. А., Митина О. В., Леонтьев Д. А. Ориентация на действие или состояние как индивидуальная характеристика саморегуляции. М.: Смысл, 2010 (в печати).
- Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
- Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Эмпирическая типология смыслов жизни в США и России // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. Материалы VIII–X симпозиумов / Под ред. А. А. Бодалева и др. Ч. 1. М.: Смысл, 2004. С. 72–81.

- Луковницкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
- Осин Е. Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Осин Е. Н. Шкала общей толерантности к неопределенности // Психологическая диагностика. 2010 (в печати).
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Kuhl J., Beckmann J. Alienation: ignoring one's preferences // Volition and personality: Action versus State Orientation / J. Beckmann (ed.). Goettingen; Seattle: Hogrefe, 1994. P. 375–390.
- Witkin H. A., Dyk R. B., Faterson H. F., Goodenough D. R., Karp S. A. Psychological Differentiation. N. Y.: Wiley, 1962.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ

С. Н. Лосева

Восточно-Сибирская государственная академия образования (Иркутск)
loseva@bk.ru

В предлагаемой работе рассматриваются результаты эмпирического и экспериментального изучения музыкальной одаренности в процессе вокально-хоровой деятельности. Особое внимание уделяется рассмотрению программы развития музыкальной одаренности в рамках культурно-деятельностного подхода в отечественной психологии.

Ключевые слова: музыкальная одаренность, музыкальность, интеллект, креативность, духовность.

Обращаясь к истории развития одаренности, можно отметить, что в нашей стране данный феномен долгое время понимался как определенный уровень формирования способностей личности, а одаренность как самостоятельная проблема не изучалась. В связи с этим и в исследовании музыкальной одаренности долгое время преобладал такой подход, в соответствии с которым феномен музыкальной одаренности рассматривался как «синтез» специальных музыкальных способностей. На сегодняшний день актуальность всестороннего психологического изучения феномена музыкальной одаренности определяется отсутствием единого подхода исследователей по вопросу диагностики, выявления и развития музыкальной одаренности. Эмпирические данные изучения структуры музыкальной одаренности (А. Л. Готсдинер, Д. К. Кирнарская, М. А. Кононенко, И. А. Курбатова, М. С. Старчеус, М. Т. Таллибулина, Т. Ф. Цыгульская) и соотношения компонентов музыкальной одаренности – музыкальности, интеллекта, креативности – очень противоречивы, а в изучении соотношения музыкальности и общих способностей нет единого мнения. Кроме того, нет лонгитюдного исследования развития учащихся с незаурядными музыкальными способностями в процессе вокально-хоровой деятельности.

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей развития музыкальной одаренности в процессе вокально-хоровой деятельности. В соответствии с целью и задачами исследования был проведен анализ литературы по вопросам

структуры музыкальной одаренности, основных подходов к ее развитию в вокально-хоровой деятельности, факторов, влияющих на развитие музыкальной одаренности.

В своем исследовании музыкальной одаренности мы опирались на определение одаренности Л. И. Ларионовой. Рассматривая одаренность как интегральное образование, включающее интеллектуальный компонент, креативность и духовность как высший уровень развития личности, автор отмечает, что данный феномен формируется в процессе взаимодействия с социокультурной средой и проявляется в высоких творческих достижениях. Интеллект рассматривается ученым как форма организации ментального опыта, креативность как глубинное свойство одаренной личности, позволяющее, с одной стороны, на основе индивидуального опыта развивать свою одаренность, а с другой стороны, экстерииоризировать личностный опыт, приобретенный в процессе интериоризации культурных ценностей, делать его достоянием социума и способствовать таким образом развитию культуры. Духовность как высший уровень развития личности, по мнению Л. И. Ларионовой, проявляется во взаимодействии с социокультурной средой и формируется в процессе «вращения» ребенка в культуру.

Таким образом, музыкальная одаренность как специальная одаренность включает духовность, общие (интеллект, креативность) и специальные (музыкальность) способности. Отмечая специфику вокально-хоровой деятельности в рассмотрении музыкальности как компонента музыкальной одаренности, нам близка точка зрения Б. М. Теплова (о двух сторонах музыкальности – эмоциональной и слуховой) и Д. К. Кирнарской (аналитический и интонационный слух). В определении интеллектуальной составляющей, креативности и духовности в структуре музыкальной одаренности мы придерживались точки зрения Л. И. Ларионовой.

Теоретическое изучение проблемы и анализ практического опыта позволили сформулировать гипотезу исследования, согласно которой можно предположить, что музыкальная одаренность развивается в процессе вокально-хоровой деятельности. При этом мы исходили из следующих допущений:

- 1 Музыкально одаренные учащиеся разного возраста имеют свой уровень развития музыкальной одаренности.
- 2 Музыкально одаренные учащиеся имеют свои особенности развития музыкальной одаренности и взаимосвязь музыкальности, духовности с интеллектом и креативностью.
- 3 Программа музыкальной одаренности способствует развитию структурных компонентов данного феномена в процессе вокально-хоровой деятельности.

С целью проверки гипотезы нами было проведено эмпирическое и экспериментальное исследование. Для изучения музыкальной одаренности в процессе вокально-хоровой деятельности использовались общенаучные методы исследования (наблюдение, анкетирование, беседа, формирующий эксперимент, тестирование, анализ вокальной и хоровой деятельности испытуемых). Опираясь на представление о музыкальной одаренности как сложном интегральном образовании, включающем интеллект, креативность, духовность и музыкальность, мы подобрали диагностический комплекс методик, направленный на изучение отдельных структурных компонентов. Для определения уровня интеллектуального развития использовался культурно-свободный тест интеллекта Р. Кеттелла. Креативность изучалась с помощью модифицированных креативных тестов Ф. Вильямса. На основе 16-факторного опросника Р. Кеттелла (мы выделили три фактора А, G, I (доброта/обособленность;

высокая совестливость/недобросовестность; мягкосердечность/жестокость, которые, на наш взгляд, соответствуют данному критерию) и результатов анализа музыкальности (аналитического и интонационного слуха) нами определялась духовная составляющая. Диагностика интонационного и аналитического слуха как центральной составляющей музыкальности производилась на основе исследований Б. М. Теплова, К. В. Тарасовой и Д. К. Кирнарской.

В эмпирическом исследовании, проведенном в 2005–2006 учебном году на базе Дворца детского и юношеского творчества, Детской школы искусств (ДШИ) № 4 и общеобразовательной школы (МОУ СОШ) № 7), участвовали две группы – музыкально одаренные и школьницы, не занимающиеся пением. Общая выборка одаренных музыкантов составила 70 человек. Из них музыкально одаренные школьницы 8–10 лет – 24 человека; 11–12 лет – 26 человек; 13–15 лет – 20 человек. Сравнительное исследование проводилось на выборках школьниц, не занимающихся пением. Общее количество школьниц в данной группе – 130. Из них школьницы 8–10 лет – 50; 11–12 лет – 50; 13–15 лет – 30. Всего были охвачены исследованием 200 респондентов.

В процессе исследования было установлено, что с увеличением возраста одаренных респондентов увеличивается уровень показателей структурных компонентов музыкальной одаренности – музыкальности, интеллекта, креативности, духовности. Так, сравнивая показатели школьниц 8–10 и 11–12 лет, можно отметить высокие показатели музыкальности (интонационный слух – $U_{\text{эмп}} = 203,5$ при $p < 0,05$; аналитический слух – $U_{\text{эмп}} = 134$ при $p < 0,01$), коэффициента интеллекта ($t = 4,093$ при $p < 0,001$), факторов гибкость ($t = 2,078$ при $p = 0,043$) и разработанность ($t = 2,148$ при $p = 0,037$) у подростков. Между школьницами 11–12 и 13–15 лет обнаружены статистически достоверно значимые различия увеличения показателей интонационного ($U_{\text{эмп}} = 167,5$ при $p < 0,05$), аналитического слуха ($U_{\text{эмп}} = 80$ при $p < 0,001$) и снижение по фактору гибкость ($t = 2,129$ при $p = 0,039$) теста дивергентного мышления.

Результаты исследования школьниц, не занимающихся пением, позволяют констатировать различия между школьницами 8–10 и 11–12 лет в развитии музыкальности (аналитический слух – $U_{\text{эмп}} = 971$ при $p < 0,05$), духовности ($G - t = 2,444$ при $p < 0,05$) и креативности (гибкость – $t = 2,078$ при $p = 0,043$; разработанность – $t = 2,148$ при $p = 0,037$). Между школьницами 11–12 и 13–15 лет выявлено увеличение показателей коэффициента интеллекта ($t = 3,592$ при $p < 0,001$) и снижение результатов по факторам G ($t = 0,717$ при $p < 0,01$), I ($t = 3,568$ при $p < 0,001$) и по фактору гибкость ($t = 2,129$ при $p = 0,039$) теста дивергентного мышления.

Результаты сравнительного анализа структурных компонентов музыкальной одаренности выявили, что значения всех составляющих у музыкально одаренных школьниц превышают показатели школьниц, не занимающихся пением:

- 1) уровень музыкальности одаренных школьниц отличается высокими показателями и достоверно различается с показателями школьниц, не занимающихся пением (интонационный слух школьниц 8–10 лет – $U_{\text{эмп}} = 169,5$ при $p < 0,001$; 11–12 лет – $U_{\text{эмп}} = 151,5$ при $p < 0,001$; 13–15 лет – $U_{\text{эмп}} = 0$ при $p < 0,001$; аналитический слух школьниц 8–10 лет – $U_{\text{эмп}} = 393$ при $p < 0,01$; 11–12 лет – $U_{\text{эмп}} = 132,5$ при $p < 0,001$; 13–15 лет – $U_{\text{эмп}} = 5$ при $p < 0,001$);
- 2) в группе музыкально одаренных школьниц 11–12 лет показатели коэффициента интеллекта достоверно значимо превосходят значения у школьниц, не занимающихся пением ($t = 4,962$ при $p < 0,000$);

- 3) у музыкально одаренных подростков 11–12 лет рисунки отличаются разнообразием, асимметричностью и сложностью (беглость – $t = 2,055$ при $p = 0,043$; гибкость – $t = 2,859$ при $p = 0,006$; оригинальность – $t = 2,135$ при $p = 0,036$; разработанность – $t = 5,507$ при $p < 0,001$; название – $t = 2,102$ при $p = 0,039$; общий суммарный показатель – $t = 4,368$ при $p < 0,001$), а у школьников 13–15 лет – количеством идей, разнообразием категорий и изображений рисунка в разных местах внутри заданного пространства (разработанность – $t = 4,929$ при $p < 0,001$ и общий суммарный показатель – $t = 2,792$ при $p = 0,008$).

Для углубленного изучения особенностей музыкальной одаренности в процессе вокально-хоровой деятельности были проанализированы корреляционные взаимосвязи показателей аналитического и интонационного слуха со значениями всех описанных выше психологических характеристик, отражающих структурные компоненты музыкальной одаренности. В группе испытуемых 8–10 лет статистически достоверно значимых корреляций не обнаружено. Однако в более старших группах мы обнаружили наличие корреляционных связей музыкальности с духовностью, креативностью, интеллектом, количество которых возрастает с увеличением возраста музыкально одаренных школьников. Полученные результаты взаимодействия музыкальности с интеллектом, креативностью и духовностью музыкально одаренных школьников представлены на рисунке 1.

У школьников, не занимающихся пением, обнаружена противоположная тенденция – снижается количество корреляционных связей музыкальности с интеллектом, креативностью и духовностью с увеличением возраста респондентов. Взаимодействие музыкальности с интеллектом, креативностью и духовностью школьников, не занимающихся пением, представлены на рисунке 2.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у музыкально одаренных учащихся формируется структура (музыкальность, духовность, креативность и интеллект), которая носит комплексный характер с увеличением возраста респондентов. Наличие корреляционных связей у музыкально одаренных школьников может свидетельствовать о взаимосвязи развития музыкальности, духовности с интеллектом и креативностью.

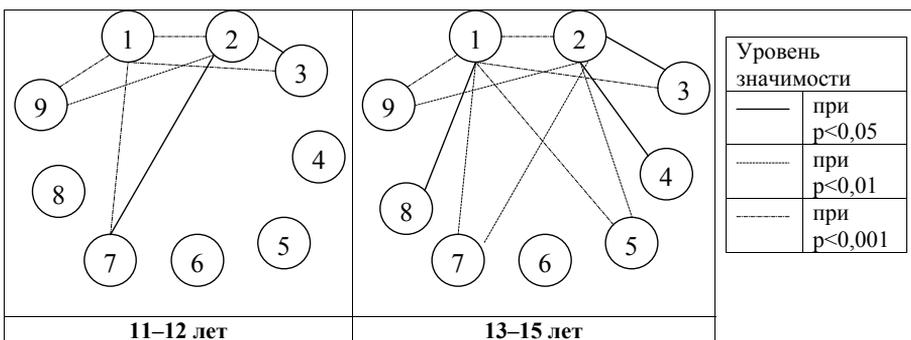

Рис. 1. Взаимодействие музыкальности с интеллектом, креативностью и духовностью музыкально одаренных школьников: 1 – аналитический слух; 2 – интонационный слух; 3 – интеллект; 4 – высокая совестливость (G); 5 – беглость; 6 – оригинальность; 7 – разработанность; 8 – название; 9 – суммарный результат (дивергентное мышление)

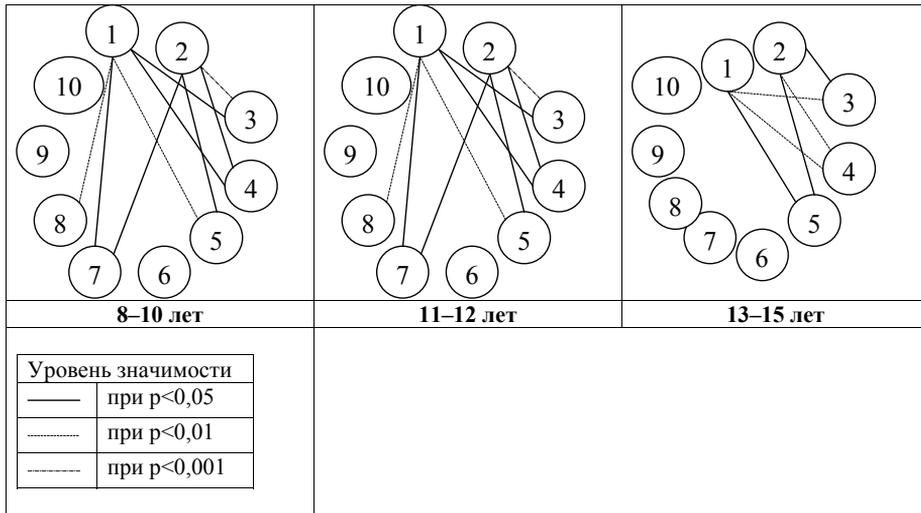

Рис. 2. Взаимодействие музыкальности с интеллектом, креативностью и духовностью школьников, не занимающихся пением: 1 – аналитический слух; 2 – интонационный слух; 3 – интеллект; 4 – доброта (А); 5 – беглость; 6 – оригинальность; 7 – разработанность; 8 – название; 9 – суммарный результат; 10 – воображение

На основании результатов эмпирической части исследования была разработана программа формирующего эксперимента. Цель программы – развитие музыкальной одаренности школьников в процессе вокально-хоровой деятельности, их музыкального, интеллектуального, творческого и духовного потенциала. Методологической основой программы формирующего эксперимента является культурно-деятельностный подход в отечественной психологии (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов).

На этапе формирующего эксперимента (2006–2008 уч. год) из учащихся МОУ СОШ №7 были отобраны школьницы, занимающиеся в вокальных коллективах «Когорта», «Истоки» МОУ СОШ №7 и хоровых коллективах ДШИ №4 г. Иркутска, которые были включены в экспериментальную группу. Общая выборка одаренных музыкантов составила 30 человек – по 10 человек в каждой возрастной группе (8–9, 10–11, 12–14 лет).

Результаты исследования

У музыкально одаренных школьниц выявлено значимое увеличение уровня развития аналитического (8–9 лет – $U_{\text{эмп}} = 6$ при $p < 0,001$; 10–11 лет – $U_{\text{эмп}} = 15,5$ при $p < 0,008$; 12–14 лет – $U_{\text{эмп}} = 11$ при $p = 0,003$) и интонационного слуха разновозрастных групп (8–9 лет – $U_{\text{эмп}} = 8,5$ при $p = 0,001$; 10–11 лет – $U_{\text{эмп}} = 6$ при $p < 0,000$; 12–14 лет – $U_{\text{эмп}} = 10$ при $p = 0,002$). Анализируя полученные данные, можно отметить, что вокально-хоровая деятельность способствует развитию аналитического и интонационного слуха у музыкально одаренных школьниц. Положительная динамика показателей коэффициента интеллекта обнаружена у музыкально одаренных школьниц 8–9 лет ($t = 3,033$ при $p < 0,01$). Развитие вербального компонента креативности, речи и словарного запаса выявлено у респондентов 10–11 лет ($t = 3,582$

при $p < 0,01$). В группе школьников 12–14 лет наблюдается положительная динамика по фактору общий суммарный показатель ($t = 2,762$ при $p < 0,05$).

Результаты экспериментального исследования духовности учащихся характеризуются среднестатистическими значениями и не выходят за пределы средней нормы. В возрастной группе 12–14 лет выявлена положительная динамика показателей по фактору А (доброта, открытость – $t = 3,161$ при $p < 0,05$).

Полученные данные исследования свидетельствуют о том, что программа формирующего эксперимента способствует развитию музыкальной одаренности и ее компонентов – музыкальности, интеллекта, креативности и духовности у музыкально одаренных школьников в процессе вокально-хоровой деятельности.

Таким образом, в целом выполненное исследование подтвердило гипотезу о развитии музыкальной одаренности и отдельных ее компонентов в процессе вокально-хоровой деятельности. При этом было эмпирически установлено, что музыкальная одаренность – интегральное личностное многокомпонентное образование, включающее интеллект, креативность, духовность и музыкальность. В то же время оно поставило ряд вопросов, определяющих перспективы дальнейших исследований по данной проблеме. К их числу следует отнести изучение гендерных различий музыкально одаренных школьников в процессе вокально-хоровой деятельности.

СПЕЦИФИКА ВЫДЕЛЕНИЯ ТИПОВ СУБЪЕКТИВНОГО ПОНИМАНИЯ

В. В. Луцкович, Н. П. Радчикова

Белорусский государственный педагогический университет (Минск)

wecacc@narod.ru, radchikova@yahoo.com

В работе раскрывается содержание субъективного понимания, характерного для респондентов юношеского и зрелого возраста. В результате эмпирического исследования выделено четыре обобщенных типа субъективного понимания. Также показано, что субъективное понимание у мужчин и женщин имеет свои отличительные особенности.

Ключевые слова: понимание, субъективное понимание, тип субъективного понимания, мыслительное поведение, мыслительные конструкторы.

В первые «понимание» как категория введено в экспериментальную психологию гештальт-психологами. В исследованиях Вюрцбургской психологической школы, по мнению Л. Л. Гуровой, проблема понимания рассматривалась как взаимоотношение между мышлением и речью. В то же время Л. М. Веккер считает, что К. Дункер констатировал факт понимания как «инсайт», т. е. как факт однократного усмотрения отношений между элементами ситуации, причем усмотрение реализуется как синтаксическое обнаружение. Понимание есть результат переструктурирования ситуации на основе охвата ее новой гештальт-структурой. К. Дункер совместно с М. Вертгеймером обнаружили сочетание пространственно-структурных и символически операционных компонентов мысли в феномене понимания. Возможно, в данном случае просматривается *пространственная (позиционная) и символическая особенность субъективного понимания*. Как взаимосвязь знаний и опыта человека понимание рассматривали Ж. Ф. Ришар (Ришар, 1998) и как интеграцию знаний на основе опыта – П. Е. Торндайк, Р. Андерсон.

Л. С. Выготский, анализируя проблему понимания, связывает ее с идеей интериоризации как механизма индивидуального сознания, присваивающего таким путем опыт и культуру человечества. В соответствии с этим подходом, если процесс говорения требует перехода из внутреннего плана во внешний, то понимание предполагает обратное движение – от внешнего плана речи к внутреннему (Выготский, 1982). С. Л. Рубинштейн с позиций психической мыслительной деятельности определяет понимание как процесс, складывающийся из дифференцировки, анализа вещей, явлений в соответствующих контекстах качествах и реализации связей (синтез), образующих данный контекст (Рубинштейн, 1958). Из данного определения понимания логически вытекает *аналитическая* и *обобщающая* особенности субъективного понимания.

В сфере чувств и эмоций понимание изучалось как особое психическое состояние, состояние «ага-переживание» А. Н. Соколов (Соколов, 1947). М. Фришейзер-Колер считает, что «понимание всегда является вторичным переживанием, воскрешающим жизненные отношения. Так, в жизненном процессе каждое отдельное переживание принимается по отношению к целому, а целое представляется, со своей стороны, как некое единство, констатируемое при помощи ведущих от одного переживания к другому отношений, которые сами могут быть предметом переживания» (Фришейзер-Колер, 1912).

В нашем случае за основу возьмем идею С. Л. Рубинштейна о том, что личность всегда есть субъект жизни, следовательно, субъективное понимание должно характеризоваться личностными особенностями как процесса, так и результата познания. В узком смысле, соглашаясь с дефиницией В. В. Знакова, будем рассматривать понимание как компонент мышления (обобщенного и опосредованного отражения существующих свойств и связей). В аспекте данного взгляда логична будет позиция А. А. Ивина, который полагает, что под пониманием «имеется в виду как понятийное, так и интуитивное осмысление и переживание. Понятийное или рациональное понимание представляет собой результат более или менее отчетливого рассуждения и является умозаключением. К интуитивным, или «нерассудочным», формам понимания относятся непосредственное схватывание некоторого единства и эмоциональное (чувственное понимание) с такой его разновидностью как эмпатия» (Ивин, 2006). Эта мысль ранее высказывалась К. Роджерсом. Так, К. Роджерс характеризует понимание как эмпатическое, которое противостоит оценивающему пониманию. Учитывая вышесказанное, можно выделить *рациональную, логическую, а также интуитивную, эмоциональную, образную* особенности субъективного понимания.

По мнению В. В. Знакова, «понимание – это „образ“ особого рода: оно чрезвычайно „нагружено“ субъективными компонентами, выражающими отношение субъекта к объекту». «Индивидуально-личностный характер понимания проявляется прежде всего в мотивационной направленности познавательного процесса, выделении субъектом значимых и неактуальных для него сторон объекта понимания» (Знаков, 2005). А. М. Ким выделяет в качестве компонентов структуры понимания когнитивно-стилевые и личностные особенности индивидуальности познающего субъекта (Ким, 2002). Эмоциональный аспект понимания подтверждается О. К. Тихомировым и В. В. Знаковым, которые писали о том, что, «понимая предметные ситуации, события и явления, люди всегда так или иначе проявляют свое отношение к ним (в частности, эмоциональное), последнее оказывается непременным атрибутом понимания» (Тихомиров, Знаков, 1989). О. И. Уланович

делает вывод, что при эмоционально-личностном понимании произвольно создается собственный вариант текста, за счет «приписывания предъявляемому сообщению воображаемого содержания» (Уланович, 2003). Согласно Л. Л. Гуровой, механизм понимания – это метод семантического монтажа, в основе которого лежит возможность преобразование материала в ходе достижения понимания самим субъектом (Гурова, 2005). Она выделяет предметный и вербальный аспект понимания. Основываясь на ее взгляде, попробуем выделить такие аспекты субъективного понимания как *словесный* и *предметный*.

Примем за основу следующее рабочее определение: *субъективное понимание* – это сложное целостное психологическое образование, которое можно рассматривать как субъективный мыслительный процесс или результат размышления субъекта о содержании своей индивидуальной специфики понимания окружающей действительности и своих мыслительных особенностей, отображаемой посредством совокупности мыслительных конструктов. Большинство из вышеуказанных характеристик субъективного понимания встречаем в опроснике И. П. Павлова.

В качестве исходной задачи эмпирического исследования выступала необходимость рассмотреть специфику субъективного понимания, а также попытаться установить типологию особенностей субъективного понимания с учетом его характеристик. Исследование осуществлялось как оформление испытуемыми самоотчета в виде избирательного выбора конструктов опросника самооценки индивидуального мыслительного поведения, заданного в форме матрицы биполярных конструктов – прилагательных, характеризующих субъективное понимание. За основу были взяты некоторые конструкты опросника И. П. Павлова по выявлению асимметрических функций полушарий мозга (Павлов, 1949). Разработанный им опросник выявлял рациональную и иррациональную стороны мыслительной деятельности испытуемого. Исследованием было охвачено 700 респондентов (431 мужчин и 296 женщин). Опрос реализовывался в Белорусском государственном педагогическом университете и Белорусском национальном техническом университете, Минском городском машиностроительном колледже г. Минска, а также в других заведениях. Выбор участников носил случайный характер. При обработке результатов в целях описания данных применялись различные статистические методы (факторный и кластерный анализ).

Результаты и обсуждение

Для статистического анализа результатов исследования использовался пакет Statistica 8.0. Данные по конструктам были подвергнуты факторному анализу (метод главных компонент, вращение Варимакс), который позволил выделить семь факторов, объясняющих 59% общей дисперсии. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Выделение целых семи факторов позволяет сделать вывод о том, что семантическое пространство субъективного понимания характеризуется большой когнитивной сложностью. Испытуемые оценивают свое понимание как минимум по семи различным независимым показателям. Первый фактор (эмоционально-интуитивный компонент понимания) объясняет 11% общей дисперсии и позволяет выделять респондентов с преобладанием эмоциональных характеристик субъективного понимания. Второй фактор (узко-направляемый компонент понимания) объясняет 8% общей дисперсии и характеризует респондентов с недостаточным знанием

Таблица 1
Факторные нагрузки после вращения

Конструкты, характеризующие субъективное понимание	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5	Ф6	Ф7
эмоциональное	0,67						
интеллектуальное	-0,63						
импульсивное	0,60						
интуитивное	0,59						
логичное	-0,57						
реалистическое	-0,51					0,41	
рациональное	-0,31					0,49	
свободное		-0,68					
направляемое		0,68					
объемное		-0,66					
атомистическое (элементное)		0,66					
аналоговое			0,89				
цифровое			-0,79				
безмолвное				0,85			
определяющее				-0,74			
принципиальное					0,85		
относительное					-0,82		
точное						0,67	
пространственное						-0,46	
аналитическое						0,43	
вневременное							0,87
историческое							-0,82
% объясненной дисперсии	0,11	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,07

Примечание: (КМО=0,57; тест сферичности Бартлетта $\chi^2=4102,87$; $p<0,001$).

для понимания окружающей действительности, нуждающихся в совете со стороны. Третий фактор (аналогово-цифровой компонент понимания) объясняет 8% общей дисперсии. Положительные факторные значения будут характеризовать понимание данного индивида как аналоговое, отрицательные факторные значения – как цифровое. Этот фактор задает отличительные особенности субъективного понимания в зависимости от особенностей информационной связи. Четвертый фактор (словесный компонент понимания) объясняет 8% общей дисперсии. Он отражает такой аспект понимания, как возможность выражения понятого в словах. Положительные факторные значения будут характеризовать понимание данного индивида как безмолвное, не поддающееся словесному воплощению, отрицательные факторные значения – как понимание, выражающееся в точных определениях. Указывает на активный диалоговый и пассивный индивидуальный характер субъективного понимания. Данный фактор подтверждает идею Л. С. Выготского об интериоризации как механизма индивидуального сознания. Пятый фактор (принципиальность в понимании) также объясняет 8% общей дисперсии. Положительные факторные значения будут характеризовать понимание данного индивида как принципиальное, отрицательные факторные значения – как относительное. Показывает, с одной

стороны, на принципиальный, мировоззренческий, а с другой – на относительный (с учетом различных точек зрения) характер субъективного понимания. Шестой фактор (рационально-логический компонент понимания) объясняет 8% общей дисперсии. Обобщает группу с рационально аналитическим пониманием в ситуации «здесь и сейчас». Седьмой фактор (историзм в понимании) объясняет 7% общей дисперсии. Положительные факторные значения будут характеризовать понимание данного индивида как не зависящее от временного контекста, отрицательные факторные значения – как привязанное к определенному историческому контексту.

Интересно отметить, что все факторы объясняют практически одинаковый процент общей дисперсии, что свидетельствует о почти одинаковом значении полученных шкал в семантическом пространстве испытуемых. Таким образом, все конструкты, характеризующие понимание, можно представить в пространстве семи шкал. Каждый испытуемый может иметь различные значения по каждому из факторов, что делает количество групп с разным типом понимания очень большим. Чтобы выделить обобщенные типы понимания, был проведен кластерный анализ по методу k-средних, в котором переменными для кластеризации служили факторные значения испытуемых. В результате было выделено четыре обобщенных типа понимания.

Первый тип (196 человек – 28% всей выборки) характеризуется преобладанием рационально-логического компонента, для него характерны вневременной подход, свобода и широта (рисунок 1). Этот тип субъективного понимания получил название «рационально-логический». Второй тип (188 человек – 27%) характеризуется преобладанием безмолвного (не выражаемого в словах) аналогового понимания. Можно определить его как «бессловесно-аналоговый субъективный». Третий тип (176 человек – 25%) является также в основном рационально-логическим, но отличается от первого узкой направленностью, управляемостью и принципиальностью в рассмотрении всех вещей. Такой тип можно назвать «рационально-логическим субъективным». Лица с данным типом строго придерживаются системы значений, характерных для их области деятельности. Четвертый тип (139 человек – 20%) характеризуется преобладанием эмоционально-интуитивного и аналогового компонентов. Человек такого типа рассматривает все во вневременном аспекте. Этот тип субъективного понимания получил название «интуитивно-аналоговый».

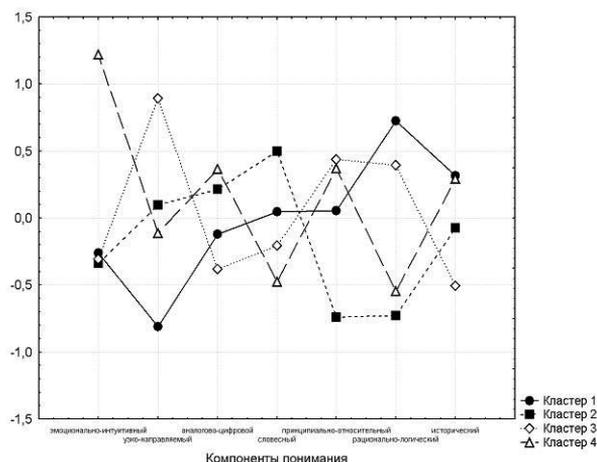

Рис. 1. Средние величины факторных значений понимания по различным факторам для четырех типов субъективного понимания

Таким образом, было выделено четыре обобщенных типа субъективного понимания. Для проверки валидности полученной типологии было проанализировано соотношение различных типов у мужчин и у женщин. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение различных типов субъективного понимания в зависимости от пола

Пол	Тип субъективного понимания				Всего
	рационально-логический	бессловесно-аналоговый субъективный	рационально-логический субъективный	интуитивно-аналоговый	
Мужчины	136	104	131	60	431
	31,55%	24,13%	30,39%	13,92%	
Женщины	61	84	45	79	269
	22,68%	31,23%	16,73%	29,37%	
Всего	197	188	176	139	700

Статистический анализ показал, что соотношение различных типов понимания у мужчин и женщин неодинаково ($\chi^2 = 39,95$; $p < 0,0001$). У мужчин преобладают типы, основанные на рационально-логическом компоненте (типы 1 и 3), у женщин – типы 2 и 4.

Итак, нами показано, что существуют следующие типы субъективного понимания: рационально-логический, бессловесно аналоговый, рационально логический, интуитивно аналоговый. Установлено, что и мужчины, и женщины оценивают свое понимание в соответствии с гендерной ролью и отличаются в зависимости от типа субъективного понимания.

Литература

- Выготский Л. С. Избранные сочинения. В 6 т. / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.
- Гурова Л. Л. Психология мышления. М.: Пер Сэ, 2005.
- Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Ивин А. А. Аксиология. М.: Высшая школа, 2006.
- Ким А. М. Понимание как общепсихологический феномен: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Алматы. 2002.
- Павлов И. П. Избранные произведения. М., 1949.
- Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Соколов А. Н. Психологический анализ понимания иностранного текста // Известия АПН РСФСР. 1947. Вып. 7. С. 163–186.
- Тихомиров О. К., Знаков В. В. Мышление, знание и понимание // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 1989. № 2. С. 6–16.
- Уланович О. И. Динамика понимания устноречевого сообщения (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГЛУ, 2003.
- Фришгейзер-Колер М. Вильгельм Дильтей как философ. М.: Логос, 1912–1913. Кн. 1–2. С. 323–353.

СПЕЦИФИКА СИТУАЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО И АДАПТИВНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ ИСПЫТУЕМЫХ С РАЗЛИЧНЫМИ ТЕМПЕРАМЕНТАЛЬНЫМИ И ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

И. Г. Макаревская

Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва),
Сочинский государственный университет туризма и курортного дела (Сочи)
athoc@yandex.ru

Рассматриваются особенности ситуации тестирования для испытуемых с различными темпераментальными и личностными характеристиками. Обнаружены значимые связи между темпераментальными, личностными особенностями испытуемых и успешностью выполнения тестовых задач, проанализировано влияние ситуации тестирования на состояние и самочувствие испытуемых. Предпринята попытка объяснить индивидуальные различия в продуктивности деятельности в ситуации адаптивного и классического тестирования.

Ключевые слова: адаптивное тестирование, валидность, внешние переменные, оценка, ситуация тестирования.

Как отмечает В. Н. Дружинин, в настоящее время рядом исследователей эксперимент рассматривается «с позиции испытуемого», как организованная экспериментатором деятельность испытуемого по выполнению поведенческой задачи. При этом человек включается в эксперимент как целостный объект, и, следовательно, организация эксперимента требует учета основных психологических закономерностей, определяющих поведение личности в условиях, соответствующих экспериментальным (Дружинин, 1994).

Психологическое измерение, прежде всего, процесс взаимодействия измерителя и измеряемого, со всем контекстом процесса измерения. В каждом новом контексте измерения человек проявляет себя соответственно. Реакции человека в процессе измерения определяются взаимодействием контекста и скрытых инвариантных структур психики, которые и представляют интерес в психологическом исследовании (Зароченцев, Худяков, 1997).

Известно, что достоверность результатов исследования определяется тем, насколько выявленные закономерности зависят от действия посторонних, внешних, случайных или систематических факторов. Уже в рамках классической метрологии, в естественно-научных экспериментах известна так называемая «проблема тройственного взаимодействия» – экспериментатора, прибора и объекта исследования. Очень остро эта проблема стоит и в исследованиях психологических. Результаты любого психологического измерения опосредуются взаимодействием между измеряемым свойством, методом, процедурой измерения и объектом измерения. При этом в психологии объект измерения динамичен, изменчив и, что самое важное, обладает набором характеристик, способных значимо повлиять на результаты исследования. Для психологических исследований одной из наиболее важных групп факторов, опосредующих результаты эмпирического исследования, являются индивидуально-психологические особенности испытуемых.

В данном исследовании сравниваются две процедуры измерения – классическое и адаптивное тестирование достижений, для того чтобы проанализировать, существует ли определенная специфика ситуации тестирования для испытуемых

в зависимости от их темпераментальных и личностных особенностей и от стратегии предъявления тестовых заданий.

Адаптивное измерение – это такое измерение, при котором предъявляемые испытуемому текущие задания зависят от результатов его ответа на предыдущие задания. Адаптивность тестового измерения подразумевает приспособление качественных характеристик тестовых заданий к поведению конкретного испытуемого. Мы считаем, что адаптивный алгоритм предъявления тестовых заданий способен привести к повышению валидности получаемых данных, так как адаптивное тестирование строится на итерационных алгоритмах, в которых уже заложена возможность учета активности испытуемого. Контекст измерения в ситуации адаптивного тестирования, на наш взгляд, в большей степени соответствует динамичности объекта измерения (субъекта тестирования), чем в ситуации классического тестирования. А. Г. Шмелев подчеркивает, что человек не является пассивным объектом измерений при тестировании, он всегда остро эмоционально реагирует на тест: «Тестовая ситуация оптимальной сложности является оптимальным возбудителем – люди испытывают нормальный уровень стресса (напряжения), необходимый для того, чтобы показать наивысший результат. Недостаток стресса (в случае легкого теста), а тем более избыток (в случае трудного), искажают результаты измерения» (Шмелев, 1996). В ситуации адаптивного тестирования происходит своеобразное «удаление из банка заданий» индивидуально недискриминативных тестовых задач, что может привести к оптимизации состояния и мотивации испытуемых, повлияв, таким образом, на восприятие испытуемым ситуации тестирования, приводя, в конечном итоге, к повышению точности получаемых в ходе исследования данных. В ситуации адаптивного тестирования происходит также индивидуализация темпа выполнения задания, что может приводить к оптимизации деятельности для людей с разными темпераментальными особенностями. Для проверки выдвинутых положений было проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 300 человек – студенты Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

В общем виде схема исследования выглядела следующим образом:

$$\begin{array}{cccc} R & A & K & O_1 \\ R & K & A & O_2, \end{array}$$

где R – рандомизация; A – адаптивное измерение учебных достижений; K – классическое измерение учебных достижений; O_1 и O_2 – диагностика личностных особенностей испытуемых.

У испытуемых, участвующих в исследовании, измерялись их учебные достижения по дисциплинам психологического цикла с помощью специально сконструированного классического и адаптивного теста достижений. До и после теста достижений у испытуемых измерялись: уровень ситуативной тревожности (шкала самооценки уровня тревожности Ч. Д. Спилберга, Ю. Л. Ханина), их самочувствие и настроение (шкала самооценки самочувствия, активности, настроения – САА). Для диагностики темпераментальных особенностей испытуемых мы воспользовались «Опросником структуры темперамента» В. М. Русалова. Для изучения личностных особенностей испытуемых использовались методики: пятифакторный личностный опросник Маккрея–Косты («Big Five»), методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (УСК), методика диагностики мотивации к достижению успеха Т. Эллера.

Проанализируем, оказывает ли стратегия (алгоритм) предъявления тестовых заданий влияние на состояние испытуемого. Было выявлено, что ситуация классического тестирования приводит к увеличению показателей ситуативной тревожности. В то же время для среднегрупповых значений показателя тревожности в ситуации адаптивного тестирования была определена тенденция к снижению. Объяснить снижение ситуативной тревожности в ситуации адаптивного тестирования можно следующим образом: в ситуации адаптивного тестирования каждый следующий вопрос, который предъявляется испытуемому, зависит от его ответа на предыдущий, при этом содержание заданий адаптируется под уровень знаний испытуемого, вследствие этого создается «ситуация успеха», приводящая к снижению реактивной тревожности. Используя непараметрический статистический критерий Манна–Уитни, мы проанализировали, существуют ли статистически значимые различия в отдельных показателях ситуативной тревожности до и после измерения в ситуации классического и адаптивного измерения.

В случае адаптивного тестирования нами не было обнаружено статистически значимых различий по отдельным показателям реактивной тревожности до и после тестирования.

В ситуации классического тестирования статистически значимые различия были получены для 8 шкал. Значимо увеличиваются после классического тестирования оценки по таким шкалам, как: «Я нахожусь в напряжении», «Я испытываю сожаление», «Я расстроен», «Я не нахожу себе места», «Я взвинчен», «Я озабочен», «Я слишком возбужден и мне не по себе». Значимо уменьшаются показатели по шкале «Я чувствую себя отдохнувшим».

Статистическая обработка данных по показателям самочувствия, активности и настроения испытуемых с использованием критерия Манна–Уитни показала, что показатели самочувствия, активности и настроения в ситуации адаптивного тестирования до и после процедуры измерения значимо не отличаются, т. е. процедура тестирования не оказывает влияния на активность, самочувствие и настроение испытуемых. Полученная закономерность позволяет нам утверждать, что при адаптивном тестировании повышается достоверность получаемых данных за счет минимизации влияния со стороны ситуации тестирования на состояние испытуемого.

Ситуация классического тестирования же значимо понижает самочувствие, активность и настроение испытуемого: по каждому из этих трех показателей получены статистически значимые различия на высоком уровне значимости. В ситуации классического тестирования претерпели значимые изменения 26 показателей самочувствия, активности и настроения из 30. При этом изменения статистически значимы на высоком уровне значимости (для большинства показателей на уровне значимости $p = 0,001$). По завершении классического измерения учебных достижений испытуемые сообщали об ухудшении самочувствия, настроения, о субъективном ощущении себя слабым, пассивным, малоподвижным, вялым, разбитым, обессиленным, медлительным, рассеянным и т. д. Таким образом, мы можем утверждать, что ситуация классического тестирования приводит к существенным изменениям в самочувствии и настроении испытуемого, что, в свою очередь, может стать достаточно значимой внешней переменной в исследовании, искажая получаемые результаты.

Проанализируем, оказывают ли темпераментальные и личностные особенности испытуемых значимое влияние на результаты классического и адаптивного измерения, с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA.

По результатам статистической обработки было выявлено, что значимое влияние на результаты адаптивного теста оказывает показатель предметного темпа ($F = 2,6$, $p = 0,004$), описывающий скорость выполнения операций при осуществлении предметной деятельности. При этом чем выше показатели предметного темпа у испытуемых, тем выше и их результат в измерении, т. е. высокий темп поведения, большая психомоторная скорость выполнения операций при осуществлении предметной деятельности связана с большей результативностью испытуемых в ситуации адаптивного измерения.

В ситуации классического тестирования сам по себе предметный темп не является фактором, значимо влияющим на результаты измерения, зато значимо опосредуют результаты классического измерения такие темпераментальные особенности испытуемых, как предметная активность – к ней относятся и показатели предметной эргичности и показатели предметной активности, и показатели предметного темпа ($F = 1,78$, $p = 0,01$) и общая активность – включает в себя показатели предметной и социальной эргичности, пластичности и темпа ($F = 1,57$, $p = 0,02$). Т. е. в ситуации классического тестирования значимо влияют на его результаты практически все темпераментальные характеристики силы в целом. Следует отметить, что в ситуации классического тестирования учебных достижений наиболее высокие результаты по тесту были у группы испытуемых с низкими показателями силы, т. е. с низким жизненным тонусом, пассивностью, гипоактивностью, предпочитающих стереотипные формы деятельности и склонных к монотонной работе. Это можно объяснить таким образом: у испытуемых с высокими показателями предметной активности, легко переключающихся с одного вида деятельности на другой, с высоким темпом поведения и стремлением к разнообразию форм предметной деятельности ситуация классического тестирования может привести к потере интереса, монотонии и, соответственно, повлиять на ухудшение получаемых результатов.

Проанализируем также, оказывают ли личностные особенности испытуемых значимое влияние на результаты классического и адаптивного тестирования. Из всех диагностированных нами личностных особенностей, значимое влияние на показатели адаптивного теста оказывает лишь мотивация достижения ($F = 1,9$, $p = 0,018$).

На результаты классического тестирования значимое влияние оказывают: личностная тревожность ($F = 1,9$, $p = 0,03$) и такая личностная черта, как доверчивость ($F = 2,08$, $p = 0,02$), кроме этого были выявлены статистические тенденции по таким личностным чертам, как поиск впечатлений и предусмотрительность (на уровне значимости $p = 0,08$).

Уровень субъективного контроля по данным нашего исследования не оказывает статистически значимого влияния на результаты адаптивного и классического тестирования.

Кроме этого, проведенное нами ранее эмпирическое исследование позволяет утверждать, что темпераментальные и личностные особенности испытуемых значимо связаны с состоянием испытуемых в процессе классического измерения и могут оказывать влияние не только на результаты измерения, но и на состояние испытуемых в ситуации классического тестирования (Макаревская, 2009).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- процедура тестирования в адаптивной форме оказывает меньшее влияние на динамику состояния субъекта тестирования, чем процедура тестирования в классической форме;

- результаты классического тестирования опосредуются всеми темпераментальными характеристиками силы, в то время как фактором, значимо влияющим на результаты адаптивного тестирования, является только предметный темп;
- результаты адаптивного теста относительно инвариантны личностным особенностям испытуемых;
- в классическом тестировании личностные особенности (тревожность, черты личности) могут выступать в качестве значимой внешней переменной, опосредующей получаемые в исследовании результаты;
- темпераментальные и личностные особенности испытуемых в ситуации классического тестирования могут оказывать влияние не только на результаты измерения, но и на состояние испытуемых.

Перспективным нам представляется дальнейшее изучение заявленной проблемы и, в частности, изучение того, как ситуация тестирования репрезентируется в представлениях испытуемых, как оценивают ситуацию классического и адаптивного тестирования испытуемые с различными темпераментальными и личностными особенностями.

Литература

- Дружинин В. Н.* Структура и логика психологического исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 1994. 2-е изд., испр.
- Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
- Зароченцев К. Д., Худяков А. И.* Кризис современной психодиагностики // *Философия и проблемы человека*. СПб., 1997.
- Макаревская И. Г.* Оценка состояния испытуемого в процессе классического и адаптивного измерения // *Олимпийский Сочи: Социум. Культура. Личность: Материалы 2-й Всероссийской науч.-практ. конференции*, г. Сочи, 8–10 октября 2009 г. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009.
- Шмелев А. Г.* Основы психодиагностики. М.–Ростов-на/Д.: Феникс, 1996.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНТНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

В. Ю. Меновщиков

Федерация Психологов-Консультантов Онлайн (Москва)
helpletter@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются сложности, возникающие при проведении экспериментальных исследований в психологическом консультировании на дистанции, их причины, а также возможности применения не экспериментальных и экспериментальных методов. Приводятся примеры зарубежных исследований по данной тематике.

Ключевые слова: дистантное консультирование, методологические проблемы.

Проведение экспериментальных исследований в консультировании и психотерапии сопряжено с чрезвычайно большими трудностями в силу множественности теорий и значительной сложности предмета изучения. Огромное число консультан-

тов и психотерапевтов считает, что невозможно контролировать и изолировать все релевантные переменные таким образом, чтобы это удовлетворяло требованиям традиционного научного метода. Тем не менее, исследования консультирования и психотерапии необходимы. Например, Ремер утверждает, что консультанты несут моральную ответственность перед клиентами и обществом и поэтому обязаны знать меру влияния и ограничения инструментов и методов, которые они используют (Remer, 1981). Тем более это актуально для методов, только начинающих широко применяться на практике и имеющих особую специфику. Однако людей, занимающихся наукой в сфере психологического консультирования, не так много. Особенно это касается исследований дистантного консультирования (телефонного, интернет-консультирования и т. п.). Достаточно сказать, что, несмотря на более чем полувековую историю дистантного консультирования, в нашей стране состоялось всего три диссертационных исследования посвященных телефонному консультированию (Скворцов, 1996; Хачатурян, 2006; Полина, 2010) и одно – консультированию по переписке (Морозова, 2005).

Данное положение усугубляется существующей тенденцией противопоставления естественно-научной парадигмы и гуманистической, количественных исследований и качественных, номотетического подхода и идеографического и т. п. Между тем за рубежом существуют совсем иные примеры. Один из наиболее известных гуманистически ориентированных психологов – К. Роджерс – был и блестящим исследователем. Аккумуляция ряда точных расшифровок и экспертной оценки аудиозаписей сессий Роджерса и его сотрудников сделала возможным объективный и количественный подход к изучению процесса консультирования и психотерапии (Роджерс, 1994). Кроме того, Роджерс и его ученики использовали и другие экспериментальные и не экспериментальные методы исследования (контент-анализ, стандартные тесты, физиологические показатели и т. д.). Эта традиция развивается зарубежными консультантами и психотерапевтами, в том числе в дистантном консультировании.

Обобщая выше сказанное, мы считаем, что трудности экспериментальных (эмпирических) исследований консультирования и психотерапии в нашей стране связаны со следующими обстоятельствами:

- отсутствие общей теории психологии в целом; размытость, множественность подходов к пониманию того, что является психологическим консультированием, а что психотерапией;
- наличие двух моделей – психологической и медицинской психотерапии, несогласованность и неразделенность полей медицины и психологии;
- множественность теорий консультирования и психотерапии, соответственно, отсутствие единой теории консультативной психологии, ее ясной методологии;
- неразработанность конкретных методик (в том числе отсутствие адаптаций зарубежных методик, например измеряющих «рабочий альянс» и т. п.);
- трудности организационного плана вообще и особые трудности исследований на дистанции;
- несогласованность теории и практики, «схизис» между академической наукой и практикой;
- неготовность тех, кто занимается практической психологией, к использованию базы академической науки;

- отсутствие в учебных планах курсов, связывающих науку и практику, например курса «Экспериментальные исследования в психологическом консультировании и психотерапии»;
- недостаточная информированность о проведенных экспериментальных исследованиях.

Мы не ставим себе задачу подробного обсуждения общих проблем, связанных с вопросами методологии практической психологии, взаимоотношений науки и практики, практики и эксперимента. Ими занимается достаточно большое количество исследователей (Ф. Е. Василюк, В. В. Козлов, В. А. Мазилев, И. Н. Карицкий, А. Б. Холмогорова и др.). В данной статье мы остановимся на более «практической» стороне дела – возможностях проведения конкретных исследований в консультировании и психотерапии на дистанции, экспериментальных и не экспериментальных методах, а также примерах таких исследований, взятых из зарубежной исследовательской практики.

Мы уже говорили о том, что проблема эффективности психологического консультирования является одной из самых дискуссионных в литературе (Campos, 2009). Оценка же эффективности дистантного консультирования, в том числе телефонного консультирования, представляется еще более трудной задачей. Это связано с объективными условиями телефонной беседы (невозможность проведения полной диагностики и т. д.). Hornblow (1986) утверждает, что все многочисленные подходы, которые использовались, чтобы оценить телефонное консультирование, имеют ограничение методологической или организационной природы. Главные методологические трудности заключаются в том, что невозможно использовать измерения до и после окончания процесса консультирования, группы контроля и стандартизированные психологические тесты или клиническую оценку.

Тем не менее, существует ряд возможностей проведения эмпирических исследований в дистантном консультировании с использованием как экспериментальных, так и не экспериментальных методов, а также их сочетания. Краткое их описание и примеры зарубежных исследований приведены ниже. В описании для обозначения методов мы использовали терминологию нашей отечественной экспериментальной психологии.

1 Анализ продуктов деятельности в сочетании с экспертной оценкой

Оценка эффективности телефонного консультирования может быть осуществлена с использованием объективных средств контроля – магнитофонных записей (метод экспертных оценок). Тем более что во многих центрах одним из принципов работы является супервизия как способ контроля, оценки и повышения эффективности деятельности службы. Супервизоры – это подготовленные эксперты.

Например, Echterling и Natought (1989) рассмотрели различные фазы кризисных запросов. Пятьдесят девять запросов-интервенций консультанта были оценены независимыми наблюдателями. Было найдено, что эффективному вмешательству можно воспрепятствовать социальной беседой, которая выходит за пределы минимума, необходимого для установления хорошей связи (раппорта).

В исследованиях консультирования посредством Интернета есть еще более доступный материал – текст. Правда, следует оговориться, что здесь возникает масса других сложностей, связанных с теоретико-методологическими вопросами оценки письменной речи, а также с применением конкретных методик исследо-

вания текста. В нашей стране такого рода исследования, увы, также немногочисленны. Но их становится все больше (Меновщиков, 2010; Виноградов, 2010; Постников, 2010).

2 Оценка клиентом эффективности консультативных услуг (обратная связь от клиента)

Другой общий метод, используемый в оценке эффективности услуг телефонного консультирования, – последующий контакт с клиентом, получение обратной связи от клиента. Этот метод привлекает абонента к ответу на вопросы интервью – немедленно после сессии консультирования или через последующий контакт. Используя структурированное интервью, клиентов просят оценить аспекты сессии по различным шкалам. Young (1989) утверждает, что некоторые исследователи видят клиентов как имеющих самое лучшее (возможно, наиболее объективное) понимание того, помогли им или нет. Однако другие исследователи считают оценку, даваемую клиентами, методом проблематичным, имеющим типовые отклонения, этические проблемы (типа согласия на основе полной информации) и трудности измерения результатов эффективности.

3 Опрос

Близок к описанному выше интервью с клиентами – опросный метод. Например, исследование Hetzel, Wilkins, Carrig, Томас и Senior (1993) оценивало удовлетворение телефонных клиентов консультированием, сосредоточенном на решении. Из 40 респондентов 80% оценили дистантное консультирование как очень полезное.

4 Самооценка консультанта

Stein и Lambert (1984) использовали самооценку консультанта как другой методологический подход к оценке эффективности телефонного консультирования. Проблема этого подхода – субъективная природа обратной связи, часто сосредоточенной на навыках консультирования и отклонениях, связанных с индивидуальностью консультантов. Представляла бы интерес проверка соответствия оценок консультанта и обратной связи от клиента.

5 Использование специально подготовленных «игроков»

Другая общепринятая за рубежом методология в определении эффективности телефонного консультирования – разыгрывание роли. В ролевых играх используют тренированных клиентов для того, чтобы оценить консультантов, оценить то, что было позитивно в сессии консультирования. Иногда консультанту не сообщают, что клиент разыгрывает роль, и это является частью эксперимента. Например, в исследовании (Davies, 1982) британских телефонов доверия клиента использовали для того, чтобы позвонить в десять служб и найти диапазон различий по качеству их базовой подготовки. Bobevski, Holgate и McLennan (1997) также применяли подготовленные сценарии с разыгрывания ролей клиентами, чтобы оценить субъективно воспринятую полезность поведения консультанта. Два подготовленных клиента работали в одной связке: один как «разогрев», второй для получения данных. Нам этот метод представляется достаточно проблематичным, поскольку подготовленный консультант может «вычислить» игрока.

6 Исследования с использованием стандартизованных измерений и контрольных групп

Хотя Ремер утверждал, что в телефонном консультировании главные методологические трудности заключаются в том, что невозможно использовать измерения до и после окончания процесса консультирования, группы контроля и стандартизированные психологические тесты (Remer, 1981) в исследованиях другого метода консультирования на дистанции – интернет-консультировании – эти трудности оказались преодолемыми. Например, в обзоре 2008 г. (Barak и др.) приведены данные 64 исследований консультирования и психотерапии в Интернет, в которых были задействованы более тысячи испытуемых. В большинстве приводимых исследований использовалась классическая схема эксперимента с применением контрольной группы, замерами определенных показателей с помощью тестов до и после проведения терапии, а также через некоторое время спустя.

Таким образом, несмотря на имеющиеся трудности методологического плана, экспериментальные исследования в области телефонного и интернет-консультирования не только возможны, но и дают научно обоснованный результат. Подводя итог нашему сообщению, можно констатировать: да, трудности в проведении экспериментальных исследований дистантного консультирования есть, но нет глобального противоречия – эксперимент (наука) или консультирование (практика).

Литература

- Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Barak A., Hen L., Boniel-Nissim M., Shapira N. A Comprehensive Review and a Meta-Analysis of the Effectiveness of Internet-Based Psychotherapeutic Interventions // *Journal of Technology in Human Services*. V. 26 (2/4). 2008. Available online at <http://jths.haworthpress.com>.
- Bobevski I., Holgate A. M., McLennan J. Characteristics of effective telephone counselling skills // *British Journal of Guidance & Counselling*. 1997. V. 25. № 2. P. 239–249.
- Campos B. Telepsychology & Telehealth: Counselling Conducted in a Technology Environment // *Counselling, Psychotherapy, and Health*. № 5 (1). The Use of Technology in Mental Health Special Issue. 2009. P. 26–59.
- Davies P. G. K. The functioning of British Counselling hotlines: A pilot study // *British Journal of Guidance and Counselling*. 1982. V. 10. № 2. P. 195–199.
- Echterling L. G., Hartsough D. M. Phases of helping in successful crisis Telephone Calls // *Journal of Community Psychology*. 1989. V. 17. P. 249–257.
- Hetzel S., Wilkins V., Carrig H., Thomas J., Senior P. An evaluation of caller satisfaction with solution focused telephone counselling // *Australian Social Work*. 1993. June. V. 46. № 2. P. 51–55.
- Hornblow A. R. Does telephone counselling have preventative value? // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 1993. V. 20. P. 23–28.
- Remer R. The counselor and research: Introduction // *Personnel and Guidance Journal*. 1981. № 59. P. 567–571.
- Stein D. M., Lambert L. M. Telephone counselling and crisis intervention: A review // *American Journal of Community Psychology*. 1984. V. 12. № 1. P. 101–126.
- Young R. Helpful behaviours in the crisis call center // *Journal of Community Psychology*. 17 January 1989.

САМООЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТА И ИНТЕЛЛЕКТ В СТРУКТУРНЫХ СВЯЗЯХ С ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ¹

М. А. Новикова

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)
spieluhr87@mail.ru

На основе корреляционного исследования, включавшего в себя измерение ряда показателей интеллектуального и личностного потенциала, построена структурная модель, конкретизирующая связи самооценки интеллекта с его объективной оценкой и принятием неопределенности. Впервые обсуждаются данные в пользу гипотезы о связи самосознания и интеллекта с толерантностью к неопределенности.

Ключевые слова: самооценка интеллекта, толерантность к неопределенности, вербальный интеллект, флюидный интеллект, открытость новому.

В докладе рассматривается проблема соотношения таких личностных характеристик, как *самооценка интеллекта, толерантность к неопределенности, открытость новому и готовность к риску с интеллектом и его внешними оценками.*

Обращение к конструкту *самооценки интеллекта* (СОИ) требует рассмотрения более широкого контекста *самосознания личности*, в котором традиционно выделяются познавательные и оценочные компоненты. В. В. Столин, как представитель деятельностно-смыслового подхода в психологии, выделял в качестве единицы самосознания конфликтный личностный смысл, «запускающий» процессы *самопознания и самоотношения*, связывал самооценку с последним (Столин, 1983). В другой линии исследований конструкты *самопознания и самопонимания* и самопонимания разграничиваются: если в первом случае субъект отвечает на вопрос: *каков я*, то во втором – *почему я таков* (Знаков, 2007). На наш взгляд, и самопознание, и самопонимание, и самоотношение вносят свой вклад в самооценку и в СОИ, в частности. Р. Бернс, оперировавший понятием «*Я-концепции*» и развивавший в своих трудах взгляды К. Роджерса, Ч. Кули и Дж. Мида, говорил о том, что последняя состоит из описательного, оценочного и поведенческого компонентов. Одним из существенных пунктов понимания самооценки Бернсом является то, что индивид оценивает успешность своих действий через призму собственной идентичности. Это значит, что человек испытывает удовлетворение от успешного выполнения не любого дела, а только сознательно им избранного и субъективно значимого.

Стоит отметить, что СОИ как частный вид самооценки практически не рассматривалась в работах отечественных психологов; едва ли не единственный пример подобного исследования – работа Т. В. Корниловой и др., посвященная влиянию СОИ и академической Я-концепции на успеваемость (Kornilova, Kornilov, Chumakova, 2009). При этом данная тематика имеет широкую представленность в трудах зарубежных ученых. Ими рассматриваются вопросы зависимости СОИ от возраста и пола, ее взаимосвязи с академической успеваемостью, личностными чертами (зачастую речь идет о «*Большой Пятерке*»), а также психометрическим интеллектом.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № №10-06-00416а.

В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет последнее из перечисленных направлений исследования, в первую очередь – структурные модели, построенные А. Фёрнхемом и Т. Шаморро-Премьюзиком (Furnham, Chamorro-Premusic, 2006, 2008). В модели 2006 г. ученые представили психометрический интеллект (g-фактор) в качестве медиатора между личностными переменными экстраверсии и нейротизма и СОИ. В 2008 г. они представили на суд общественности новую работу, в которой СОИ выступил промежуточным звеном между психометрическим интеллектом и академической успеваемостью, будучи при этом отрицательно связанным с нейротизмом. В целом же по проблемам соотношения психометрического и самооцениваемого интеллекта в большинстве работ приводятся данные об умеренно положительной связи между ними: корреляции редко превышают значения $r = 0,3$ (Furnham, 2001). Иными словами, люди имеют до определенной степени верное представление о своих интеллектуальных способностях, но оно обуславливается не только тем, каковы эти способности в реальности.

В нашем исследовании мы придерживаемся наиболее распространенной трактовки самооценки как оценочного отношения к знаниям о своей личности, которыми обладает субъект. При этом, рассматривая самооценку как часть самосознания, мы исходим из представлений о диалогичности и конструктивной функции последнего. На наш взгляд, характеристиками диалогичности обладает не только сознание (Бахтин, Бубер, Библер и др.), но и самосознание человека. Представления о себе строятся в постоянном внутреннем диалоге, когда человеку приходится каким-то образом относиться к тому, что он узнает о себе от окружающих или в результате самонаблюдений. Образ Я незавершен и постоянно достраивается. При этом процесс этого конструирования идет в ситуации, характеризующейся высоким уровнем *неопределенности*, так как далеко не всегда у человека существуют однозначные критерии для оценки того или иного элемента знания о себе как положительного или отрицательного. СОИ – ярчайший тому пример; анализ имплицитных представлений людей об интеллекте показывает, что существуют десятки различных точек зрения на то, что такое ум и кого можно назвать носителем этого качества – «умным человеком». Нами выдвинуто предположение, что самооценка, отражающая самоотношение человека, зависит от того, как человек склонен реагировать на неопределенность.

Основными характеристиками отношения к неопределенности, рассмотренными нами в данной работе, стали *готовность к риску* (как готовность к решениям и действиям при неопределенности ситуации), *толерантность к неопределенности* (как стремление к новизне и предпочтение более сложных задач) и *открытость новому опыту*.

Гипотеза исследования

СОИ включает положительные связи как с психометрическим интеллектом, так и с принятием неопределенности. СОИ как компонент личностного самосознания конструируется на основании как объективных показателей IQ, так и личностной готовности к работе с неопределенной информацией, готовности строить представление о себе в отрыве от однозначных критериев.

Задачей исследования стало построение структурной модели, отражающей связи латентных переменных объективной и субъективной оценки интеллекта, а также принятия неопределенности.

Методика

В исследовании на добровольной основе приняли участие студенты 3-х курсов факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, дневного и вечернего отделений, всего 334 человека (56 юношей и 288 девушек, $M = 19,30$, $\sigma = 1,08$).

Измеренные переменные:

- 1) *Прямая самооценка интеллекта* на основании методики СОИ (Chamorro-Pre-music, 2006). Испытуемому необходимо оценить свой интеллект в баллах IQ одним числом. Для облегчения выполнения задания, испытуемым предъявляется график нормального распределения баллов IQ на студенческой выборке ($M = 100$, $\sigma = 15$).
- 2) *Самооценка интеллекта в группе и внешняя оценка интеллекта членами группы* – методика «Групповая оценка ума» (Смирнов и др., 2007). Это вариант методики 360° или аналог методики ГОЛ (групповая оценка личности). Испытуемому необходимо проранжировать всех членов своей академической группы по степени развитости интеллекта, и себя также расположить на получившейся ранговой шкале. Таким образом, ранг испытуемого в группе выступает показателем его самооценки. Вторым показателем для каждого испытуемого – ранг, присвоенный ему группой.
- 3) *Самооценка обучения* как частный случай самооценки интеллекта в конкретном виде деятельности (учебной) на основании «Модифицированного опросника имплицитных теорий К. Двек» (Смирнов, 2005); для нашей выборки $\alpha = 0,72$.
- 4) *Готовность к риску и рациональность* – личностные свойства, согласно опроснику ЛФР (Корнилова, 2003); $\alpha = 0,65$, $0,76$.
- 5) *Толерантность к неопределенности* (ТН), согласно Новому опроснику толерантности к неопределенности (Корнилова, 2010); $\alpha = 0,69$, $0,72$, $0,68$.
- 6) *Открытость новому* как ориентация на самопонимание и принятие неопределенности – по апробированному нами опроснику «Шкала психологической разумности» (Shill, 2002).
- 7) *Вербальный и флюидный интеллект* – по тестовой батарее ROADS Р. Дж. Стернберга в русскоязычной адаптации (Корнилов, Григоренко, 2010).

Результаты

На основе матрицы интеркорреляций *измеренных* переменных была построена структурная модель, конкретизирующая понимание связи между тремя *латентными* переменными – *самооценки интеллекта, объективной оценки интеллекта и принятия неопределенности*. Структурное моделирование – единственный метод анализа, позволяющий строить и визуализировать сложные системы гипотез о связях между переменными, как наблюдаемыми, так и латентными. В его основе лежит система регрессионных уравнений, отражающих вклад наблюдаемых переменных в разброс значений латентных. Среди достоинств метода – возможность работы с данными, не соответствующими нормальному распределению и с пропущенными данными.

Представленная на рисунке 1 модель объединяет три латентных переменных. Первая из них – *Объективная оценка интеллекта* – включает в себя показатели психометрического интеллекта, а также показатели внешней оценки интеллекта субъекта членами его академической группы. Заметим, что термин «объектив-

ная оценка» в данном случае используется скорее в качестве противопоставления «субъективной» – СОИ. Вторая латентная переменная – *Самооценка ума (интеллекта)* – объединяет показатели нескольких самооценочных методик. Т. е. мы можем говорить об *интегральном* показателе оценки субъектом своих умственных способностей, так как в него включена как прямая оценка своего IQ, так и оценка своего ума в контексте социального сравнения с однокурсниками, так и оценка ума в связи с ведущей деятельностью – обучением. Третья латентная переменная – *Принятие неопределенности* – отражена в измеренных переменных *готовность к риску, открытость новому опыту* и *ТН*.

Применялся попарный метод максимального подобия (pairwise maximum likelihood, pairwise ML), который позволяет использовать корреляции, основанные на всех доступных случаях пересечений пар переменных (на испытуемом). Сравнительный индекс пригодности (Comparative Fit Index) CFI = 0,91, RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation) = 0,02. Scaled $\chi^2 = 30,9$, $p > 0,01$ ($p = 0,19$). В целом показатели свидетельствуют о соответствии модели полученным эмпирическим данным (CFI > 0,90, RMSEA < 0,05, $p > 0,01$).

Отрицательная корреляция индекса самооценки ума в группе и групповой оценки интеллекта отражает особенность данных согласно методики ГОИ: показателем СОИ в ней выступает ранг – место в группе, которое субъект себе присваивает при ранжировании одноклассников (и себя в их числе) по уровню интеллекта («ума»).

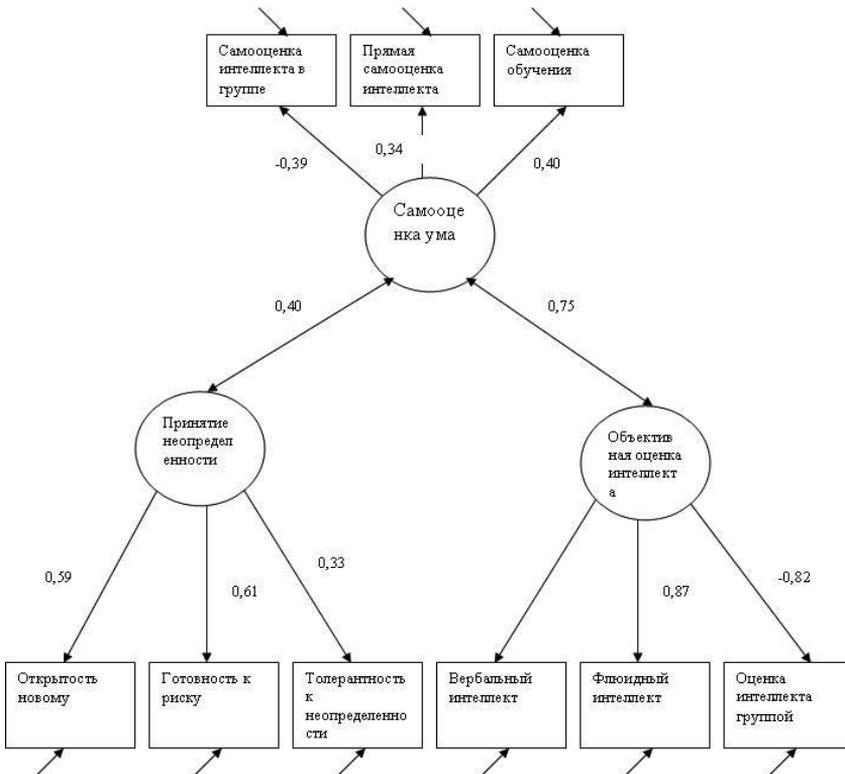

Рис. 1. Структурная модель взаимосвязей субъективной и объективной оценок интеллекта с принятием неопределенности

Модель подтверждает правомерность гипотезы о совместном влиянии объективно оцениваемого интеллекта и принятия неопределенности на величину СОИ. Поскольку связи Самооценки ума с Объективной оценкой интеллекта и Принятием неопределенности двунаправлены, мы не можем исключить также вероятности того, что и СОИ тоже влияет на ТН и психометрический IQ.

Обсуждение результатов

Установленная положительная связь СОИ и внешних оценок интеллекта хорошо согласуется с данными зарубежных коллег. Действительно, СОИ выше у людей с более высоким интеллектом. Интересным представляется тот факт, что в одну латентную переменную с данными психометрических тестов вошел и показатель внешней оценки интеллекта студента его одноклассниками. Таким образом, окружающие судят о человеке (о его «уме» как способности решать текущие задачи и вербальных способностях), опираясь на критерии, соответствующие тем, что лежат в основе психометрических тестов интеллекта.

Представленная в модели положительная связь Самооценки интеллекта с Принятием неопределенности позволяет ставить задачи дальнейших исследований взаимосвязи СОИ с личностными характеристиками (зарубежными исследователями в таком контексте обсуждались лишь данные, согласно Большой Пятерки). Поскольку связь между латентными переменными двунаправлена, можно предложить два варианта интерпретации. Первый вариант: субъект, легко принимающий новое, осознает эту свою особенность, относит ее к чертам, связанным с интеллектом, и потому более высоко оценивает свой IQ. Или же, наоборот: человек, высоко оценивающий свой IQ, более уверен в своих силах в решении различного рода задач, в частности задач новых и неизвестных ранее.

Связь самооценки с объективной оценкой IQ также позволяет предполагать в интерпретации влияние СОИ как компонента самосознания на уровень интеллектуальных способностей. Это неудивительно, поскольку в данном случае речь идет о флюидном и вербальном интеллекте, т. е. о тех его разновидностях, которые реализуются во взаимодействии с окружающими людьми.

Выводы

Обосновано построение структурной модели, в которой латентная переменная Самооценка ума оказывается связующим звеном, медиатором между объективной оценкой интеллекта и принятием неопределенности.

Литература

- Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Корнилов С. А., Григоренко Е. Л. Методический комплекс для диагностики академических, творческих и практических способностей // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 90–103.
- Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
- Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.

- Смирнов С. Д. Модифицированный вариант методики К. Двек для оценки типов имплицитных теорий интеллекта и личности, присущих студентам // Труды СГУ. Вып. 82. Гуманитарные науки. Психология и социология образования. М.: Современный Гуманитарный Университет, 2005. С. 40–45.
- Смирнов С. Д., Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Малахова С. И. О связи интеллектуальных и личностных характеристик студентов с успешностью их обучения. // Вестник Московского университета. 2007. Серия 14. Психология. №4. С. 82–88.
- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Chamorro-Premuzic T., Furnham A. Self-Assessed Intelligence and Academic Performance // Educational Psychology. 2006. V. 26. P. 769–779.
- Kornilov S. A., Kornilova T. V., Chumakova M. A. Subjective evaluations of intelligence and academic self-concept predict academic achievement: Evidence from a selective student population // Learning and Individual Differences. 2009. V. 19. P. 596–608.
- Shill M. A., Lumley M. A. The Psychological Mindedness Scale: Factor structure, convergent validity and gender in a non-psychiatric sample // Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice. 2002 V. 75. P. 131–150.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ И КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В. Г. Печерский, Н. В. Максименко, Д. Е. Иванов

Саратовский государственный социально-экономический университет (Саратов)
cosmosbio@yandex.ru

В статье представлены результаты сравнительного изучения уровня эмоционального интеллекта, коммуникативной агрессивности и социально-психологической адаптации у осужденных за насильственные и корыстные преступления и у людей, не имеющих судимости. Выявлены достоверные различия уровня эмоционального интеллекта, уровня агрессивности и показателей социально-психологической адаптации у осужденных за корыстные и насильственные преступления, а также достоверные различия между людьми, не имеющими судимость, и осужденными.

Ключевые слова: осужденные за насильственные и корыстные преступления, уровень эмоционального интеллекта, показатели социально-психологической адаптации, показатели коммуникативной агрессивности.

Введение

Актуальность исследования личности насильственного преступника в настоящее время обусловлена тем, что насилие стало наиболее острой, злободневной проблемой современного российского общества. Насильственная преступность – это не просто совокупность насильственных преступлений, это угроза национальной безопасности страны, угроза конституционным правам граждан, страх значительного числа граждан за свою жизнь и здоровье. В настоящее время количественно-качественные характеристики насильственной преступности остаются неблагоприятными, поэтому личность насильственного преступника является объектом пристального внимания ученых-криминологов. Действительно, среди современных насильственных преступлений наиболее устойчивую и значительную

часть составляют убийства, умышленное причинение вреда здоровью, истязания, изнасилования, разбои, насильственные виды грабежа, сопряженное с насилием хулиганство. В структуре всей преступности рассматриваемые преступления составляют около 20% (Айнетдинова, 2004). В последние годы изменился и тип преступника, совершающего насильственные преступные посягательства. Его отличают особая дерзость, цинизм, жестокость, криминальный расчет и хладнокровие в период подготовки и момент совершения преступного посягательства, уверенность в безнаказанности. Нельзя не упомянуть и о возросшем уровне корыстной преступности – с 17,4% в 2005 г. до 39% в 2009 г. В связи с этим изучение особенностей личности современного типа насильственного и корыстного преступников имеет большую теоретическую и практическую значимость. Особого рассмотрения требуют индивидуальные, психологические особенности личности осужденных за корыстные и насильственные преступления, очевидные и скрытые мотивы их преступного поведения.

Целью нашего исследования являлось изучение личностных особенностей осужденных за насильственные и корыстные преступления. Объект исследования – лица мужского пола, привлеченные к уголовной ответственности за совершение корыстных и насильственных преступлений.

Задачи исследования

- 1 Изучить уровень эмоционального интеллекта осужденных за насильственные и корыстные преступления.
- 2 Исследовать уровень агрессивности у осужденных за насильственные и корыстные преступления.
- 3 Исследовать показатели социально-психологической адаптации осужденных за насильственные и корыстные преступления.
- 4 Изучить уровень эмоционального интеллекта, уровень агрессивности и показатели социально-психологической адаптации у людей, не имеющих судимости.

Гипотеза исследования

- 1 Имеются различия уровня эмоционального интеллекта, уровня агрессивности и показателей социально-психологической адаптации осужденных за насильственные и корыстные преступления.
- 2 У осужденных за насильственные и корыстные преступления уровень эмоционального интеллекта, уровень агрессивности и показатели социально-психологической адаптации отличаются от таковых у людей, не имеющих судимости.

Процедура и методы исследования

Показатели социально-психологической адаптации изучали с помощью методики К. Роджерса и Р. Даймонда, интегральные формы коммуникативной агрессивности определяли с помощью методики В. В. Бойко, уровень эмоционального интеллекта изучали с помощью методики Н. Холла (Фетискин и др., 2002). В данном исследовании принимали участие в качестве испытуемых 61 человек: 1 группа – люди, не имеющие судимости, от 20 до 27 лет (средний возраст – $25,7 \pm 2,1$ лет, 15 человек) – контрольная группа; 2 группа – осужденные за насильственные преступ-

ления, от 18 до 35 (средний возраст – $26,1 \pm 2,4$ лет, 23 человека) – экспериментальная группа № 1; 3 группа – осужденные за корыстные преступления, от 18 до 37 лет (средний возраст – $25,5 \pm 2,1$ лет, 23 человека) – экспериментальная группа № 2. Группы не имели статистически значимых различий по возрасту. Осужденные отбывали заключение в исправительной колонии № 33 г. Энгельса. Осужденные за насильственные преступления были осуждены по статьям 105, 110, 111, 131, 107 и 116 Уголовного Кодекса РФ. Осужденные за корыстные преступления были осуждены по статьям 159, 158, 167, и 161 Уголовного Кодекса РФ. Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью программы Statistica 6.0. Достоверность различий результатов оценивали с помощью критерия Манна–Уитни. Корреляция между значениями была оценена с использованием критерия Спирмена.

Результаты исследования

В результате исследования эмоционального интеллекта была выявлена достоверность различий ($p < 0,01$) по отношению к контрольной группе со стороны экспериментальных групп № 1 и № 2 по показателям «эмоциональная осведомленность», «управление эмоциями», «самотивация», «эмпатия», «распознавание чувств других» (таблица 1). Кроме того, была установлена достоверность различий ($p < 0,01$) между экспериментальными группами № 1 и № 2 по аналогичным показателям. Установлена достоверность различий экспериментальной группы 1 к контрольной группе по интегральному уровню эмоционального интеллекта ($p < 0,01$). У обследованных людей контрольной группы имеется достоверная положительная корреляция ($r = 0,41$; $p < 0,05$) между показателями «эмпатия» и «распознавание чувств других». Аналогичная корреляция обнаружена и в экспериментальной группе № 2 ($r = 0,29$; $p < 0,05$). Достоверных корреляций в группе № 1 не обнаружено.

Таблица 1

Показатели эмоционального интеллекта у различных групп обследованных

Группы обследуемых	Эмоциональная осведомленность	Управление эмоциями	Самотивация	Эмпатия	Распознавание чувств других	Интегральные показатели
Контрольная	$18,5 \pm 0,15$	$17,2 \pm 0,14$	$17,1 \pm 0,1$	$14,4 \pm 0,15$	$17,4 \pm 0,17$	$85,1 \pm 0,18$
Экспериментальная № 1	$7,3 \pm 6,4^*$	$6,1 \pm 4,6^*$	$6,5 \pm 5,5^*$	$7 \pm 4,7^*$	$6,1 \pm 4,1^*$	$20,1 \pm 5,3^*$
Экспериментальная № 2	$7,5 \pm 6,9^{**}$	$8,3 \pm 5,2^{**}$	$8 \pm 7,1^{**}$	$7,7 \pm 4,2^{**}$	$7,4 \pm 4,5^{**}$	$31,8 \pm 4,9$

Примечание: * – достоверность различий по отношению к контрольной группе ($p < 0,01$);

** – достоверность различий между экспериментальной группой № 1 и № 2 ($p < 0,01$).

В ходе исследования коммуникативной агрессивности установлено, что имеются статистически достоверные различия между показателями контрольной группы и экспериментальной группы № 1. Так, показатели «спонтанность агрессии», «неумение переключать агрессию», «склонность к отраженной агрессии», «удовольствие от агрессии» и «аутоагрессия» были достоверно ниже у людей контрольной группы, по сравнению с экспериментальной группой № 1 ($p < 0,01$). Была выявлена достоверность различий по отношению к контрольной группе со стороны экспериментальной группы № 2 по показателю «неумение переключать агрессию» ($p < 0,01$). Установлена

достоверность различий между обследованными экспериментальными группами № 1 и № 2 по показателю «неумение переключать агрессию» ($p < 0,01$) и выявлена достоверность различий между обследованными экспериментальной группой 1 и обследованными контрольной группой по интегральному уровню агрессивности ($p < 0,01$).

Кроме того, была установлена корреляция между показателями коммуникативной агрессивности «удовольствие от агрессии» и «расплата за агрессию» ($r = 0,14$; $p < 0,05$) у обследованных контрольной группы. Обнаружено наличие положительной корреляции между показателями коммуникативной агрессивности «спонтанности агрессии» и «неспособность тормозить агрессию» ($r = 0,18$; $p < 0,05$) и «провокация агрессии у окружающих» и «удовольствие от агрессии» ($r = 0,34$; $p < 0,05$) у обследованных экспериментальной группы № 1. Наличие корреляций между показателями коммуникативной агрессивности у обследованных экспериментальной группы № 2 не обнаружено.

При исследовании социально-психологической адаптации обнаружены достоверные различия ($p < 0,01$) между средними величинами показателей «адаптивность», «самоприятие», «интернальность» и «принятие других» у обследованных контрольной группы и обследованных экспериментальной группы № 1 также были выявлены достоверные различия показателей «адаптивность» и «принятие других» у обследованных контрольной группы и обследованных экспериментальной группы № 2 ($p < 0,01$) (Таблица 2). Обнаружена достоверность различий между обследованными экспериментальными группами № 1 и № 2 по показателям «адаптивность», «эмоциональная комфортность» и «самоприятие» ($p < 0,01$). Достоверных различий между показателями шкалы «эскапизм» у людей обследованных групп не обнаружено.

Обнаружено наличие корреляции у обследованных контрольной группы между показателями «адаптивность» и «эмоциональная комфортность» ($r = 0,13$; $p < 0,05$) и наличие корреляции у обследованных экспериментальной группы № 1 между показателями «адаптивность» и «эмоциональная комфортность» ($r = 0,25$; $p < 0,05$), а также между показателями «принятие других» и «стремление к доминированию» ($r = 0,38$; $p < 0,05$). Наличие корреляций между показателями у обследованных экспериментальной группы № 2 не обнаружено.

Таблица 2

Средние значения показателей социально-психологической адаптации

Группы обследуемых	Адаптивность	Стремление к доминированию	Самоприятие	Принятие других	Эмоциональная комфортность	Интернальность	Эскапизм
Контрольная	54,9±1,3	58,5±1,4	73,2±2,1	45,6±2,3	63,1±0,4	39,9±1,7	24,7±1,3
Экспериментальная № 1	40,1±2,7*	63,4±3,3	49,3±5,5*	33,9±2,6*	25,6±3,2*	23±3,1*	26,4±2,1
Экспериментальная № 2	49,2±1,5**	60,7±2,1	69,1±3,7**	40,9±0,5*	54,3±2,7**	31,3±1,9	25,1±1,9

Примечание: * – достоверность различий по отношению к контрольной группе ($p < 0,01$);

** – достоверность различий между экспериментальной группой № 1 и № 2 ($p < 0,01$).

Заключение

В результате проведенной работы были изучены личностные особенности осужденных за корыстные и насильственные преступления и проведено сравнение

с лицами, не имеющими судимости. Выявлены достоверные различия уровня эмоционального интеллекта, уровня агрессивности и показателей социально-психологической адаптации у осужденных за корыстные и насильственные преступления. Так, уровень эмоционального интеллекта у осужденных за корыстные преступления оказался выше, чем у осужденных за насильственные преступления. Уровень агрессивности насильственных преступников оказался выше, чем осужденных за корыстные преступления. Достоверные различия были выявлены и по показателю социально-психологической адаптации; у насильственных преступников данный уровень оказался ниже. Были выявлены достоверные различия между людьми, не имеющими судимости, и осужденными за корыстные и насильственные преступления по показателям социально-психологической адаптации, уровню агрессивности и уровню эмоционального интеллекта. Уровень социально-психологической адаптации и уровень эмоционального интеллекта у людей, не имеющих судимости, оказался выше, чем у осужденных. Уровень агрессивности осужденных оказался достоверно выше, чем у людей, не имеющих судимости.

Литература

- Айнетдинова Н. Х. Типичная информация о личности преступника и жертвы // Следователь. 2004. № 10. С. 14–18.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.

К ПРОБЛЕМЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ¹

Н. А. Польская

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)
polna7@rambler.ru

Представлена исследовательская шкала оценки самоповреждающего поведения; приведены результаты исследования самоповреждающего поведения в выборке подростков и молодых людей (n = 113); определены взаимосвязи показателей самоповреждения с факторами алекситимии и эмоционального интеллекта; у подростков с самоповреждающим поведением выявлены нарушения на когнитивном уровне переработки эмоций, связанные с пониманием и выражением собственных эмоций.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, алекситимия, эмоциональный интеллект, эмоциональная уязвимость.

Проблема исследования

Необходимость понимания психологических механизмов формирования поведенческих отклонений требует применения релевантного психодиагностического инструментария, особенно, когда речь идет о такой не всегда просто дифференцируемой форме, как самоповреждающее поведение. На наш взгляд, удобным способом

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 10-06-00511а.

эмпирического изучения самоповреждающего поведения может служить прицельно разработанная исследовательская шкала, которая, с одной стороны, решает задачу обнаружения и фиксации признаков данной формы поведенческого отклонения, а с другой стороны, позволяет обнаружить и проанализировать психологические корреляты самоповреждения как на личностном, так и на когнитивном уровне. Не всегда возникает необходимость в личностных профилях и типологизации психологических особенностей, поддерживающих модель поведения, отклоняющегося от принятых в обществе норм. В случае самоповреждающего поведения подобная унификация может привести к чрезмерной размытости и неопределенности психологических показателей, описывающих личность с данными поведенческими отклонениями. С другой стороны, исследовательская шкала, фиксирующая факты самоповреждающего характера, может быть легко интегрирована в любые исследовательские планы разной сложности и направленности, когда поиск складывается не вокруг проблем специфичности или даже аномальности индивидуума с подобным отклонением, а вокруг того, какие психологические факторы, системы, структуры и механизмы в той или иной степени связаны с готовностью к самоповреждению.

Процедура и методы исследования

Исходя из вышесказанного, была разработана исследовательская шкала, предназначенная для оценки фактов самоповреждающего поведения. В теоретическом плане разработка шкалы осуществлялась на основе понимания самоповреждающего поведения как имеющего сознательный характер намерения травмировать ткани собственного тела. Выделение маркеров было осуществлено по результатам аналитического обзора современных исследований в области самоповреждающего поведения (Польская, 2009) и с помощью экспертных оценок. В качестве экспертов выступили практики (психиатры, психологи-консультанты, психотерапевты), которых просили ответить на такие вопросы, как: что такое самоповреждающее поведение; существуют ли, по их мнению, принципиальное отличие самоповреждающего поведения от суицидального; и по каким признакам или симптомам может быть сделано заключение о том, что данному человеку свойственно самоповреждающее поведение.

Результаты опроса экспертов, по сути, совпали с имеющимися литературными данными. Во-первых, самоповреждающее поведение было определено как отличающееся по исходным намерениям от суицидального, однако, при определенных неблагоприятных обстоятельствах, способное трансформироваться в суицидальное или привести к смерти по неосторожности (например, из-за манипулирования опасными для жизни способами самоповреждения). Во-вторых, в качестве основных признаков, указывающих на возможность самоповреждающего поведения, были названы рубцы и шрамы от порезов, ожогов, следы от проколов кожи острыми предметами. В-третьих, были выделены некоторые психологические составляющие самоповреждающего поведения: опыт травмы, связанной с насилием или утратой, стремление к переживанию острых ощущений, недостаточность навыков эмоциональной саморегуляции. На основе имеющихся теоретических и практических данных было сформулировано определение самоповреждающего поведения как поведения, связанного с повреждением тканей собственного тела, но не имеющего прямой суицидальной направленности; в качестве основных маркеров самоповреж-

дающего поведения были определены сами акты самоповреждения: самопорезы, самоожоги, выдергивание волос, расчесывание кожи, препятствие заживлению ран, самоудары о твердые поверхности и удары по собственному телу.

На следующем этапе была подготовлена шкала, включившая в себя вышеперечисленные акты самоповреждения, с указанием частоты реализации той или иной практики самоповреждения. Задачей этой шкалы была объективизация данных относительно того, свойственно ли индивидууму использование тех или иных действий самоповреждающего характера и в какой мере (см. таблица 1). Шкала построена по типу самоотчета, и ее разработка была продиктована необходимостью проведения анонимных опросов с целью выявления распространенности актов самоповреждения в популяции подростков и молодых людей. Анонимность респондентов была обязательным условием участия в исследовании и позволяла рассчитывать на более высокий уровень искренних ответов относительно действий, которые, как правило, осуществляются скрытно и хранятся втайне от окружающих.

Таблица 1
Шкала самоповреждающего поведения

№	Пункты шкалы	никогда	лишь однажды	иногда	часто
1.	Случалось, что я специально делал(а) себе порезы бритвой, ножом				
2.	Случалось, что я специально выдергивал(а) из своей головы волосы				
3.	Случалось, что я специально бил(а) рукой или ногой о твердые поверхности, чтобы причинить себе боль				
4.	Случалось, что я специально оставлял(а) на своей коже ожоги от раскаленных или горящих предметов				
5.	Случалось, что я специально сковыривал(а) болячки, чтобы они дольше не заживали				
6.	Случалось, что я специально бил(а) себя кулаком по голове или телу				
7.	Случалось, что я специально расчесывал(а) себе кожу до крови				

Шкала предназначалась, прежде всего, для качественного анализа проявлений самоповреждающего поведения. Для включения результатов в процедуры статистического анализа ответы кодировались по следующей схеме: никогда – 0 баллов; лишь однажды – 1 балл; иногда – 2 балла; часто – 3 балла.

Данная шкала была включена в несколько исследовательских планов, связанных с изучением взаимосвязи актов самоповреждения с психологическими параметрами. Одним из психологических параметров, который изучался в связи с проявлениями самоповреждающего поведения, был параметр эмоций. Этот выбор основывался на предположении, что нарушения и дисфункции эмоций, связанные как с их пониманием, так и с их переживанием и проявлением, имеют определяющее влияние на формирование готовности к самоповреждению. Это предположение является частью нашей более широкой гипотезы относительно эмоциональной уязвимости индивидуумов, склонных к самоповреждению (Польская, 2009). В данном случае мы исследовали взаимосвязь показателей самоповреждающего поведения с уровнем алекситимии: Торонтская алекситимическая шкала (Taylor, Ryan, Bagby, 1985) и зрелостью эмоционального интеллекта – методика оценки эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Люсин, 2006).

Всего в исследовании приняли участие 113 респондентов в возрасте от 13 до 23 лет ($M_{\text{возр.}} = 17,53$; $SD = 2,8$) из них: 53 (46,9%) респондентов мужского пола ($M_{\text{возр.}} = 17,66$; $SD = 3,06$) и 60 (53,1%) респондентов женского пола ($M_{\text{возр.}} = 17,43$; $SD = 2,57$). Это были учащиеся старших классов школы и студенты колледжа, а также представители неформальных молодежных субкультур.

Результаты исследования

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS-14 for Windows (таблицы частот, анализ пригодности, однофакторный дисперсионный анализ, корреляционный анализ, кластерный анализ).

Для оценки внутренней согласованности пунктов шкалы самоповреждающего поведения был использован коэффициент одномоментной согласованности α Кронбаха, который на стандартизированных пунктах составил 0,800. Частотное распределение выборов по каждому пункту шкалы представлено в таблице 2.

Таблица 2
Частотное распределение ответов по шкале

Акты самоповреждения	Частота проявлений			
	Никогда	Один раз	Иногда	Часто
Самопорезы	83 (73,5%)	13 (11,5%)	7 (6,2%)	10 (8,8%)
Выдергивание волос	79 (69,9%)	12 (10,6%)	19 (16,8%)	3 (2,7%)
Удары о твердые поверхности	53 (46,9%)	20 (17,7%)	31 (27,4%)	9 (8,0%)
Самоожоги	98 (86,7%)	8 (7,1%)	4 (3,5%)	3 (2,7%)
Препятствие заживлению ран	70 (61,9%)	14 (12,4%)	16 (14,2%)	13 (11,5%)
Удары по собственному телу	75 (66,4%)	13 (11,5%)	18 (15,9%)	7 (6,2%)
Расчесывание кожи	70 (61,9%)	15 (13,3%)	22 (19,5%)	6 (5,3%)

Несмотря на то что мы намеренно выбрали неклиническую популяцию, определенная часть респондентов указали не только на отдельные факты самоповреждения, но и на регулярность, привычность их реализации (пункты «иногда» и «часто»). На основе кластерного анализа (кластеризация K-средними) было выделено два кластера (см. таблицу 3).

Таблица 3
Результаты кластерного анализа

Акты самоповреждения	Кластер	
	1	2
Самопорезы	1,27	0,23
Выдергивание волос	1,07	0,33
Удары о твердые поверхности	2,03	0,58
Самоожоги	0,70	0,05
Препятствие заживлению ран	1,80	0,37
Удары по собственному телу	1,77	0,20
Расчесывание кожи	1,70	0,31
Число наблюдений в каждом кластере	30,0	83,0

Частотное распределение в каждом кластере показало, что в кластер 1 ($n = 30$) вошли респонденты, имеющие более высокую частоту и интенсивность актов самоповреждения, чем респонденты кластера 2 (см. таблицу 4). Кластер 1 был определен как группа респондентов с высоким риском самоповреждающего поведения («группа с СП»), а кластер 2 – как группа респондентов с отсутствием или редкими проявлениями самоповреждающего поведения («группа без СП»).

Таблица 4
Частотное распределение ответов в кластерах

Акты самоповреждения	Частота	Кластерный номер наблюдения	
		Кластер 1 (группа с СП)	Кластер 2 (группа без СП)
Самопорезы	никогда	12 (40%)	71 (85,5%)
	один раз	6 (20%)	7 (8,4%)
	иногда	4 (13,3%)	3 (3,6%)
	часто	8 (26,7%)	2 (2,4%)
Выдергивание волос	никогда	15 (50,0%)	64 (77,1%)
	один раз	1 (3,3%)	11 (13,3%)
	иногда	11 (36,7%)	8 (9,6%)
	часто	3 (10,0%)	0 (0%)
Удары о твердые поверхности	никогда	2 (6,7%)	51 (61,4%)
	один раз	4 (13,3%)	16 (19,3%)
	иногда	15 (50,0%)	16 (19,3%)
	часто	9 (30,0%)	0 (0%)
Самоожоги	никогда	19 (63,3%)	79 (95,2%)
	один раз	4 (13,3%)	4 (4,8%)
	иногда	4 (13,3%)	0 (0%)
	часто	3 (10,0%)	0 (0%)
Препятствие заживлению ран	никогда	8 (26,7%)	62 (74,7%)
	один раз	2 (6,7%)	12 (14,5%)
	иногда	8 (26,7%)	8 (9,6%)
	часто	12 (40,0%)	1 (1,2%)
Удары по собственному телу	никогда	5 (16,7%)	70 (84,3%)
	один раз	4 (13,3%)	9 (10,8%)
	иногда	14 (46,7%)	4 (4,8%)
	часто	7 (23,3%)	0 (0%)
Расчесывание кожи	никогда	6 (20,0%)	64 (77,1%)
	один раз	3 (10,0%)	12 (14,5%)
	иногда	15 (50,0%)	7 (8,4%)
	часто	6 (20,0%)	0 (0%)
Всего респондентов в кластерах		30	83

Для оценки значимости различий между кластерами по частоте актов самоповреждения был применен критерий хи-квадрат, который составил 24,858 (при асимптотической значимости 0,001).

При проведении процедуры однофакторного дисперсионного анализа были выявлены значимые различия между кластерами по показателям алекситимии,

шкалам «внутриличностный эмоциональный интеллект» и «понимание эмоций» и субшкалам «понимание своих эмоций», «управление своими эмоциями», «контроль экспрессии» (см. таблицу 5).

Таблица 5
Результаты однофакторного дисперсионного анализа

Факторы	F	Значимость
Алекситимия	3,989	0,049
Внутриличностный ЭИ	9,572	0,003
Управление эмоциями	6,474	0,012
Понимания своих эмоций	6,081	0,015
Управление своими эмоциями	7,426	0,007
Контроль экспрессии	4,526	0,036

Корреляционный анализ (ранговый коэффициент Спирмена), проведенный во всей выборке, для определения взаимосвязей между показателями эмоционального интеллекта и алекситимии с показателями самоповреждающего поведения (см. таблица 6) выявил ряд значимых отрицательных корреляций актов самоповреждения с факторами эмоционального интеллекта и положительные корреляции актов самоповреждения с алекситимией. Выявленные взаимосвязи указывают на связь актов самоповреждения с процессами понимания, переживания и выражения эмоций, что позволяет предположить, что механизм эмоций (на когнитивном, релюлятивно-динамическом и личностно-мотивационном уровнях) является центральным механизмом формирования готовности индивидуума к самоповреждениям и последующего закрепления самоповреждающего поведения как устойчивой и привычной модели поведения.

Таблица 6
Значимые корреляции между актами самоповреждения и факторами алекситимии и эмоционального интеллекта (коэффициент Спирмена)

	само-порезы	удары о твердые поверхности	само-ожоги	препятствие заживлению ран	само-удары	расчесывание кожи
Алекситимия		0,226*		0,301**		
Межличностный ЭИ			-0,236*			
Внутриличностный ЭИ			-0,200*	-0,217*		-0,273**
Понимание эмоций			-0,187*			
Управление эмоциями			-0,208*		-0,193*	-0,260**
Понимания своих эмоций	-0,196*		-0,191*	-0,231*		-0,197*
Управление своими эмоциями				-0,193*		-0,217*
Контроль экспрессии					-0,189*	-0,296**

Примечание: * – корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторонняя); ** – корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

Выводы

- 1 Исследовательская шкала самоповреждающего поведения позволяет выявить частоту актов самоповреждения в популяции подростков и молодых людей,

что может быть полезно в проведении скрининговых обследований и массовых опросов по широкому кругу проблем, связанных с различными формами проявления аутоагрессии. Диагностическую важность представляет частота актов самоповреждения (особенно выборы пунктов «иногда» и «часто») и сочетание разных актов самоповреждения, что указывает на сформированность модели самоповреждающего поведения.

- 2 В данной выборке 26,5% респондентов были объединены в отдельную группу по признаку высокой интенсивности актов самоповреждения, показав значимые различия от другой части выборки по всем показателям самоповреждения, а также по факторам алекситимии и эмоционального интеллекта.
- 3 Обнаруженные корреляции между показателями самоповреждения и факторами алекситимии и эмоционального интеллекта доказывают эмоциональную уязвимость индивидуумов, склонных к самоповреждению, что в данном случае было выявлено на уровне когнитивной переработки эмоций.
- 4 Любопытен тот факт, что на когнитивном уровне наиболее уязвимой оказывается сторона самопонимания, касающаяся понимания, управления и выражения собственных эмоций. Но пока сложно ответить на вопрос, какую роль выполняет акт самоповреждения: роль «стимулятора» эмоций или же «выхода» мощных, но слабо дифференцируемых эмоций, недоступных (в силу каких-либо причин) пониманию и переработке.

Литература

- Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 264–278.
- Польская Н. А. Предикторы и механизмы самоповреждающего поведения (по материалам исследований) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 96–105.
- Taylor G. J., Ryan D., Bagby R. M. Toward the development of a new self-report alexithymia scale // Psychother Psychosom. 1985. V. 44. № 4. P. 191–199.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЙ САМООЦЕНКИ УЧАЩИХСЯ¹

Л. М. Попов, П. Н. Устин

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет (г. Казань)

leonid.popov@inbox.ru

В предлагаемой работе представлены результаты исследований нравственно-этической самооценки учащихся на базе модели психологической организации человека как субъекта развития и саморазвития.

Ключевые слова: нравственно-этическое сознание, самооценка, «Интервью с самим собой».

Нравственные детерминанты выступают одной из базовых составляющих поведенческой активности субъекта. Система нравственных координат, проявляясь

1 Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №10-06-00421а.

в социально-психологическом пространстве, определяет как отдельные поступки человека в конкретных ситуациях жизненного выбора, так и общую стратегию его жизни. Вместе с тем в современном обществе отмечается устойчивое формирование людей с пониженным порогом терпимости к насилию и злу – к тому, что можно обозначить как деструктивные формы поведения. В этой связи понятен интерес многих ведущих исследователей (Братусь, 1997; Брушлинский, 2003; Воловикова, 2003; Журавлёв, 2003; Знаков, 1999; Шадриков, 2001), обративших внимание на проблематику нравственного поведения и сознания человека.

Однако, несмотря на значительно возросший объем психологических исследований нравственно-этической сферы личности, следует отметить недостаточный уровень проработки экспериментально-диагностических методов оценки, материалы которых необходимы для обоснованного внедрения технологий преобразования и самопреобразования личности. На данный момент изучение этических характеристик проводится с помощью методик, измеряющих личностные качества (Р. Кеттелл), ценностные ориентации (М. Рокич), агрессивности (А. Басса, А. Дарки), конфликтности (К. Томас), эмпатии (В.В. Бойко), ответственности (Дж. Роттера), межличностные отношения (Т. Лири) и т. д. Минусом используемых на данный момент методов является их безоценочный характер в пределах нормы, заложенный изначально при создании. Так, например, личностные факторы по 16-факторному опроснику Р. Кеттелла, имеют два равнозначных полюса, а экстернальный локус контроля, измеряемый методикой УСК Дж. Роттера, не может считаться безответственностью. Кроме того, несмотря на универсальный характер нравственности, в историческом континууме ее содержание постоянно меняется. В этой связи сложно сказать, из каких посылок совершает свой моральный выбор реальный человек, так как вместе с содержанием понятия человечности, меняется и используемый им тезаурус. Решение данной проблемы видится либо в обновлении уже имеющихся методик, либо в использовании качественных методов, благодаря которым испытуемый имеет более широкие возможности при самооценке своего нравственно-этического сознания.

В данной работе в качестве одного из методов исследований нравственно-этического сознания мы предлагаем метод структурированного интервью, построенный на самоанализе когнитивно-психологической культуры личности («Интервью с самим собой»). Интервью с самим собой – это метод комплексной оценки самого себя по профессионально-личностному, эмоционально-волевому, личностному и метаиндивидуальному (способности влияния на других) параметрам личности. Для включения внутренней мотивации субъекта используется ситуация свободного выбора, которая побуждает человека к произвольному, т. е. самостоятельно выбранному поведению (Попов, 1990).

Суть метода заключается в том, что человек может свободно изложить свои мысли и взгляды по определенному экспериментатором вопросу на бумаге. Практическое воплощение метода «Интервью с самим собой» побуждает студента как субъекта самоописания, самооценки и саморазвития выйти за пределы предложенной архитектоники. Здесь появляется описание жизненного пути с акцентом на наиболее важные для субъекта события, впечатления. Данный метод труден для анализа, однако имеет значительный потенциал, поскольку вопросы можно модифицировать как задачи исследования (Попов, 2008).

Одним из возможных примеров модификации метода «Интервью с самим собой» является вариант, предложенный нами в исследовании особенностей нравственно-

этического сознания студентов казанских вузов в возрасте от 17 до 25 лет. В данном варианте учащимся предлагались следующие задания:

- 1) Опишите, каким вы представляете высоко нравственного человека. Опишите, какими качествами он должен обладать, как вы понимаете значение этих качеств. Пожалуйста, приведите примеры проявления данных качеств. Таким же образом опишите безнравственного человека (качества, значения этих качеств, примеры проявления этих качеств).
- 2) Опишите себя как нравственного человека. Опишите, какими качествами вы обладаете. Есть ли сходство с идеалом, описанным в предыдущем пункте вашего сочинения, и если есть, то в каких качествах? Есть ли различия с идеалом, описанным во втором пункте вашего сочинения, если есть, то в каких качествах? Есть ли у вас качества, которые вы сами бы охарактеризовали как «недостаточно нравственные» или «безнравственные»? Опишите ситуации, которые у вас вызывали или могут вызвать затруднения в нравственном плане (например, сомневаетесь, плохо что-либо или хорошо). Стремитесь ли вы к нравственному идеалу, какие трудности вы преодолеваете на пути к нравственному идеалу.

Анализ полученных результатов позволил выделить категории, интегрирующие основные понятия, которыми оперируют студенты в нравственных описаниях и самоописаниях. В категорию «Агрессия» вошли следующие описательные характеристики: «рукоприкладство», «осквернение», «агрессивный», «мстительность», «издевается», «оскорбляет», «наказывать» (эта категория представлена у 24% девушек и 18% юношей).

Категория «Культура» состоит из двух подблоков. Подблок «Эрудиция» – «большой багаж знаний», «высокий литературный запас», «образованный», «уровень образования», «культурный», «научная лексика», «многослойный» – представлен у 18% девушек и 26% юношей. Подблок «Воспитание» – «воспитанный», «жаргон», «наглый», «хам», «грубый», «интеллигентный», «низок в поступках», «вежливый», «умеет себя вести», «эстетичный», «мораль», «этика» – у 90% девушек и 58% юношей. Категория «Ответственность» включает: «ответственный», «обязательный», «принципиальность», «не исполняет обещания» (30% девушек и 16% юношей). Категорию «Цинизм» («не верующий ничему», «безразличие», «не уважает других», «не смеется над другими», «ни что не нравится», «презрение», «готов идти по головам», «нет ценностей») использовали 24% девушек и 32% юношей.

Категорию «Добро» с антитезой «Зло» («доброжелательный», «добродушный», «великодушный», «злой», «миролюбивый») назвали 58% девушек и 50% юношей. Категорию «Интеллект» («здоровое мышление», «любопытность», «умеющий выразить свою точку зрения», «мысли», «умный», «грамотный») – 14% девушек и 32% юношей. Категорию «Эмпатия» («выслушать других», «чуткий», «отзывчивость», «понимающий», «сочувствие», «поддержка», «солидарный», «милосердие») – 46% девушек и 40% юношей. Категория «Жадность» («жадный», «алчный», «скупой», «щедрый») встречается у 10% девушек и 8% юношей. Категория «Здоровье» («пьянство», «здоровый образ жизни», «наркомания», «курение») – у 12% девушек и 4% юношей. Категория «Коммуникабельность» («коммуникабельный», «обаятельный», «компромисс», «открытый обществу», «приветливый») встречается у 24% девушек и 12% юношей. Категория «Порядочность» («честность», «обман», «вранье», «правда», «порядочность», «лживость», «честь», «искренность») – у 54% девушек и 40% юношей.

Категория «Педантичность» («пунктуальный», «педантичность», «опрятный», «дисциплинированность», «аккуратный») – у 6% девушек и 14% юношей. Категория «Оптимизм», включая антитезу «Пессимизм» («оптимизм», «пессимизм») – у 2% девушек и 4% юношей. Категория «Плохой» («плохой», «хороший», «положительный») – у 4% девушек и 8% юношей. Категория «Совесть» («совесть», «раскаяние») – у 12% девушек и 32% юношей. Категория «Религиозность» («вера в Бога», «мусульманин») – у 6% девушек и 4% юношей. Категория «Эгоизм» («думает не только о себе», «эгоист», «самолюбие», «любит только себя») – у 18% девушек и 20% юношей. Категория «Альтруизм» («помогающий», «забота», «готовый жертвовать») – у 26% девушек и 36% юношей. Категория «Самоконтроль» («управление эмоциями», «сдержанный», «уравновешенный», «устраивает сцены», «эмоционально не сдержанный», «вспыльчивый», «спокойный», «раздражительный») – у 30% девушек и 20% юношей. Категория «Целеустремленность» («нет целей», «целеустремленность», «живет сегодняшним днем») – у 6% девушек и 16% юношей.

Категория «Тактичность» («не задевает чувства других», «тактичный») – у 4% девушек и 6% юношей. Категория «Гуманизм» («любовь ко всем», «человеколюбие», «человечность») – у 26% девушек и 4% юношей. Категория «Уважение» («уважение», «принятие других как равных») – у 38% девушек и 26% юношей. Категория «Самокритичность» («самокритичность», «анализирует свои действия») – у 4% девушек и 4% юношей. Категория «Самореализация» («самосовершенствование», «саморазвитие», «готовность исправлять свои недостатки») – у 8% девушек и 4% юношей. Категория «Трудолюбие» – у 6% девушек и 4% юношей. Категория «Гордость» («гордость», «считают что всегда правы», «высокомерие», «выше других») – у 2% девушек и 10% юношей.

Категория «Толерантность» («терпеливый», «терпимость», «ценить интересы других», «лояльность ко всему», «уважение традиций») – у 20% девушек и 12% юношей. Категория «Сильный характер» («слабый», «воля», «сила», «стойкость», «храбрость», «смелость», «мужество», «сильный духом», «надежный», «независимый», «внутренний стержень») – у 16% девушек и 14% юношей. Категория «Справедливость» («справедливость», «объективность») – у 24% девушек и 4% юношей. Категория «Скромность» («скромность», «смирение») – у 2% девушек и 4% юношей. Категория «Доверие» («доверие другим», «вера») – у 2% девушек и 2% юношей. Категория «Опыт» («жизненный опыт», «мудрость») – у 2% девушек и 4% юношей.

Только у юношей также выделяются: категория «Самооценка» («высокая самооценка», «не ценит себя») – 6%, категория «Статусность» («солидный», «высший слой общества») – 6%. Категория «Тщеславие» («тщеславный», «восхищенный собой») – 6%. Категория «Зависть» – 4% юношей.

Только у девушек выделяются: категория «Окружающая среда» («любит природу») – 6%. Категория «Упрямство» – 2%. Категория «Прощение» – 4%. Категория «Стремление увидеть в человеке хорошее» – 2%. Категория «Лицемерие» – 2%. Категория «Патриотизм» – 4%. Категория «Чувство юмора» – 4%.

В результате проведенного исследования выделен комплекс основных этических понятий, реально существующих в среде учащихся высших учебных заведений (категории, интегрирующие в себе основные понятия, которыми оперируют студенты в нравственных описаниях и самоописаниях). Данными категориями выступают: «агрессия», «культура», «ответственность», «интеллект», «эмпатия», «жадность», «здоровье», «коммуникабельность», «порядочность», «педантичность», «оптимизм» и др.

Литература

- Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Изд-во ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Журавлёв А. Л. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
- Попов Л. М. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Попов Л. М. Психология самодеятельного творчества студентов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990.
- Шадриков В. Д. Происхождение человечности. М.: Логос, 2001.

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ МЕТОД Г. Е. ЗАЛЕССКОГО КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Л. М. Разорина

Сыктывкарский государственный университет
l-ras@mail.ru

В докладе рассматривается ценностно-нормативный метод Г. Е. Залесского как наиболее адекватный метод исследования внешней (овладения ситуацией взаимодействия с миром) и внутренней (овладения собственным внутренним миром) функции личности, анализируются взаимосвязи и преемственность между ценностно-нормативным подходом, культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского, теорией планомерного формирования П. Я. Гальперина.

Ключевые слова: ценностно-нормативный метод, диагностика, культурные средства развития.

Традиционная обеспокоенность проблемами становления молодежи в современной России (Фельдштейн, 2010; и др.) и за рубежом (Барбер, 2007; и др.) привлекает внимание к проблеме усвоения социального опыта, овладения средствами и механизмами регуляции взаимодействия с социальным окружением, овладения собственным внутренним миром. Современная социальная и образовательная ситуация обостряется высокими темпами изменений, запаздыванием системы образования в удовлетворении социальных и личностных потребностей, растерянностью взрослого мира перед потерявшимися в шквале информации детьми и подростками. Нацеливание на изменение человеческих качеств, создание новых образовательных технологий и нового подхода к диагностике развития человека требует построения диагностических методов, обращенных к сущности психологических феноменов и их механизмов.

Проблема адекватного метода исследования в психологии личности была поднята группой учеников А. Н. Леонтьева (Асмолов и др., 1979). В статье особенно выделяются две продуктивные идеи: 1) изучение смысловых образований личности посредством изменения социальной позиции ребенка; 2) использование для диагностики развития личности нравственных коллизий (Б. С. Братусь). Однако авторам не удалось до конца последовательно реализовать деятельностный подход.

Анализ отечественного опыта исследовательской и образовательной деятельности позволяет сделать вывод, что значительный задел в этом направлении создан ценностно-нормативным (ценностно-деятельностным) подходом Г. Е. Залесского (1994 и др.), базирующимся на анализе и конструктивном использовании достижений отечественной науки и практики.

Подход Г. Е. Залесского, с одной стороны, представляет собой распространение деятельностного принципа исследования психики на процесс формирования мировоззрения и убеждений личности. С другой стороны, заимствование ценностно-нормативного принципа из социологии и привлечение его для анализа личностных смыслов и ценностей позволяет реализовать целостное изучение центральных механизмов внутренней регуляции социального поведения человека на основе системного подхода и строгого эксперимента.

Согласно Г. Е. Залесскому, мировоззрение или мировоззренческая позиция является продуктом (моментом) деятельности особого рода, называемой им «деятельностью социальной ориентировки», «мировоззренческой деятельностью», «способом социальной ориентировки», «общим способом социальной ориентировки».

«Социальная ориентировка... – это психическая ориентировка в условиях некоторой общественной ситуации, в которой субъекту необходимо осуществлять поведение... Задачей такой ориентировки... является категоризация ситуации, ее оценка и определение (выбор) мотива, целей, операций, будущего действия, поступка» (Залесский, 1994, с. 23).

В ряде работ, выполненных под руководством Г. Е. Залесского, показано, что социальная ориентировка инвариантна по отношению к разным сферам социальных ценностей и психической деятельности в этих сферах и имеет трехкомпонентную структуру, аналогичную традиционной структуре социальной установки, включающую когнитивный, операциональный и мотивационный компоненты. Каждый из приемов операционального компонента выполняет специфическую функцию, а все вместе они реализуют функцию социальной ориентации.

Согласно теоретическому представлению о модели социальной ориентировки, Г. Е. Залесским построен и метод исследования. Он исходит из следующих принципов: 1) использование задач на социальную ориентировку и включение в них сбивающих факторов в качестве основного типа экспериментальных заданий; 2) организация таких задач в системы путем их логической развертки; 3) выявление степени устойчивости мотивов, обусловивших выбор способов решения экспериментальных задач.

Для диагностики используются три типа заданий.

- 1) Специально составленный вопросник, нацеленный на выявление: а) уровня знаний и умений; б) на понимание личностной функции этих знаний и умений; в) самооценки готовности применять их для регуляции своего поведения.
- 2) Система проективных вопросов: 1) «о прошлом опыте»; 2) об эмоциональном впечатлении; 3) о намерениях и причинах будущего поведения в подобных ситуациях.
- 3) Система задач на социальную ориентировку содержит ценностные проблемные ситуации. Они с необходимостью требуют включенности личностных механизмов и систем личных ценностей в их решение. Конфликт в них задается не только разрывом между требованием задачи и наличным уровнем знаний и умений, но и различием ценностей, на которые опирается учащийся

при эмпирическом и теоретически обоснованном подходе к ответу на сформулированный в задаче вопрос. Здесь требуется оценить ситуацию и принять решение о выборе способа поведения в данных условиях, тем самым проявить социально адекватную «мировоззренческую» позицию, как при нахождении нового знания, так и при его использовании в целях контроля и коррекции собственного поведения (Залесский, 1994, с. 43, 46–47).

Таким образом, предложенная методика позволяет проследить в условиях эксперимента не отдельные акты поведения (как, например, в методике Л. Кольберга), а целостную деятельность и проанализировать эффективность ее выполнения и причины получения продуктов, отличных от социально заданных. Введение строгих критериев сформированности изучаемого явления, типологии испытуемых, а также описание процедуры исследования и обработки данных позволяет использовать методику в качестве инструмента анализа эффективности воспитательной работы.

Диагностика нравственной воспитанности, проводимая по методу Г. Е. Залесского, позволяет ответить на вопросы: 1) о механизме сформированности и функционирования убеждений, 2) о внутренних критериях выбора способов поведения в конфликтных ситуациях, 3) об условиях функционирования знаний в регулирующей функции.

Это позволило Г. Е. Залесскому сформулировать гипотезу об условиях формирования мировоззренческой деятельности, как деятельности, выполняющей функцию реализации «образа Я» в процессе социальной ориентировки и носящей предваряющий характер. Такая деятельность инвариантна по отношению к предметной деятельности и ее выполнение служит формированию личностных механизмов социальной ориентировки, которые опираются на представленный в системе научных знаний социальный опыт и тем самым обеспечивают соответствие целенаправленного поведения личности социальным ожиданиям и требованиям общества.

Проблема нормативного подхода в педагогике и психологии и, в частности, к личности и мотивации до сих пор вызывает полемику (Бобнева, 1978). Этот подход связывается с унификацией не только технологии воспитания и обучения, но и результатов педагогической деятельности, что не имеет под собой достаточно веских оснований. Во-первых, нормативный подход к мотивации предполагает, что общество должно транслировать ценности гуманного отношения к человеку (Бобнева, 1978, с. 122, 140; и др.). Во-вторых, нормативный подход к деятельности предполагает, что воспроизводиться будет норматив, обеспечивающий качество социального результата и психологических продуктов деятельности (Гальперин, 1976; и др.). В-третьих, никакая самая совершенная технология не может обеспечить nivelировку индивидуальных способностей в силу: а) различий в мотивационно-потребностной сфере; б) индивидуальных особенностей педагогов; в) недостаточной технологичности массового педагогического процесса.

Реализация нормативного подхода должна обеспечить овладение нормативной системой ценностей и социально заданным минимумом требований к деятельности (Борисова, 1997). Такой подход предполагает и нормативную диагностику, направленную на решение задач психолого-педагогического обеспечения учебного процесса.

Нормативная диагностика имеет два истока. Одним из них является направление тестологии, использующее критериально-ориентированные тесты (Анаста-

зи, 1982, т. 1, с. 93). Итоговый показатель теста фиксирует наличие либо отсутствие навыка на некотором заранее установленном уровне. Однако созданные к настоящему времени методики недостаточно учитывают, с одной стороны, социальный контекст деятельности, в частности ценностно-нормативные аспекты, разрабатываемые в этике; с другой стороны, требования к ценностно-нормативным характеристикам личности, вытекающим из ее назначения.

Другим истоком является идея создания нормативов развития, исходящая из культурно-исторической концепции (Выготский, 1984, т. 4, с. 267), а также реализованный в русле этих представлений подход к формированию психических процессов с заданными свойствами (Гальперин, 1976; Талызина, 1975, 1986; Залесский, 1994).

В ходе формирующего эксперимента в рамках подхода Г. Е. Залеского учащиеся овладевали не только умением давать научную классовую оценку явлениям, но усваивали и другие умения: правильно анализировать тенденции развития явлений и характер конечной социальной ситуации, решать вопрос о необходимости и целях личного участия в развитии данной ситуации и выборе соответствующих способов воздействия на объект.

В отличие от классической диагностики первично не ориентированной на деятельность, так же как и концепция диагностики Г. Витцлака (1984), подход Г. Е. Залесского направлен на выявление функции, регулирующей действие психических свойств, на определение оптимальных условий для их эффективного изменения. Оба автора едины во мнении, что развитые методы диагностики должны отражать индивидуальную психическую структуру деятельности при выполнении человеком конкретных требований при ее осуществлении. Таким образом, предложенный Г. Е. Залесским метод (1994) изначально был деятельностным и нормативным, ориентированным на диагностику овладения культурными средствами социального поведения посредством выявления уровня усвоения и использования культурных ценностей и норм, регулирующих поведение (принятие решений) в разных сферах социальных ценностей. Именно эти нормы и ценности, как внутренние орудия-знаки, опосредуют внутреннюю психическую деятельность человека, определяя ее результат. Следовательно, определяя содержание норм и ценностей и способов их реализации, можно построить и технологию диагностики и технологию коррекции отклонений.

С позиций данного подхода удалось не только проследить за возникновением ситуации разрыва между уровнем фактических и теоретических знаний, и содержанием способа социальной ориентировки, но удалось также обнаружить и психологические механизмы этого разрыва. В условиях ценностного конфликта учащиеся склонны опираться на житейский опыт так, как он более тесно связан с их эмоционально-мотивационной сферой и более прост в применении.

Таким образом,

- 1) нормативный подход Г. Е. Залесского позволяет:
 - а) построить достаточно строгий способ диагностики уровня сформированности деятельности социальной ориентировки и мировоззрения в целом;
 - б) создает условия для широкого применения в качестве основных методов – методов формирования, что позволяет сформулировать ряд конкретных практических рекомендаций о новых средствах педагогического воздействия;

- 2) ценностный подход в психологии воспитания позволяет выделить:
- а) личностные связи человека с обществом и психологический механизм этих связей (механизмы социальной ориентировки);
 - б) диагностировать социальную активность личности и активность жизненной позиции;
 - в) более целенаправленно (по сравнению с традиционными подходами) осуществлять поиск средств эффективного воспитательного воздействия на личность и методов их реализации в педагогической практике;
- 3) но самое главное: формирование приемов социальной ориентировки в разных сферах ценностей вооружает человека средствами овладения поведением, потребностями и мотивами в условиях быстро меняющейся социальной ситуации, отвечая актуальному социальному и личностному запросу.

Вместе с тем:

- 4) налицо системная постановка проблемы: предмет рассматривается по-новому – не как совокупность характеристик, а как механизм осуществления социальной ориентировки;
- 5) ценностная ориентация рассматривается как целостность, элементами которой выступают поведенческий, эмоциональный и когнитивный компоненты;
- 6) система связей устанавливается в процессе исследования;
- 7) структурные характеристики объекта заложены в модели;
- 8) выделяемые функции компонентов реализуют целостную функцию системы.

Другими словами, реализуемый подход отвечает требованиям технологии, но требует совершенствования применительно к специфике современного состояния образовательной и социальной системы и массового использования в системе образования.

По мнению Е. М. Борисовой (1997), ближайшие перспективы развития диагностики состоят в дальнейшей разработке теоретических основ и принципов нормативной содержательной диагностики, а также в создании системы возрастной диагностики и коррекции психического и личностного развития, охватывающей весь период обучения ребенка в школе. И в этом плане подход Г. Е. Залесского находит на магистральном пути решения злободневных социальных и психологических проблем.

Литература

- Анастази А. Психологическое тестирование. Кн. 1 и 2. М.: Педагогика, 1982.
- Асмолов А. Г. и др. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 35–45.
- Барбер М. Обучающая игра: аргументы в пользу революции в образовании. М.: Просвещение, 2007.
- Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М: Наука, 1978.
- Борисова Е. М. Современные тенденции развития психодиагностики // Прикладная психология. 1997. Сигнальный номер. С. 64–71.
- Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.

- Витцлак Г. Принцип деятельности в психодиагностике и его применение для развития психодиагностического метода // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 146–148.
- Залесский Г. Е. Психология мировоззрения и убеждений личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Фельдштейн Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 47–56.

МЕТОДИКА ПСИХОДИАГНОСТИКИ УРОВНЯ ТВОРЧЕСКОСТИ

А. В. Сильверсан, Н. С. Аболина

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург)
silversan@mail.ru

В статье «Методика психодиагностики уровня творческой способности» описывается процедура стандартизации и валидизации проективной методики «Творчество+» психодиагностики уровня творческой способности студентов сферы культуры и искусства Республики Саха (Якутия). Рассматриваются основные особенности методики и процедуры ее проведения.

Ключевые слова: психология творчества, творческая способность, креативность, творческие способности, психодиагностика.

В современной психологии проблема творческих способностей (или проблема креативности, творческой способности в обозначениях разных авторов) занимает важное место, как проблема развития личности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, В. Н. Дунчев, В. Н. Дружинин, В. Н. Козленко, Л. Б. Ермолаева-Томина, А. В. Морозов, Д. Б. Богоявленская, Р. Арнхейм, Дж. Гилфорд, Е. П. Торренс, Д. Тейлор, Дж. Рензулли, С. Медник, Н. Роджерс, Дж. Фельдюзен, Р. Стернберг, Г. Айзенк, А. Маслоу, К. Роджерс и др.).

Творческие способности рассматриваются как творческий продукт (Р. Арнхейм, Д. Тейлор, Р. Стернберг), как отдельная способность (Дж. Гилфорд, Г. Айзенк, Д. Б. Богоявленская, Е. П. Торренс), как личностная черта (А. Маслоу, В. Н. Дружинина), как творческий процесс (Д. Фелдман).

Наряду с понятием «творческие способности» используются понятия «креативность» и «творческая способность». Мы рассматриваем творческие способности (творческая способность) как сложное психологическое образование, которое сочетает в себе многомерную и многоуровневую структуру различных свойств личности: мотивации, самооценки и уровня притязаний, культурно-нравственного развития, толерантности и др.

Для диагностики творческой способности необходимо методика, которая должна характеризоваться определенной свободой выбора, не «загонять» человека в рамки, не требующих выученных, привычных ответов и решений. Одним из методов диагностики, отвечающих вышеперечисленным требованиям, являются проективные методики диагностики. Стимульный материал проективных методик может быть как высокоструктурированным, так и неопределенным по своему характеру (Цыпандина, 2000). В качестве основы для выбора стимульного материала были проанализированы импрессионные проективные методики.

Методика диагностики уровня творческой способности с использованием импрессионных цвето-музыкальных стимулов разрабатывалась в рамках проективного диагностического метода. Его наиболее существенным признаком является использование неопределенных, слабо структурированных стимулов, которые испытуемый должен конструировать, развивать и дополнять. Стимулы проективных методик приобретают смысл не только в силу их объективного содержания, сколько связи личностным значением, а также с особенностями мыслительных процессов, в том числе и творческих. Для проективных методик характерно отсутствие ответов – реакций как «правильных или неправильных», нет ограничений в выборе ответов (Бурлачук, 1999).

Учитывая географию, национальные и традиционные особенности жителей региона Республики Саха стимульный материал, должен был соответствовать следующим требованиям:

- вызывал эмоциональные реакции и интерес;
- был связан с представлением людей о творчестве;
- выполнение задания предполагает творческие проявления: сопоставление силы выражения эмоциональных проявлений при воздействии цвето-музыкальных стимулов.

На основе вышеуказанных требований мы избрали в качестве стимульных материалов изображения цветковых растений, произрастающих на территории Республики Саха (Якутия), и музыкальный материал. Этот выбор также обусловлен тем, что творчество для якутов очень тесно связано с природой, ее проявлениями и разнообразием. Поэтому изображения цветковых растений ассоциируются с творчеством, его проявлениями, творческими способностями и творческой способностью. Предъявление такого стимульного материала предполагает проявления творческой способности.

Помимо цветковых стимулов, в диагностике творческой способности используется и звуковой стимул. По мнению В. И. Петрушина, исследователя в области музыкальной психологии, определенные музыкальные композиции вызывают у человека определенные эмоции и чувства на основе их партитурных характеристик. Поэтому были отобраны композиции с разнообразными партитурными характеристиками, отличные друг от друга по темпу, окраске и т. п. В качестве звуковых стимулов были выбраны два отрывка из композиций: А. Вивальди «Весна, Времена года» и С. Рахманинов «Фантазия» (Петрушин, 1994).

Полученные результаты были сопоставлены с другими адаптированными, валидными и надежными методиками исследования творческих способностей (Тест Торренса, Тест Вильямса, Опросник Джонсона и экспертные оценки).

Обследование проводилось в период 2004–2006 гг. среди студентов г. Якутска Республики Саха (Якутия) в образовательных учреждениях: Якутский музыкальный колледж, Якутский художественный колледж, Якутский государственный университет, Якутская сельскохозяйственная академия и Саха государственная педагогическая академия. Количество респондентов – 268 человек в возрасте от 17 до 24 лет (97 мужчин, 171 женщина).

Процедура проведения психодиагностики

- 1 На первом этапе испытуемому предлагается ознакомиться с каждым цветком и попытаться осознать чувства и эмоции, вызываемые каждым цветком.

- 2 После чего предлагается прослушать звуковой стимул. При этом необходимо запомнить эмоции и чувства, которые вызывает данная музыкальная композиция.
- 3 Затем испытуемый должен сопоставить чувства, вызываемыми цветами и музыкой. Необходимо проранжировать цветы по силе выражения (совпадения) эмоций и чувств прослушанной музыки: на первом месте должен стоять тот цветок, который больше всего выражает эмоции музыки, а на последнем соответственно должен стоять тот цветок, который наименее всего выражает эмоции и чувства композиции.
- 4 На втором этапе предъявляется второй звуковой стимул, который также соотносится с эмоциональными проявлениями, которые вызывают цветочные стимулы.

Для доказательства валидности разработанной методики были использованы опробованные и широко применяющиеся психодиагностические методики, исследующие личностные компоненты творческой личности: Опросник Джонсона; Методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса; Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (шкала лживости) Д. Марлоу и Д. Крауна; Тест «Самооценка»; Тест «Уровень притязаний» Мехрабиана; Опросник Айзенка; Опросник творческих характеристик личности Вильямса; «Несуществующее животное»; Тест Торренса (образная батарея).

Полученные данные вводились в специально разработанную для данного исследования программу регистрации ответов «Мегабланк».

В итоге исследования нами были получены следующие типы данных: L данные – экспертные оценки, Q данные – результаты опросных методов и T данные – результаты теста Торренса и «Несуществующее животное». Исходя из этого, мы можем утверждать о полном психодиагностическом оценивании творческой личности.

Для получения «сырых» баллов подсчитан коэффициент ранговой корреляции между первым и вторым выборами по разработанной методике.

Корреляционный анализ по Пирсону показал, что существует значимая положительная взаимосвязь между полученными результатами в первой и второй диагностики ($p = 0,780$). Это говорит о достаточно высокой эквивалентной надежности разработанной методики. Результаты корреляционного анализа описаны в таблице 4.

Для определения конструктивной валидности мы сопоставили данные с методикой, в которой известно конструктивное содержание – с тестом Е. П. Торренса (образная батарея). Значение корреляции равно $p = 0,566$.

Текущая валидность обосновывалась экспертными оценками (оценка проводилась кураторами, педагогами, организаторами) с помощью опросника Джонсона. Корреляционный анализ показал существующую достоверную значимость между показателями разработанной методики и экспертными оценками.

Содержательная валидность. Исследование творческой личности проводилось у лиц с более выраженной художественной творческой личностью: студенты средних и высших учебных заведений министерства культуры и духовного развития. Стимульный материал знаком для студентов, так как используется в учебной и художественно-творческой деятельности. Процедура прослушивания композиций и последующий анализ вызываемых ими эмоций и чувств является обязательной для студентов, так

как для повышения художественной культуры и творческого «чутья» необходимы навыки осмысливания, переживания художественного замысла воспринимаемого плода творчества. Чем чувствительнее человек воспринимает стимулы, тем уровень творческой должен быть выше. Оценку содержательной валидности проводили с помощью специалистов в области искусства, которые подтвердили адекватность выбора цветомузыкальных стимулов и принципы их ранжирования (выбора предпочтения).

Достоверность. Для сохранения достоверности результатов респондентам не сообщается о принципах обработки результатов. С этой целью разработана специальная компьютерная программа, которая позволяет не раскрывать принципы анализа полученных данных. В методике существуют показатели, превышение которых свидетельствует о фальсификации.

Для сравнительного анализа мы использовали компьютерную программу SPSS 12.00, непараметрические методы сравнения: метод сравнения двух независимых выборок, а также методы сравнения n независимых групп.

Для доказательства адекватности выделения уровней творческой в методике «Природная творческая» был проведен сравнительный анализ полученных результатов (Тест Торренса, Тест Вильямса, экспертные оценки, «несуществующее животное») по выделенным уровням. Получены достоверные различия по уровням творческой при использовании следующих методик: экспертные оценки, тест Е. П. Торренса, «Несуществующее животное», Тест Вильямса и Т. Элерса (мотивация к избеганию неудач). Полученные результаты показывают адекватность выделения уровней творческой.

На основе всей статистической работы мы выделили следующие уровни творческой по данным методики «Природная творческая»: низкий, средний, высокий и очень высокий, которые представлены в таблице перевода сырых баллов в стандартные.

Сырой балл	$\geq 0,90$	0,72– 0,90	0,55– 0,71	0,37– 0,54	0,20– 0,36	0,02– 0,19	-0,16– 0,01	-0,32– -0,17	-0,51– -0,33	-0,69– -0,52	\leq -0,70
Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Уровни творческой	X	Низкий		Средний				Высокий	Очень высокий		X

При разработке интерпретации к методике, помимо требований к процедуре построения интерпретационных принципов методик, мы учитывали тот, факт, что в любом творческом процессе или для любого творческого человека очень важно мнение окружающих, и поэтому, позитивное мотивирование в интерпретационных текстах обязательно должно присутствовать.

Психолого-педагогическая интерпретация полученных результатов по методике психодиагностики уровня творческой с использованием цветомузыкальных стимулов:

1 Низкий уровень

Лицам с низким уровнем творческой присуще неадекватно высокая самооценка и неадекватно низкий уровень притязаний. Они часто выбирают простые задачи и цели, не требующие творческого напряжения и усилия. А задачи, требующие высокого уровня творческой, их пугают. Поэтому творческие задачи (цели) для них должны начинаться с самых простых, заканчивая постепенным переходом

дом к посильным задачам (ограниченные временем и средствами). Помимо этого, у людей с низким уровнем творческой мотивации к деятельности неустойчива, поэтому с краткосрочными задачами они справляются более быстро и успешно.

2 Средний уровень

Люди со средним уровнем творческой активности, справляются со средними творческими задачами, но для успешного результата необходим сильный мотивационный фактор (чаще материальное поощрение, реже общественное признание, благодарность, творческий интерес, профессиональная необходимость и т. д.). Стандартные творческие задачи для такого уровня: поздравительная речь, праздничное стихотворение, организация корпоративного отдыха, оформление стенгазет и т. д.

Люди со средним уровнем творческой активности не характеризуются высокой мотивацией к творческой деятельности, поэтому роль основного организатора им не очень подходит.

3 Высокий уровень

Люди с высоким уровнем творческой активности имеют сильную, но не стабильную мотивацию к успешной творческой деятельности. Стремятся к позитивным результатам. Могут без особого напряжения и с высокой мотивацией написать стихотворение, музыку, картину, танец и любые другие художественно-творческие задачи. Но достаточно часто люди с таким уровнем творческой активности имеют не очень стабильную мотивацию. Периоды спадов и подъемов творческой активности характеризуются понижением мотивации не только к творческой деятельности, но и ко всякой другой (профессиональной, бытовой, сексуальной и т. д.). Период интенсивной творческой активности заканчивается истощением организма и психической энергии, поэтому они достаточно часто испытывают проблемы со здоровьем, но при этом могут «сотворить» продукт любого уровня.

4 Очень высокий уровень

Люди с очень высоким уровнем творческой активности обладают сильными волевыми качествами, сильной мотивацией, неадекватно высоким уровнем притязаний. Им можно доверять творческие задачи самого сложного уровня. Такие люди не принимают и не признают контроль творческой работы, стремятся к максимальному самовыражению во всем. Любая «атака на плод их творчества» воспринимается очень остро.

5 X – фальсификация результатов

В данном случае человек либо стремится приукрасить свои способности, либо не понял задания. В данном случае определить уровень творческой активности невозможно. Требуется повторная диагностика.

Литература

- Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Пер. с англ. М., 1974.
 Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 1999.
 Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1998.
 Лук А. Н. Психология творчества. М., 1978.

- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 18-е изд., стереотип. М., 1986.
- Петрушин В. И. Музыкальная психология. М., 1994.
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
- Проективная психология / Под ред. А. М. Цыпандиной. Пер. с англ. М., 2000.
- Психологический словарь / Авт.-сост. В. Н. Копорулина, М. Н. Смирнова, Н. О. Гордеева, Л. М. Балабанова / Под общ. ред. Ю. Л. Неймера. Ростов-на-Дону, 2003.
- Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996.
- Юнг К. Г., Нойман Э. Психоанализ и искусство. М., 1998.
- Ярошевский М. Г., Симонов П. В., Выготский Л. С., Хренов Н. А., Кузичева А. П., Блок В. Б., Левшина И. С., Зорин Л. Г., Гончаров А. А., Клейман Н. И. Искусствознание и психология художественного творчества. М., 1988.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА МУЗЫКАЛЬНОГО СЛУХА

Р. Ф. Сулейманов

Институт экономики, управления и права (Казань)

souleimanov@ieml.ru

В предлагаемой работе рассматривается разработанная автором психологическая диагностика музыкального слуха на основе принципа нормативности в психодиагностике.

Ключевые слова: музыкальный слух и его виды, психологическая диагностика, музыкальные слуховые представления.

Широкое распространение в практике диагностики музыкальных способностей получило положение о решающей роли музыкального слуха, чувства ритма, а также музыкальной памяти для успехов в музыкальной деятельности. Существенный вклад в понимание сущности музыкальных способностей внес Б. М. Теплов в книге «Психология музыкальных способностей» (1947). Современные представления о музыкальных способностях представлены в работах Ю. А. Цагарелли (1989), А. А. Бочкарева (1997) и др.

При разработке методов диагностики музыкальных способностей и качеств мы опирались на принцип нормативности в психодиагностике.

В последнее время разработкой нормативности психического и личностного развития активно занимается коллектив под руководством К. М. Гуревича. В качестве критерия ими используется так называемый «социально-психологический норматив» (СПН). СПН определяется как система требований, которые общество предъявляет к психическому и личностному развитию каждого из его членов. Чтобы не быть отторгнутым от существующей вне его общности, человек должен овладеть теми требованиями, которые к нему предъявляются, причем этот процесс является активным – каждый стремится занять определенное место в социуме и сознательно осуществляет этот процесс (1995).

Следует отметить, что о нормативности умственного развития писал Л. С. Выготский, который отмечал: «...для динамики умственного развития в школе и для продвижения ребенка в школьном обучении определяющей является не столько сама по себе величина IQ, т. е. уровень развития на сегодняшний день, сколько отношение уровня подготовки и развития ребенка к уровню требований, которые предъяв-

ляются школой. Эту последнюю величину – уровень требований, предъявляемых школой, предложили в педологии называть сейчас идеальным умственным возрастом» (1990, с. 404).

Таким образом, разработка принципов нормативности психодиагностики предусматривает:

- 1) отказ от статистической нормы и введение содержательных критериев оценки результатов тестирования. В тестах используется не балл, который получает испытуемый и который характеризует его место в выборке, а конкретная область содержания. Главная задача теста – установить, что индивид умеет делать, а не его место в выборке;
- 2) включение в тест совершенно определенного содержания, например разделов учебных дисциплин или их циклов, что требует специальной теоретической проработки проблемы единства содержания и форм мышления;
- 3) проведение коррекционной работы по результатам тестирования;
- 4) усовершенствование имеющихся и создание новых тестов обучаемости, основанных на идее «зоны ближайшего развития»;
- 5) создание компьютерных вариантов методик, позволяющих проследить процессуальную сторону выполнения тестовых заданий, скрытую от психолога при обычном тестировании, и помогающих выявлять индивидуальные особенности мышления;
- 6) усовершенствование способов качественной оценки тестовых результатов, соблюдение их приоритета над количественными (Борисова, 1997).

Социально-психологический норматив мы рассматриваем, применительно к деятельности музыканта-исполнителя, как систему требований, предъявляемых деятельностью музыканта-исполнителя к развитию музыкальных способностей и качеств, как начинающего музыканта, так и профессионала.

Социально-психологический норматив реализуется в совокупности заданий, составляющих тест. Сам тест в полном его объеме и является таким нормативом. В качестве критерия оценки выступает показатель, отражающий степень близости результатов к нормативу. В частности, для групповых количественных данных сотрудниками К. М. Гуревича была разработана следующая схема.

Для анализа данных относительно их близости к социально-психологическому нормативу, условно рассматриваемому как 100%-ное выполнение всего теста, все испытуемые подразделяются по результатам тестирования на 5 подгрупп:

- 1) наиболее успешные – 10%;
- 2) близкие к успешным – 20%;
- 3) средние по успешности – 40%;
- 4) малоуспешные – 20%;
- 5) наименее успешные – 10%.

Для каждой из подгрупп подсчитывается средний процент правильно выполненных заданий. Строится система координат, где по оси абсцисс идет норма подгрупп, по оси ординат – процент выполненных каждой из подгрупп заданий. После нанесения соответствующих точек вычерчивается график, отражающий приближение каждой из подгрупп к социально-психологическому нормативу. Такая обработка проводится по результатам как теста в целом, так и каждого субтеста в отдельности (Психологическая диагностика..., 1995).

Хорошо развитый музыкальный слух как способность является важной составляющей как профессионала-музыканта, так и рядового слушателя. Музыканту-исполнителю музыкальный слух помогает в исполнительской деятельности, рядовому слушателю – лучше понимать музыку и, в частности, классические произведения. Полноценное восприятие музыки не может состояться без хорошо развитого музыкального слуха.

Правильное понимание структуры музыкального слуха позволяет определить и адекватные методы его диагностики и развития.

Психологическая диагностика музыкального слуха строится на принципе сравнения между собой отдельно ритмических и мелодических рисунков, штриховых и динамических особенностей, интервалов и аккордов. При этом используется сходный музыкальный материал и для диагностики и для развития музыкального слуха (Сулейманов, 2003).

Хорошо развитый музыкальный слух обуславливает успешность в чтении с листа, подборе по слуху, что является основой для различных форм музыкально-исполнительской деятельности, таких как аккомпанирование, импровизация, сольное исполнительство, игра в оркестре, а также восприятие музыки.

Диагностике подлежали следующие способности. Это музыкально-ритмическая способность – способность воспринимать ритмический рисунок, метрические пульсации и темповые соотношения, т. е. временные характеристики музыкальной информации. Это мелодический слух как способность к восприятию одноголосной ладоокрашенной мелодии (включает в себя и ладовый слух). Это гармонический слух – способность к восприятию созвучий и гармонических последовательностей. Динамический музыкальный слух – способность воспринимать динамические изменения силы звука в музыке. И наконец, способность воспринимать штрихи.

Для диагностики способности к различным компонентам музыки, нотного текста используются тестовые задания. Всего 20 заданий. Располагаются они в порядке от простого к сложному. Например, ритмический рисунок в каждом задании представлен в трех вариантах (а, б, в) (см. пример 1).

Пример 1

Диагностирование можно проводить как индивидуально, так и с группой. Для этого применяются специальные бланки. Задания для слухового восприятия предъявляются учащимся в аудиозаписи.

Учащемуся дается инструкция следующего содержания: «Перед вами находится бланк для ответов. Заполните анкетные данные (фамилия, имя, год рождения, инструмент, на котором вы обучаетесь, класс, число, месяц и год проведения диагностики). Вам будут предъявляться для зрительного восприятия задания с изображением ритмических рисунков. В каждом задании (всего 20 заданий) из-

ображено 3 ритмических рисунка под буквами **а, б, в**. После того, как один из трех ритмических рисунков будет озвучен, вам необходимо, сличив его с изображенным в задании, выделить один из трех и обозначить соответствующей буквой, например: **1а**. При предъявлении задания **2**, ответ записывайте на бланке рядом с цифрой **2** и т. д. Если затрудняетесь с ответом, ставьте прочерк и переходите к выполнению следующего задания. Будьте внимательны. Начали!»

Подсчитывается правильно выполненные задания. Качество способности к восприятию ритмического рисунка отражается в баллах. Если учащийся правильно выполнил 15 заданий, он получает 15 баллов.

Аналогично диагностируется способность к восприятию мелодии, штриховых и динамических особенностей, а также способность к восприятию интервалов и аккордов.

Максимальное количество баллов, которое можно получить по 6 тестам, связанным с диагностикой способности к восприятию ритмических и мелодических рисунков, интервалов, аккордов, штриховых и динамических особенностей, равно 100. Анализ диагностических данных показал, что, если ученик набирает в сумме по 5 тестам 85 баллов и выше, это говорит об относительно высоком уровне развития музыкального слуха. Результат в 30 баллов и ниже по 5 тестам является показателем низкого уровня развития. В качестве примера на рисунке показаны результаты развития музыкального слуха у учащихся 2 курса музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова г. Санкт-Петербурга (группа теоретиков и группа народников).

Результаты показывают, что в целом группа теоретиков превосходит группу народников по развитию компонентов музыкального слуха. В то же время последние имеют преимущество в способности к восприятию штриховых и динамических особенностей, что связано с их исполнительской деятельностью.

Кроме этого, видно, насколько гармонично развиты разные виды музыкального слуха и на что необходимо обратить внимание в дальнейшей работе. Результаты показывают, что у теоретиков компоненты музыкального слуха развиты более гармонично.

Весь процесс развития музыкального слуха целесообразно делить на 3 этапа: диагностический, тренировочно-развивающий и контрольный.

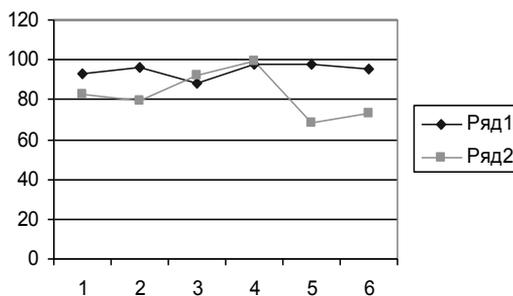

Рис. 1. Показатели развития музыкального слуха у учащихся музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова

Примечание: 1 ряд – теоретики, 2 ряд – народники. По вертикали – баллы; по горизонтали: 1 – способность к восприятию ритмических рисунков; 2 – способность к восприятию мелодических рисунков; 3 – способность к восприятию штриховых особенностей; 4 – способность к восприятию динамических особенностей; 5 – способность к восприятию интервалов; 6 – способность к восприятию аккордов.

На **первом этапе** у учащихся определяется уровень развития музыкального слуха. По результатам диагностики строится стартовый профиль учащегося, с которым преподаватель его знакомит. Затем составляется план обучения (развития).

Данные диагностики необходимы преподавателю для корректировки процесса развития музыкального слуха с учетом психологических особенностей обучающихся.

На **втором, тренировочно-развивающем, этапе** проводится развитие музыкального слуха. Оно ведется с учетом полученной информации о способностях учащегося. Если, например, обучение ведется с учеником 3–4 класса, оно необязательно должно начинаться с начальных серий. Обучение может вестись по свернутой программе, сокращая начальные этапы. При этом используется нотный материал, аналогичный диагностическому.

Третий этап – контрольный. Контрольные замеры должны проводиться в течение всего периода обучения учащегося, например в конце каждого учебного года или по полугодиям.

По каждой способности в отдельности и качеству развития музыкального слуха определяется обучаемость учащегося. Уровни обучаемости измеряются отношением прироста соответствующего показателя к временным затратам на обучение. На этом этапе можно увидеть эффективность развития музыкального слуха в целом и в отдельности по видам.

Как показывает практика, диагностика музыкального слуха позволяет более эффективно строить процесс обучения с учетом индивидуальных особенностей учащихся и студентов музыкальных заведений.

Литература

- Борисова Е. М.* Современные тенденции развития психодиагностики // Прикладная психодиагностика. М. 1997. С. 64–71.
- Бочкарев Л. Л.* Психология музыкальной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
- Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М., 1990.
- Психологическая диагностика детей и подростков. М., 1995.
- Сулейманов Р. Ф.* Психологическая диагностика и развитие музыкального слуха: Учеб. пособие. Казань: Изд-во «Таглитмат» Института экономики, управления и права, 2003.
- Теплов Б. М.* Психология музыкальных способностей. М., 1947.
- Цагарелли Ю. А.* Психология музыкально-исполнительской деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1989.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ

Р. Г. Халитов, И. Р. Абитов

Государственное учреждение Российской академии образования
Институт педагогики и психологии профессионального образования (Казань)
virash1@yandex.ru

В тезисах описывается исследование психосоциального диссонанса и совладающего поведения будущих медицинских психологов. Выявляются особенности совладающего поведения

и психосоциального диссонанса в связи с общим трудовым стажем и подверженностью профессиональному стрессу.

Ключевые слова: психосоциальный диссонанс, совладающее поведение, копинг-стратегии, психологическая защита, антиципационная состоятельность.

Для жизнедеятельности людей в социальной среде взаимодействие играет решающую роль, особенно в профессиях системы «человек–человек». Рассогласование (диссонанс) представлений, интересов, мотивов, целей является стрессогенным фактором и движущей силой развития. Психосоциальный диссонанс – несоответствие представлений субъектов групповым нормам, создает психическое напряжение, стресс, которые могут привести к дезадаптации, но, с другой стороны, именно это напряжение ведет к развитию, созиданию нового (Халитов, 2007; Халитов, Юсупов, 2008; Васина, Халитов, 2009). При возникновении стрессовых ситуаций человек использует механизмы психики, позволяющие предвидеть развитие ситуации, совладать с ней или снизить напряжение, возникшее вследствие воздействия стресса. К таким механизмам относят: антиципацию, копинг-механизмы и психологические защиты.

Одним из наиболее напряженных видов профессиональной деятельности является деятельность психолога в медицинском учреждении. Причины: большое количество контактов, работа с людьми, имеющими нарушения психики, высокая ответственность. Исходя из этого, исследование психосоциального диссонанса и механизмов совладания со стрессом у будущих медицинских психологов представляется нам актуальным.

Статистическое большинство представлений субъектов социальных групп определяет нормы взаимодействия в социуме и создает психическую напряженность для тех, кто не соответствует этим нормам. Можно выделить два вида напряженности: напряженность, которая позволяет создавать новое, развиваться субъектам взаимодействия: как социальным группам, так и личностям, и напряженность, которая ведет к «уничтожению» субъектов взаимодействия как «ненормальных» и приводит к психической дезадаптации (высокая конфликтность, ухудшение социально-психологического климата, проявление невротических и психосоматических симптомов у членов социальной группы и т. д.). Для исследования закономерностей необходимо провести измерения для большого количества исследуемых и сделать статистический анализ, что приводит к необходимости исследования межгрупповых отношений. С этой целью используем понятие «психосоциальный диссонанс», для которого разработан математический аппарат его определения в случае межгруппового взаимодействия (Халитов, 2007). Бинарное сравнение приводит к выделению двух социальных групп: группа 1 (эталонная) – это нормативные значения (например, для популяции); группа 2 (сравниваемая). Мы используем обозначения: P_d – показатель межгруппового интегрального психосоциального диссонанса, который показывает вероятность несоответствия представлений между группами, или какое количество (%) субъектов сравниваемой группы имеют представления вне нормы эталонной группы, при этом P_{d+} – значения представлений сравниваемой группы больше значений эталонной группы (правее на оси значений исследуемой характеристики), P_{d-} – значения представлений сравниваемой группы меньше значений эталонной группы (левее на оси значений исследуемой характеристики). Выделим три уровня выраженности диссонанса: если $P < 0,32$, то диссонанса нет; если $0,32 < P < 0,5$, т. е. тенденция к диссонансу; если $P > 0,5$, то существует психосоциальный диссонанс.

Проведено исследование в группе курсантов Казанского государственного медицинского университета первого года обучения, проходящих переподготовку по специальности «Медицинская психология», состоящей из 51 респондента женского пола. При проведении исследования использовались следующие методики: 1) методика «Психосемантическая диагностика скрытой мотивации» И. Л. Соломина; 2) методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика; 3) методика «Опросник способов совладания» (Р. Лазарус, адаптация Т. Л. Крюковой); 4) методика «Копинг-механизмы» Э. Хайма; 5) тест антиципационной состоятельности (В. Д. Менделевич) (таблица 1). Было проведено три блока исследований психосоциального диссонанса для трех пар групп.

Таблица 1
Список исследуемых параметров

№	Исследуемые параметры	№	Исследуемые параметры
1	Возраст	14	поиск социальной поддержки
2	Стаж	15	принятие ответственности
	<i>Методика «Индекс жизненного стиля»</i>	16	бегство–избегание
3	отрицание	17	планирование решения проблемы
4	вытеснение	18	положительная переоценка
5	регрессия		<i>Тест антиципационной состоятельности</i>
6	компенсация	19	личностно-ситуативная составляющая антиципационной состоятельности
7	проекция	20	пространственная составляющая антиципационной состоятельности
8	замещение	21	временная составляющая антиципационной состоятельности
9	интеллектуализация	22	общая антиципационная состоятельность
10	реактивные образования		<i>Методика «Копинг-механизмы»</i>
	<i>Методика «Опросник способов совладания»</i>	23	неадаптивные копинг-стратегии
11	конфронтативный копинг	24	относительно адаптивные копинг-стратегии
12	дистанцирование	25	адаптивные копинг-стратегии
13	самоконтроль		

1. В первом блоке нормами эталонной группы послужили популяционные нормы, полученные в процессе адаптации методик на российской выборке. В исследуемой выборке тенденция к положительному психосоциальному диссонансу с популяционными нормами наблюдается по показателям копинг-стратегий поиск социальной поддержки ($P_{d+} = 0,34$) и положительная переоценка ($P_{d+} = 0,46$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что в исследуемой выборке данные копинг-стратегии используются с большей вероятностью, чем в среднем в популяции (в обществе в целом). Испытуемые исследуемой выборки чаще прикладывают усилия в поиске эмоциональной поддержки, действенной помощи или информации, а также чаще прикладывают усилия по созданию положительного значения трудной ситуации. Тенденция к отрицательному психосоциальному диссонансу наблюдается по показателю копинг-стратегии конфронтативный копинг ($P_{d-} = 0,37$) и показателям механизмов психологической защиты вытеснение ($P_{d-} = 0,46$), регрессия ($P_{d-} = 0,36$)

и проекция ($P_{d-} = 0,35$). Отрицательный психосоциальный диссонанс наблюдается по показателям механизма психологической защиты замещение ($P_{d-} = 0,78$) и копинг-стратегии принятие ответственности ($P_{d-} = 0,53$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что в исследуемой выборке данные копинг-стратегии и защиты используются достоверно реже, чем в среднем в популяции (в обществе в целом). Испытуемые исследуемой выборки реже прибегают к вытеснению из сознания тревожащей информации, возвращению к более ранним формам поведения, переносу неприемлемых чувств и мотивов на окружающих и неосознаваемому смещению эмоций на более доступный объект. Также испытуемыми исследуемой группы с меньшей вероятностью используются агрессивные усилия по изменению ситуации и признание своей роли в возникновении проблемы. В исследуемой выборке реже встречаются лица с агрессивной, психопатической, параноидальной и пассивной личностными диспозициями: лица с выраженной раздражительностью, импульсивностью, потребностью во внешней стимуляции, подозрительностью, критичностью, инертностью, зависимостью от окружающих. Более частое использование поиска социальной поддержки и положительной переоценки ситуации может быть связано со спецификой будущей профессиональной деятельности испытуемых и с их индивидуально-психологическими особенностями. При совладании со стрессом испытуемые чаще используют копинг-стратегии и реже прибегают к использованию примитивных защитных механизмов. Полученные результаты говорят о более адаптивном характере совладающего поведения испытуемых исследуемой выборке.

2. На следующем этапе анализа полученных результатов для установления диссонанса общая выборка была разделена по критерию общего стажа трудовой деятельности: 1) общий трудовой стаж испытуемых менее 10 лет (28 испытуемых) – эталонная группа; 2) общий трудовой стаж испытуемых более 10 лет (22 испытуемых) – сравниваемая группа.

В группе испытуемых с общим трудовым стажем более 10 лет наблюдается тенденция к положительному психосоциальному диссонансу по показателям копинг-стратегии положительная переоценка ($P_{d+} = 0,37$), пространственной составляющей антиципационной состоятельности ($P_{d+} = 0,45$) и общей антиципационной состоятельности ($P_{d+} = 0,34$). Полученные данные свидетельствуют о том, что в группе испытуемых с общим трудовым стажем более 10 лет чаще используется копинг-стратегия положительная переоценка и более развиты пространственная составляющая и общая антиципационная состоятельность. В группе испытуемых с общим трудовым стажем более 10 лет чаще используется придание ситуации положительного значения, а также лучше развиты способность точно координировать свои движения и способность предвосхищать возникновение стрессовых ситуаций и способы их разрешения. Тенденция к отрицательному психосоциальному диссонансу наблюдается по показателям механизмов психологической защиты регрессия ($P_{d-} = 0,33$), проекция ($P_{d-} = 0,32$) и замещение ($P_{d-} = 0,34$). В группе испытуемых с общим трудовым стажем более 10 лет для снижения тревоги реже используют возврат к более ранним формам поведения, перенос своих неприемлемых или неприятных чувств, мотивов, желаний и качеств на окружающих и смещение труднопереносимых переживаний на более доступный объект. В данной группе реже встречаются лица с психопатической, параноидальной и агрессивной личностными диспозициями: лица с выраженной импульсивностью, потребностью во внешней стимуляции, повышенной критичностью и раздражительностью.

При совладании со стрессом испытуемые данной группы опираются на положительную переоценку ситуации и прогнозирование возможных трудностей. Испытуемые, общий трудовой стаж которых менее 10 лет, в совладании со стрессом опираются на примитивные механизмы психологической защиты (регрессия, проекция, замещение). Совладающее поведение в группе испытуемых с общим трудовым стажем более 10 лет характеризуется большей представленностью механизмов антиципации и копинга.

3. Для выявления подверженности профессиональному стрессу была использована методика «Психосемантическая диагностика скрытой мотивации» И.Л. Соломина. На основе анализа результатов, полученных по данной методике выборка была разделена на 2 группы: 1) группа, в которой понятия связанные с профессиональной деятельностью, такие как «моя работа», «моя профессия», «моя карьера», «мой начальник», «мои сотрудники», «медицина» и «зарботок», не ассоциируются с источниками стресса («неприятности», «конфликт», «угроза», «страх», «тревога», «раздражение», «неудача») – в дальнейшем будем именовать эту группу менее подверженной профессиональному стрессу (27 испытуемых) – эталонная группа; 2) группа, в которой понятия, связанные с профессиональной деятельностью ассоциируются с источниками стресса, – в дальнейшем группа, более подверженная профессиональному стрессу (24 испытуемых) – сравниваемая группа.

В группе испытуемых, более подверженных влиянию профессионального стресса, наблюдается тенденция к положительному психосоциальному диссонансу по показателю неадаптивных копинг-стратегий ($P_{d+} = 0,49$). Полученные данные свидетельствуют о том, что испытуемые данной группы чаще прибегают при совладании со стрессом к неадаптивным копинг-стратегиям. Тенденция к отрицательному психосоциальному диссонансу наблюдается по показателю адаптивных копинг-стратегий ($P_{d-} = 0,43$). Отрицательный психосоциальный диссонанс наблюдается по показателю механизма психологической защиты регрессия ($P_{d-} = 0,62$). В группе испытуемых, более подверженных влиянию профессионального стресса, реже используются адаптивные копинг-стратегии и достоверно реже прибегают к возврату к более ранним формам поведения. В данной группе достоверно реже встречаются лица с психопатической личностной диспозицией: с выраженной импульсивностью и потребностью во внешней стимуляции. В группе испытуемых, менее подверженных влиянию профессионального стресса, совладающее поведение характеризуется преобладанием адаптивных копинг-стратегий и механизма психологической защиты регрессия.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

- 1) Тенденции к диссонансу: испытуемые исследуемой выборки реже в сравнении с популяционными нормами прибегают к вытеснению из сознания тревожащей информации, возвращению к более ранним формам поведения и неосознаваемому смещению эмоций на более доступный объект. Отрицательный психосоциальный диссонанс наблюдается по показателям механизма психологической защиты замещение ($P_{d-} = 0,78$) и копинг-стратегии принятие ответственности ($P_{d-} = 0,53$).
- 2) Тенденции к диссонансу: в группе испытуемых с общим трудовым стажем более 10 лет чаще используется придание ситуации положительного значения, а также лучше развиты способность точно координировать свои движения и способность предвосхищать возникновение стрессовых ситуаций и способы их разрешения,

реже используются возврат к более ранним формам поведения, перенос своих неприемлемых или неприятных чувств, мотивов, желаний и качеств на окружающих и смещение труднопереносимых переживаний на более доступный объект.

- 3) Тенденции к диссонансу: в группе испытуемых, более подверженных влиянию профессионального стресса, реже используются адаптивные копинг-стратегии. Испытуемые данной группы чаще прибегают при совладании со стрессом к неадаптивным копинг-стратегиям. Отрицательный психосоциальный диссонанс наблюдается по показателю механизма психологической защиты регрессия ($P_{d-} = 0,62$).

Литература

- Абитов И. Р. Антиципационная состоятельность в структуре совладающего поведения (в норме и при психосоматических и невротических расстройствах): Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2007.
- Васина В. В., Халитов Р. Г. Нелинейная модель психосоциального диссонанса – как характеристика взаимодействия личности, социальных групп, общества // Городское здравоохранение. 2009. № 2. С. 23–25.
- Халитов Р. Г. Нелинейная модель диссонанса в больших социальных группах // Казанский педагогический журнал. 2007. № 2 (50). С. 98–101.
- Халитов Р. Г., Юсупов И. М. Нелинейная модель психосоциального диссонанса // Вестник ЛГУ. 2008. № 3. С. 140–148.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС: ПОНЯТИЕ И МОДЕЛЬ

*Р. Г. Халитов**, *И. М. Юсупов***

* Государственное учреждение российской академии образования
Институт педагогики и психологии профессионального образования (Казань)

** Институт экономики, управления и права (Казань)
virash1@yandex.ru

В тезисах описываются понятие «психосоциальный диссонанс», математическая модель и метод психосоциального диссонанса, роль психосоциального диссонанса в развитии субъектов взаимодействия (личности и социальной группы), в методологии, в психологических исследованиях.

Ключевые слова: психосоциальный диссонанс, математическая модель, представления, нормы.

Изменения в окружающем социальном мире сегодня происходят быстрее изменений в представлениях человека о нем. Возникают несоответствия индивидуальных представлений устоявшимся групповым нормам. Как следствие, это приводит к психическому конфликту, дискомфорту, психосоматическим нарушениям, девиациям или же, напротив, существующее несоответствие стимулирует личность к выходу через кризис на новый виток своего развития. Аналогичные процессы происходят для любых субъектов социального взаимодействия: личностей, социальных групп и сообществ. Несоответствие представлений разных социальных

групп между собой и обществом вызывает психосоциальную напряженность в обществе в целом. С. Московичи ввел понятие социальные представления, которое продуктивно служит в социальной психологии (Емельянова, 2001). Социальные представления задают диспозиции интерпретаций и ожиданий воспринимаемых индивидом ситуаций взаимодействия. Существующие социальные нормы (нормы большинства) задаются представлениями большинства социального окружения, социальной группы. Нормы задают границы представлений, в которых человек чувствует себя комфортно в данной социальной среде. Мы рассматриваем норму как среднестатистический показатель и как результат общественного согласия (социальные нормы), отклонение от которых рассматривается как девиантное поведение (социально ненормативное). Все вышесказанное можно обобщить, если субъектами взаимодействия выступают социальные группы. Есть некоторая аналогия с когнитивным диссонансом, которая определяется как несоответствие когнитивных у человека (Festinger, 1957). В.П. Трусов, проведя критический анализ теории когнитивного диссонанса, указал только на одну детерминанту условий возникновения когнитивного диссонанса: на недостаточное оправдание своего поведения. Измерения и знание социальных установок не позволяют предсказывать поведение, во многом из-за недооценки «социальных сил» любой ситуации и переоценки контролирующего влияния внутренних, личностных ресурсов индивида. Под социальными силами понимаются различного рода групповые давления к единодушию, стремление быть привлекательным, быть принятым в группе, влияние последствий поступка и т. п. Все эти силы действуют только в реальной ситуации, сильно изменяя поведение, что подтверждают многочисленные эксперименты (Трусов, 1980).

Любые требования социальных групп связаны с социальным сравнением, с оценкой, с соблюдением нормативной деятельности, с нормами в социальных группах. При совпадении нормативных характеристик личности и групп происходит идентификация по этой характеристике, в противном случае при несовпадении представлений о нормах (формальных и неформальных – статистических) возникает диссонанс представлений. Нами введено понятие *психосоциальный диссонанс представлений субъекта взаимодействия (личности или социальной группы)*, под которым понимается несоответствие значений индивидуальных (или групповых) представлений нормам социальной эталонной группы (общества), приводящие к психическому конфликту, дискомфорту, напряженности, которые могут привести к психосоматическим нарушениям, девиациям личности (или группы) либо к развитию личности (или социальной группы). В качестве субъекта взаимодействия и эталона могут выступать личность или социальная группа.

Цель исследования: создать математическую модель психосоциального диссонанса, которая позволила бы вычислять его без трудоемких статистических процедур. В качестве меры психосоциального диссонанса выступают коэффициенты психосоциального диссонанса, представленные аналитическими моделями по средним значениям и стандартным отклонениям исследуемой психологической конструкции. В случае межгруппового диссонанса мерой психосоциального диссонанса является интегральная характеристика с параметрами средних значений и стандартных отклонений значений рассматриваемых характеристик социальных групп (Халитов, 2007; Халитов, Юсупов, 2008; Халитов, Васина, 2009).

Предлагаемая вероятностная модель опирается на концепцию вероятностного описания психических явлений (Налимов, 1981). Она описывает представления

субъектов взаимодействия как распределение вероятности (частоты) их проявления. На рисунке 1: ось X_i – значения представления X_i в социальной группе, ось $P(X_i)$ – значения вероятности представления X_i в социальной группе. Множество значений внутри интервала $[X_{icp} - \sigma_p, X_{icp} + \sigma_p]$ – нормообразующие значения описывает свойство социальной группы, так как это наиболее вероятные, стабильные и чаще всего встречающиеся значения (68%).

Статистическое распределение большинства социальных явлений имеет нормальный закон. В случае другого закона распределения логика и алгоритм получения формул для определения диссонанса остается той же. Предложена и описана математическая модель психосоциального диссонанса в случае нормального распределения. Коэффициент психосоциального диссонанса для каждой i -шкалы задается математическим выражением $K_i = (X_i - X_{icp}) / \sigma_p$, который количественно определяет отношение к статистической норме (норме большинства). Если $-1 \leq K_i \leq +1$, то представление X_i находится в границах нормы, в иных случаях интерпретируется как выход за границы нормы. Таким образом, коэффициент психосоциального диссонанса описывает диссонанс между личностью и группой.

Модель может быть построена для разных социальных групп: от малой группы (например, семьи) до общества в целом (популяции). В данном случае средние величины наших переменных могут быть определены посредством измерения значения переменной для каждого субъекта по статистическим показателям репрезентативной выборки в социальной группе.

Введем коэффициент группового психосоциального диссонанса для моделирования взаимодействия между социальными группами, например социальной группы в обществе (популяции). По определению, коэффициент психосоциального диссонанса для социальных групп: $K_{gp} = (X_{cp, gp} - X_{cp, поп}) / \sigma_{поп}$. Коэффициент психосоциального диссонанса самих социальных групп входит как параметр в интегральное выражение межгруппового диссонанса (1), (2).

Диссонансные области правее точки $(X_{icp} + \sigma_p)_{поп}$, где $K > 1$, и левее точки $(X_{icp} - \sigma_p)_{поп}$, где $K < -1$, заштрихованные на рисунке 1, – это области, где значения по шкале X_i субъектов из социальной группы в диссонансе с психосоциальными показателями в обществе (популяции). Групповой психосоциальный диссонанс есть сумма всех

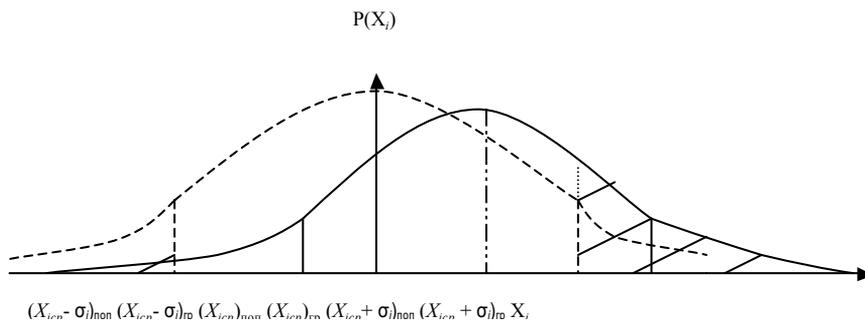

Рис. 1. Сравнение распределений вероятности представления в обществе (популяции) и социальной группе

X_i – множество значений i -го представления; $(X_{icp} - \sigma_p)_{поп}$ – нижняя граница нормы представлений в популяции; $(X_{icp} + \sigma_p)_{поп}$ – верхняя граница нормы представлений в популяции; $(X_{icp} - \sigma_p)_{gp}$ – нижняя граница нормы представлений в социальной группе; $(X_{icp} + \sigma_p)_{gp}$ – верхняя граница нормы представлений в социальной группе

вероятностей в диссонансной области – это интегральная вероятность, характеризует группу в целом и является групповой, интегральной психосоциальной характеристикой.

Для нормального распределения: $P(x) = 1/(\sigma(2\pi)^{1/2}) \exp(-(X-X_{cp})^2/(2\sigma^2))$, проинтегрировав от $X_1 = (X_{cp} + \sigma)_{поп}$ до $+\infty$ (см. рисунок 1) для $K_{гр} > 1$ («положительного диссонанса»), получим интегральную вероятность психосоциального диссонанса в группе по отношению к популяции:

$$P_{d+} = 1 - \Phi(t_1), \quad (1)$$

где: $t_1 = n(1 - K_{гр})$; $n = \sigma_{поп}/\sigma$; $\Phi(t)$ – табличная функция «гаусовский интеграл ошибок».

Для $K_{гр} < -1$ («отрицательного диссонанса»), проинтегрировав от $-\infty$ до $X_2 = (X_{cp} - \sigma)_{поп}$, получим:

$$P_{d-} = \Phi(t_2), \quad (2)$$

где: $t_2 = -n(1 + K_{гр})$.

Суммарный психосоциальный диссонанс складывается из P_{d+} и P_{d-} , т. е.

$$P_d = P_{d+} + P_{d-}. \quad (3)$$

Формулы (1), (2) и (3) описывают межгрупповой интегральный диссонанс и являются нелинейной моделью межгруппового психосоциального диссонанса. Если абсолютное значение коэффициента группового диссонанса $abs(K_{гр}) = 1$, то $P_d = 0,5$. При этом если $0,32 < P_d < 0,5$, то можно говорить о тенденции к диссонансу, а при $P_d > 0,5$ ($abs(K_{гр}) > 1$), можно констатировать диссонанс. Показатели психосоциального диссонанса для каждой социальной группы (возрастной, гендерной, криминальной, этнической, профессиональной, студенческой и т. д.) имеют свой диапазон изменений, определяемый возможностями психодиагностического инструментария и изменяемых показателей. Нормализация измеренных показателей проводится по усредненным значениям X_{ijcp} и стандартным отклонениям σ_{ij} для группы j . Коэффициент психосоциального диссонанса позволяет выяснить, насколько комфортно чувствует себя субъект в группе j по диагностированному показателю i . Это открывает возможность коррекции предварительно диагностированной i -й психической характеристики субъекта при психологическом консультировании и в психотерапии. Применительно к социальным группам открывается перспектива превентивного моделирования возможного развития событий в кризисных ситуациях общества. Психосоциальный диссонанс выступает как социально-психологический барьер для субъекта взаимодействия: личности или социальной группы, при преодолении которого общество выходит на иную ступень своего развития (при $\sigma_{поп} > \sigma$) или стабилизируется. Сам факт существования диссонанса предопределяет имплицитный потенциал развития личности или социальной группы.

Были проведены эмпирические исследования, показавшие состоятельность математической модели. Из самой модели следуют три принципа: относительности, инертности, вероятности, а также четырехуровневая модель структуры психических явлений. С точки зрения методологии, психосоциальный диссонанс хорошо вписывается в методологию синергетики в гуманитарных науках (Буданов, 2008). Ключевыми в синергетике являются стадии: вхождение в хаос (возникновение психосоциального диссонанса), нахождение в хаосе (психосоциальный диссонанс), выход из хаоса (разрешение психосоциального диссонанса). При этом под хаосом нужно понимать увеличение степеней свободы системы – в нашей модели, понятиях – это создание или возникновение психосоциального диссонанса. Границы нормы определяют порядок, нахождение в этих границах (норме) уменьшает число степеней свободы системы. Число степеней свободы определяет меру хаоса, т. е.

количество диссонансных координат в пространстве психики определяет меру хаоса и соответственно потенциально возникновение нового порядка, т. е. развитие системы.

Выводы

Созданная математическая модель психосоциального диссонанса выступает как метод его численного определения позволяет оперировать данным конструктом как функциональной переменной. Предложенные аналитические записи психосоциального диссонанса (коэффициенты диссонанса и интегральный диссонанс) позволяют без набора статистической совокупности данных по психосоциальному диссонансу определить с требуемой достоверностью психосоциальный диссонанс субъектов в социальной группе или межгрупповой диссонанс в обществе только двумя показателями: средним значением и стандартным отклонением значений психосоциальных характеристик.

Понятие психосоциального диссонанса и его математическая модель позволяют расширить возможности исследований в разных областях гуманитарных наук.

Литература

- Буданов В. Г. Методология синергетики в постклассической науке и в образовании. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Васина В. В., Халитов Р. Г. Нелинейная модель психосоциального диссонанса – как характеристика взаимодействия личности, социальных групп, общества // Городское здравоохранение. 2009. № 2. С. 23–25.
- Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
- Налимов В. В. О возможности метафорического использования математических представлений в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 39–47.
- Трусов В. П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов: По материалам зарубежных экспериментальных работ / Под ред. В. А. Ядова, Н. В. Кузьминой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
- Халитов Р. Г. Нелинейная модель диссонанса в больших социальных группах // Казанский педагогический журнал. 2007. № 2 (50). С. 98–101.
- Халитов Р. Г., Юсупов И. М. Нелинейная модель психосоциального диссонанса // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 3. С. 140–148.
- Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford, 1957.

CASE STUDY КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Н. Е. Харламенкова

Институт психологии РАН (Москва)
nataly.kharlamenkova@gmail.com

Обсуждается проблема использования в психологии метода анализа единичного случая (case study). Анализируются различные подходы к пониманию метода, которые обосновывают его исходя из системы отношений единичное – всеобщее. Предлагается иное толкование

метода, которое становится возможным благодаря переходу к другой системе координат: явление–сущность.

Ключевые слова: единичное, всеобщее, уникальное, универсальное, индивидуальность, явление, сущность, психологические механизмы.

Постановка в науке проблемы диалектического единства всеобщего и единичного привела к необходимости решения ряда гносеологических вопросов, в частности проблемы метода исследования. Одним из таких решений стала идея В. Виндельбанда делить науки не по предмету, а по методу исследования (Фишер, 1863). В результате этого были выделены номотетический и идиографический методы, с помощью которых получают общее и универсальное представление об объекте исследования, с одной стороны, и уникальное, единичное, неповторимое знание – с другой. Именно с этого момента разделение единичного и всеобщего приобрело свою особую специфику, в которой единичное стало описываться не только в аспекте уникального, т. е. с точки зрения несоответствия общему, но и в аспекте всеобщего (универсального), т. е. с точки зрения степени соответствия ему. Важность этого уточнения заключается в том, что единичное перестало оцениваться как дискретная (прерывная) единица, прямо противоположная всеобщему.

Для психологии проблема ориентации на универсальное/уникальное знание была актуальна всегда, однако наиболее острый момент в ее обсуждении пришелся на конец первой – начало второй трети XX в. и, прежде всего, благодаря работам Гордона Оллпорта, для которого ее решение было сформулировано в виде основного положения разработанной им оригинальной теории личности. Оллпорт полагал, что его теорию черт можно рассматривать как «конкретно приложимую» к бесконечному разнообразию форм личностного существования и в то же время как достаточно абстрактную, основанную на общепсихологических закономерностях. При этом он утверждал, что исследователь-психолог пользуется и номотетическим, и идиографическим методом. Дискуссия по поводу применимости той или иной исследовательской стратегии ведется в психологии до сих пор. По мнению Е. Е. Соколовой, в этом вопросе основными противниками выступают «естественники» и «гуманитарии». Естественно-научное направление в психологии ориентировано на поиск причинно-следственных зависимостей и установление объективных закономерностей, отдавая предпочтение номотетическому методу (Соколова, 1994). Гуманитарная парадигма переносит акцент исследования на человека как «духовно свободную личность» и основывается на идее целевого детерминизма, используя идиографические техники. Несмотря на различия в позициях, каждая из альтернатив не может обойтись без того материала, который ею фактически табуирован: естественно-научная – без анализа единичных случаев, а гуманитарная – без проведения обобщений и установления зависимостей. Только в этом случае противостояние подходов оправдано, конструктивно и имеет смысл.

Взаимное пересечение двух направлений обнаруживает себя в указанном нами выше недизъюнктивном характере единичного, которое в таких случаях обозначается термином *индивидуальное*. Дискретность же единичного чаще всего связана с применением другого термина – *уникальное*, тогда противостояние естественно-научной и гуманитарной парадигм в психологии ощущается как наиболее значительное и весьма деструктивное. Подчеркивая важность понимания единичного именно в аспекте индивидуального, С. Л. Рубинштейн считал, что «свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее,

и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее» (Рубинштейн, 1959, с. 119).

Анализ проблемы «единичное – всеобщее» на методологическом и теоретическом уровнях исследования привел к появлению группы конкретных методов, которая была обозначена термином *case study*, или методом анализа единичного случая. Анализ единичного случая как метод относится к классу исследовательских процедур, которые включают в себя приемы оценивания и сравнения индивидуальных признаков конкретной личности с показателями «нормативных контрольных групп» (Корнилов, Корнилова, 1998). Вследствие этого реализуется один из вариантов номотетического метода, а феномен «единичности случая» теряет свою специфику, т. е. индивидуальный характер.

Поиск новых обоснований метода «*case study*» требует сопоставления разных взглядов на его применимость. Традиционная позиция состоит в следующем понимании метода: 1) как процедуры индивидуального тестирования одного испытуемого; 2) как приема анализа клинического случая в патопсихологии; 3) как доэкспериментального плана эмпирического исследования; 4) как любого отклонения от среднего, часто называемого термином «выброс». В ходе обсуждения функциональной направленности метода (И. О. Александров, Н. Е. Максимова, Н. Е. Харламенкова) было показано, что единичный случай – это вопрос процессуального характера, лишь частично ориентированный на результаты оценки, т. е. на сравнение индивидуальных данных с нормативными показателями. На самом деле «единичность» отдельного случая проявляется до начала его опознания как «одного из многих» случаев и представляет собой либо 1) определенный этап в индивидуальном обследовании конкретной личности, на котором выявленные признаки пока еще не сопоставлены с эталонными и нормативными данными, либо 2) действительно уникальное явление, которое, благодаря умелости ученого его обнаружить, привело к открытию нового в исследуемой области знания.

На основе проведенного анализа состояния проблемы «*case study*» можно выделить две модели, на которые соответственно ориентированы два типа исследователей, работающих с этим методом. Первая модель реализует такой подход, благодаря которому единичное сводится к общему. Исследователь подтверждает свою гипотезу о том, что конкретный индивид принадлежит к группе нормы. В данном случае единичность обнаруживает себя только на этапе сбора данных, когда сопоставление с нормативными показателями еще не проведено. Единичное тяготеет к универсальному и становится его подтверждением и воплощением: модель «единичное → общее».

Вторая модель реализует иной подход. В нем единичное интерпретируется как то, что нельзя отнести к общему. Исследователь опровергает гипотезу о принадлежности индивида к группе нормы. Единичность обнаруживается не только на этапе сбора данных, но и в результате сравнения конкретных показателей с нормативными. Единичное обнаруживает себя как такое необщее, которое еще не описано в терминах универсального и поэтому оценивается как уникальное: модель «единичное → уникальное».

Основная проблема заключается в том, что обе модели существуют независимо друг от друга и привлекаются исследователями обеих конфликтующих парадигм – естественно-научной (номотетический метод и модель «единичное → общее») и гуманитарной (идиографический метод и модель «уникальное – единичное»). Во многом рассогласование в понимании метода единичного случая вызвано тем,

что он рассматривается только с точки зрения *способа* сбора данных, где термином «единичное» обозначают отдельный объект исследования, отдельного человека.

Современный взгляд на метод «case study» позволяет провести границы между *способом* организации сбора данных (индивидуальным или групповым) и *направленностью* отдельных исследовательских приемов. С нашей точки зрения, метод «case study» применяется с целью изменения позиции экспериментатора, который, получив необходимую и достаточную информацию о *проявлениях* изучаемого феномена, стремится раскрыть психологические механизмы, обеспечивающие особый статус этого явления в системе других явлений, раскрыть его сущность. Именно поэтому метод единичного случая следует рассматривать не столько в координатах *единичное–всеобщее*, как это принято обычно, сколько в координатах *явление–сущность*.

Для более строгого изложения собственной точки зрения следует представить соответствующую (третью) модель метода единичного случая, в которой термин «единичное» заменен термином «индивидуальное». Суть этой модели состоит в том, что она учитывает оба полюса сравнения – уникальное и универсальное и схематически выглядит так: модель «уникальное – индивидуальное – универсальное».

Индивидуальное в этой модели является той недизъюнктивной единичностью, которая представлена множеством конкретных случаев, распределенных в пространстве признаков, от уникального до универсального. Продолжая анализ предложенной нами модели, сразу же отметим, что она обладает определенными недостатками. Наиболее существенное ограничение модели состоит в ее эклектичности, которая обнаруживается в соединении дискретных (уникальное и универсальное) и непрерывных (индивидуальность) величин. Мы говорим о дискретности универсального, имея в виду необходимую и достаточную, а значит, ограниченную совокупность признаков, описывающую «общее», и о прерывности уникального, полагая, что оно включает в себя множество отдельных единичных случаев, расположенных непоследовательно. Существенное отличие этой модели от двух предыдущих состоит в том, что в ней устранен традиционный для философии контраст между единичным и универсальным и привычный для психологии разрыв между единичным и уникальным. Однако при всей существенности внесенных изменений модель «уникальное – индивидуальное – универсальное» можно использовать только как промежуточный вариант между двумя первыми и новой моделью, в которой представление о методе единичного случая претерпело принципиальные качественные изменения.

Новая модель метода единичного случая строится на иных, по сравнению с предыдущими схемами, основаниях. Первые три модели возникли в логике дихотомии единичное–всеобщее. Новая модель создается в пространстве проблемы явление–сущность.

Обычно под сущностью понимают действительное содержание предмета, постижение которого составляет задачу науки (Философская энциклопедия, 1970). «*Сущность* – это относительно устойчивая совокупность наиболее глубоких, внутренних свойств, связей и отношений предмета, его происхождение, характер и направление развития и являющаяся основой различных внешних явлений, за которыми она скрыта и в которых проявляется» (Никитин, 1961, с. 4). В отличие от сущности явление познается эмпирическим путем, составляет основу чувственного опыта и экстенсивно. «Явление – это подвижная, сравнительно легко изменяющаяся совокупность многообразных, внешних, непосредственно открытых чувствам

свойств, связей и отношений предмета, представляющая собой способ проявления, обнаружения сущности» (там же, с. 4).

В истории философии обсуждение проблемы объективности сущности и явления было одним из предметов спора между различными философскими течениями. Выделяются три линии идеалистического толкования сущности и явления. Первая утверждает идеальность сущности и материальность явления (Платон, Гегель), вторая понимает сущность как объективное, независящее от человека, а явление как субъективное событие (Кант), третья объявляет явление и сущность субъективными (прагматизм, неопозитивизм).

При обсуждении взаимосвязи сущности и явления не менее важным вопросом остается проблема их соотношения. В литературе называется несколько противоречий, возникающих между данными категориями. Это, прежде всего, определяющий характер сущности и определяемый характер явления; завуалированность сущности и непосредственность явления; интенсивность (глубина) сущности и экстенсивность (широта) явления; единообразие сущности и многообразие явлений. Несовпадение сущности и явления возникает вследствие разной по глубине и сложности познаваемости каждого из них. Явления как внешние, наблюдаемые или легко выявляемые особенности объекта исследования могут быть достаточно быстро измерены; определение сущности требует иного подхода, в первую очередь умения правильно строить рассуждения относительно связи между совокупностью явлений и самой сущностью предмета. Иными словами, «отделение форм проявления от внутреннего содержания, от сущности есть результат истории противоречий самой сущности. Совпадение, тождество сущности и явления достигается лишь через опосредование сущностного содержания, через анализ промежуточных звеньев» (Философская энциклопедия, 1970, с. 169).

Возвращаясь к последней модели метода единичного случая, следует подчеркнуть, что применяемый в разных науках и в психологии, в частности, подход может быть полезен на всех этапах изучения объекта исследования. На начальном этапе анализ единичного случая служит отправной точкой в формулировке проблемы и вытекающих из нее гипотез, хотя при этом велика опасность подмены гипотетико-дедуктивного вывода индуктивным и значительна угроза внутренней и внешней валидности исследования. На более поздних этапах исследования метод единичного случая служит для выявления сущностных свойств изучаемого предмета, для изменения стратегии научного анализа, т. е. для перехода от внешних проявлений к внутренним механизмам, от изучения функциональных к структурно-генетическим особенностям объекта исследования.

Схема предлагаемой нами последней модели метода единичного случая включает в себя множество проявлений изучаемого конструкта. Они (через обобщение) организуются в уровневую структуру индивидуальности, выражая сущностные особенности предмета исследования: «совокупность явлений → индивидуальность → сущность». В рамках этой модели метод анализа единичного случая применяется для выявления психологических механизмов, с помощью которых исследователь может осуществить переход от совокупности наблюдаемых явлений к системе, называемой индивидуальностью, а от нее (также посредством психологических механизмов иного уровня) – к сущности предмета исследования.

Подводя итоги, следует сказать, что различия в понимании «case study» были продемонстрированы на уровне теоретического анализа альтернативных позиций (моделей): 1) доказательства универсальности единичного (1 модель); 2) поис-

ка уникальности единичного (2 модель); 3) объединения первых двух моделей (3 модель) и 4) раскрытия глубинных сущностных особенностей предмета исследования (4 модель). Последняя модель рассматривается нами как наиболее предпочтительная, поскольку позволяет понять, что функциональные возможности метода единичного случая гораздо шире тех, которые ему обычно приписывают. Задача применения метода состоит в том, чтобы перейти от иллюстрации общей закономерности, с одной стороны, от поиска уникальных объектов, с другой, к такой организации исследования, которая позволит раскрыть сущность изучаемых теоретических конструктов.

Литература

- Брушлинский А. В.* О категориях непрерывное и прерывное, качество и количество в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1988. С. 120–137.
- Корнилов А. П., Корнилова Т. В.* Специфика патопсихологического эксперимента как метода «анализ единичного случая» // Методы исследования в психологии: квазиэксперимент: Учеб. пособие для вузов. М.: Издат. группа «Форум»–«Инфра-М», 1998. С. 138–171.
- Никитин Е. П.* Сущность и явление. М.: Знание, 1961.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Соколова Е. Е.* Тринадцать диалогов о психологии. М.: Смысл, 1994.
- Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова и др. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962.
- Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова и др. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Фишер К.* История новой философии. СПб., 1863.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕВУШЕК НЕТРАДИЦИОННОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

А. В. Христенко

Волжский Гуманитарный институт (Филиал) ГОУ ВПО
«Волгоградский государственный университет» (Волжский)
son1322@mail.ru

В данной работе рассматриваются психологические особенности девушек нетрадиционной сексуальной ориентации, исследуется социальная ситуация развития, предлагается типология психологических причин женской нетрадиционной сексуальной ориентации, приводятся результаты пилотажного исследования по данной форме сексуальной ориентации.

Ключевые слова: нетрадиционная сексуальная ориентация, гомосексуализм, лесбиянство, половая идентичность.

В нашей стране отношение к полу и сексуальности на протяжении долгого времени было неоднозначным. Совсем недавно ученые стали говорить на «запретные» темы открыто. Проблемы нетрадиционной сексуальной ориентации никогда

не были для человека безразличными, но всегда решались по-разному. Их научное изучение началось в XIX в. с исследования причин гомосексуального поведения (Каган, 1991). Но при этом работ по этим вопросам на сегодняшний день недостаточно. Однако распространенность данной аномалии сексуальной ориентации в обществе постепенно увеличивается, и возрастает потребность в ее изучении.

Цель: выявление общих личностных, а также внешних характеристик у девушек нетрадиционной сексуальной ориентации, создание типологии психологических причин женской нетрадиционной сексуальной ориентации.

Объект: нетрадиционная сексуальная ориентация у девушек возраста от 17 до 35 лет.

Предмет: совокупность специфических личностных характеристик и характеристик внешнего вида у девушек нетрадиционной сексуальной ориентации.

Гипотеза: у девушек нетрадиционной сексуальной ориентации наблюдается совокупность общих специфических личностных характеристик и характеристик внешнего вида.

Задачи

- 1 Проанализировать понятия «нетрадиционной сексуальной ориентации», «лесбиянство», «половая идентичность».
- 2 Рассмотреть исторический аспект исследуемого явления.
- 3 Изучить процесс формирования половой идентичности у девочек.
- 4 Проанализировать имеющийся материал по причинам данного явления и на этой основе составить свою общую типологию причин женского гомосексуализма.
- 5 Определить конкретные личностные характеристики, исследуемые в данной работе.
- 6 Составить диагностический комплекс.
- 7 Провести пилотажное исследование.
- 8 Провести математическую обработку полученных данных с помощью статистических критериев.
- 9 Провести анализ результатов математической обработки и их интерпретацию.
- 10 Сформулировать выводы.

Проанализировав литературу по данной теме, а также, изучив исследования, проведенные институтами различных стран, в том числе и в России, мы не встретили четких научных классификаций причин женского гомосексуализма. Поэтому мы предлагаем авторскую типологию этих причин.

- 1 *Модель взаимоотношений с родителями как основа сексуальной ориентации.* Формирование комплексов, подготавливающих благоприятную почву для развития гомосексуальных наклонностей, может происходить как от отца, так и от матери.
 - 1) *Отсутствие модели поведения женщины в образе матери:* мать для девочки – это образец женственности, выражающий специфику ее самоидентификации с представительницей женского пола. Если отец выступает в роли образа будущего сексуального партнера, то мать – это образ ее самой (Колесов, 1986).
 - 2) *Строгие стандарты отца или его отсутствие:* взаимоотношения дочери с отцом – это первый в ее жизни опыт общения с мужчиной, с него начинается формирование мужского образа будущего сексуального партнера. Стро-

гие отцовские стандарты не позволяют дочери добиться его элементарного внимания и уважения, не говоря уже о доверительных отношениях и ласке. Воспитание только матерью не дает возможности девочки сформировать понимание отношения к мужчине и своей роли во взаимодействии с ним (Колесов, 1986).

Оба эти фактора влекут отрицание девушкой своей женской сущности и размышление о том, какое же место следует занять в мире «вне дома», в кругу друзей, подруг и знакомых, чтобы ощутить себя более или менее комфортно.

Вышеуказанные причины являются возможными факторами нарушения процесса формирования половой идентичности. Далее описаны дополнительные причины, которые могут повлиять на формирование нетрадиционной сексуальной ориентации у женщины, даже на основе адекватной половой идентификации.

- 2 *Женское любопытство.* Это довольно веская причина, по которой люди решают испробовать что-то новое, незнакомое раньше. Именно оно толкает человека на разного рода эксперименты. И в этом смысле экспериментом является любой новый опыт, включая и гомосексуальный.
- 3 *Потребность соответствовать моде.* Многие девушки имеют не достаточно устойчивую систему мировоззрения, они зачастую подвержены социокультурному влиянию, которое диктует не всегда целесообразные установки, идеалы и ценности (Кон, 2003).
- 4 *Желание женщины удовлетворить партнера – мужчину.* Иногда или даже очень часто возникают ситуации, в которых женщина идет на все, желая удовлетворить потребности мужа. На сегодняшний день существуют данные о том, что мужчины перестают получать сексуальное удовлетворение от простого полового акта со своей партнершей. Он просит ее прибегнуть к интимным отношениям с женщиной. По этой, а также по ее, возможно, и неосознаваемым, скрытым причинам женщина становится лесбиянкой.
- 5 *Неудовлетворенность женщины сексуальным поведением мужчины.* Некоторые женщины получают удовольствие от гетеросексуальных отношений только мнимо. Они ищут более острых ощущений, новых партнеров, и нередко ими становятся представители именно женского пола, которые, по мнению СМИ, гораздо более чувственные, нежные и понимающие, нежели мужчины, неспособные удовлетворить свою партнершу.
- 6 *Психологическая травма у женщины.* Детские комплексы, насмешки мальчиков, неудачный первый сексуальный опыт с мужчиной, совращение, соблазнение, насилие – это и т. п. являются важными причинами приобщения женщины к людям гомосексуальной ориентации. На этом фоне женщины, которых травмированная психика распознает как «своих», а значит, безопасных и понятных, становятся единственным возможным объектом сексуального влечения (Кон, 2001).
- 7 *Желание женщины проявить свою индивидуальность.* Среди повседневной суеты и серости многие женщины хотят показать свою уникальность. Каждая из них решает эту проблему по-своему, используя различные средства. Кто-то носит яркую одежду и безумную прическу, гоняет на шикарных автомобилях, фанатично занимается самообразованием, а кто-то приобщается к сексуальным меньшинствам, меняя своих сексуальных партнеров с мужчин на женщин.

Итак, однозначных и обособленных причин быть не может, так как человек пронизан как внутренними, так и внешними стимулами, отношениями, установками, которые формируют его мировоззрение и стиль жизни.

Нами проведено пилотажное исследование (2009–2010 гг.), направленное на выявление специфических личностных характеристик девушек нетрадиционной сексуальной ориентации. Экспериментальные данные были получены в исследовании 30 девушек гомосексуальной ориентации (Эг – экспериментальная группа) и 30 девушек гетеросексуальной ориентации (Кг – контрольная группа). В целом в исследовании приняли участие 60 девушек от 15 до 35 лет. В качестве испытуемых выступали студентки очного и заочного отделений вузов г. Волгограда и г. Волжского Волгоградской области.

Диагностический комплекс: авторская биографическая анкета; тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; адаптированный опросник креативности Джонсона.

Авторская биографическая анкета: направлена на получение биографических данных об испытуемом, его предпочтениях и вкусах. Ему предлагается 13 вопросов. Ответы предполагают выбор наиболее близкого варианта для испытуемого, а также наличие своего собственного индивидуального мнения.

Тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева: представляет собой набор из 20 шкал, каждая из которых сформулирована как утверждение с раздваивающимся окончанием: два противоположных варианта окончания задают полюса оценочной шкалы, между которыми возможны семь градаций предпочтения. Испытуемому предлагается выбрать наиболее подходящую из семи градаций и обвести ее кружком. Данная методика может показать, на что направлена жизненная нагрузка человека: цели, процесс, результат, локус контроля-Я, локус контроля-жизнь.

Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири: предназначена для исследования представлений субъекта о себе и идеальном «Я», а также для изучения взаимоотношений в малых группах. С помощью данной методики выявляется преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке. Мы использовали шкалы этого опросника и предъявляли его испытуемым только один раз, для выявления определенных личностных черт. Испытуемому предлагается 128 характеристик личности. Его задача – отметить в специальном бланке кружком характеристики, свойственные ему, а несвойственные – зачеркнуть.

Адаптированный опросник креативности Джонсона: опросник фокусирует внимание на тех элементах, которые связаны с творческим самовыражением. Это объективный контрольный список характеристик творческого мышления и поведения, разработанный специально для идентификации проявлений креативности, доступных внешнему наблюдению или самонаблюдению. Испытуемому предлагается 8 характеристик. Необходимо оценить каждое утверждение по возможным оценочным баллам от 1 до 5.

Интерпретация полученных данных

Авторская биографическая анкета: в результате исследования выяснилось, что большинство девушек, имеющих гомосексуальную ориентацию, воспитывались в семье, состоящей только из матери и дочери либо бабушки и внучки. Тогда, как 83% девушек гетеросексуальной ориентации в основном воспитывались в полной семье. Эти данные подтверждают одну из причин предложенной нами типоло-

гии. Также мы получили результаты по предпочтениям в музыке и стилях одежды. Основными были выбраны рок – распространенный вариант ответа у девушек Эг и поп – у девушек Кг. Девушки гомосексуальной направленности предпочитают в основном спортивный стиль одежды, что, возможно, связано с неадекватным процессом формирования половой идентичности. Проведенное исследование показало, что у 77% девушек Эг гетеросексуальный опыт имел место быть. Смена их ориентации на гомосексуальную можно связать с наличием психологической травмы у девушки, которая произошла в процессе общения с представителем мужского пола, что также подтверждает нашу типологию причин.

Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева: по результатам проведения данной методики в обеих группах существенных различий выявлено не было. Для анализа были выбраны две шкалы, по которым наблюдаются самые высокие показатели: «Цели» и «Процесс». Используя статистический критерий t Стьюдента для независимых выборок была проведена математическая обработка данных по представленным шкалам этой методики, получены следующие результаты: по шкале «Цели» различий между Эг и Кг не наблюдается; по шкале «Процесс» можно отметить наличие различий между Эг и Кг при вероятности $P < 10\%$.

Полученные результаты могут говорить о том, что у девушек обеих групп прослеживается высокая целеустремленность, это придает жизни человека осмысленность, направленность и временную перспективу. При этом для них важны интерес к жизни и ее эмоциональная насыщенность, единственный смысл жизни для них состоит в том, чтобы жить, можно сказать, что они удовлетворены настоящим моментом своей жизни. Отсутствие различий по данной методике, возможно, связано с тем, что возраст большинства испытуемых 17–25 лет. В этот период для человека открыты множества путей, по которым можно пойти, направлений, которые можно выбрать. У него уже накоплен определенный опыт, которым можно пользоваться и самое главное – ему открыта дорога в будущее для реализации своего потенциала.

Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири: статистический анализ полученных данных с помощью статистического критерия t Стьюдента для независимых выборок по всем шкалам опросника показал: по шкалам «Авторитарный» и «Зависимый» в Эг и Кг различий не выявлено; по шкале «Эгоистичный» в Эг и Кг выявились различия при вероятности $P < 10\%$; по шкалам «Агрессивный», «Дружелюбный» и «Альтруистичный» выявлены различия в Эг и Кг при вероятности $P < 5\%$; шкалы «Подозрительный» и «Подчиняемый» имеют существенные различия при вероятности $P < 1\%$.

В процессе качественного анализа полученных данных средних показателей Эг по всем шкалам можно выделить три наиболее яркие: «Подозрительный», «Подчиняемый» и «Зависимый». Такое соотношение средних показателей может говорить о том, что внутреннее состояние человека не всегда, и чаще всего, не соответствует его внешним проявлениям. Необязательно, что только эти черты будут ярко проявляться у девушек гомосексуальной направленности, ведь не стоит забывать о том, что каждый человек – уникальность.

Адаптированный к данному исследованию опросник креативности Джонсона: был произведен статистический анализ данных с помощью критерия t Стьюдента для независимых выборок, который подтвердил наше предположение. Результаты показали, что различия между Эг и Кг существенны при вероятности $P < 5\%$. Т. е. уровень креативности у девушек гомосексуальной ориентации довольно высокий, а у девушек адекватной сексуальной ориентации – нормальный, средний.

Таким образом, наши предположения подтвердились лишь частично. Анализ специфических личностных характеристик у девушек нетрадиционной сексуальной ориентации выявил несущественные различия в сравнении с девушками адекватной сексуальной ориентацией. Важный отличительный аспект был проявлен только в исследовании уровня креативности у Эг и Кг. При качественном анализе также выявилось существенное различие в яркости и разнообразии показателей между Эг и Кг.

Литература

- Каган В. Е. Воспитателю о сексологии. М.: Педагогика, 1991.
- Кон И. С. О нормализации гомосексуальности // Сексология и сексопатология. 2003. № 2. С. 2–12.
- Колесов Д. В. Беседы о половом воспитании. 2-е изд., доп. М.: Педагогика, 1986.
- Кон И. С. Любовь небесного цвета. СПб.: Изд-во «Продолжение Жизни», 2001.
- Столлер Роберт Дж. Влияние биологических факторов на гендерную идентичность // Сексология / Ред. Д. Н. Исаев. СПб.: Питер, 2001.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю. В. Чебакова

Российский государственный медицинский университет им. Н. И. Пирогова,
психолого-социальный факультет (Москва)
chebakova.yu.v@mail.ru

В предлагаемой работе рассматривается проблема исследования гендерной идентичности с точки зрения вопросов операционализации данного теоретического конструкта, его ограничения от других близких понятий, моделирования структурных концепций. Представляется интегральная содержательная модель гендерной идентичности, возможности психосемантического анализа ее категориальной структуры.

Ключевые слова: гендерная идентичность, категоризация гендера, операционализация, психосемантический анализ.

Проблема исследования

Одной из центральных проблем в данной области исследований является дискуссия о соотношении биологической или природной и социально-культуральной, собственно психологической составляющими пола. Поиск границы между указанными компонентами, их представление как дискретных величин отражается в терминологической дихотомии пол (sex) и гендер (gender). Термин «sex» отражает физикальные характеристики половой принадлежности как биологической данности (генетический, гонадный, гаметный, гормональный, морфологический пол), в то время как понятие «gender» призвано объяснить социально-психологические и собственно психологические параметры пола (половая роль, полоролевое поведение, половая идентичность, половое влечение). В отношении социокультурных составляющих пола происходит столкновение, с одной стороны, с множеством

терминологии, пытающей охватить все их разнообразие, с другой стороны, с необходимостью структурного, полифакторного подхода к проблематике гендера. На наш взгляд, терминологическое нарушение принципа биопсихосоциального единства человека как представителя пола, а также многообразие понятий, связанных с данной тематикой, позволяет в определенной степени преодолеть обращение к гендерной идентичности как системному конструкту.

В настоящее время в литературе существуют разногласия с терминами «гендерная», «половая» и «сексуальная» идентичность. В англоязычной литературе (Тайсон, Тайсон, 2006) разделяются половая и сексуальная идентичности, где первая – более широкое понятие, от слова *gender*, а вторая – более узкое, от слова *sex*. Начало данному разделению положил Р. Столлер в конце 1960-х годов, когда связал понятие пол с биологическим аспектом, а понятие гендер – с социальным аспектом человеческой сексуальности (Клецина, 1998).

Существуют различные подходы к пониманию структуры гендерной идентичности. Р. Столлер дифференцирует в структуре гендерной идентичности ядерную половую идентичность, полоролевую идентичность и выбор объекта любви (сексуальную ориентацию), полагая, что данные структуры формируются в ходе онтогенеза (Тайсон, Тайсон, 2006). Е. Дуван разграничивает половую идентификацию на следующие категории: родовую идентичность, половые роли и половую идентичность (Douvan, 1979). В. Г. Каган выделяет четыре уровня гендерной идентичности: базовая половая идентичность, персональная половая идентичность, полоролевая идентичность, полоролевые идеалы (Каган, 1987). Б. Е. Алексеев оперирует деятельностным компонентом гендерной идентичности – понятием «полоролевое поведение», в структуре которого выделяет три уровня: базисное измерение маскулинности – фемининности, автоматизированное полоролевое поведение, уставочно-приспособительное полоролевое поведение (Алексеев, 2006).

Предлагается теоретическая модель гендерной идентичности, структурные компоненты которой формируются в онтогенезе. Важнейший вклад в процесс ее становления на ранних этапах развития вносит формирование образа тела, в особенности обнаружение анатомических различий между полами. Согласно психоаналитическим исследованиям, формирование нарциссически ценного образа собственного тела является важной детерминантой становления базового чувства мужественности и женственности (Тайсон, Тайсон, 2006) и образует *телесный компонент* в структуре гендерной идентичности. Социально регламентированные представления о внешних атрибутах маскулинности и фемининности, в частности телесного облика и одежды, отражают *фенотипический компонент*. Дальнейшая социализация предполагает усвоение социальных стереотипов полоролевого поведения, формирование гендерных схем, обуславливающих восприятие психологических качеств людей как мужчин и женщин (Kohlberg, 1966; Vem, 1981; Берн, 2008), связана со становлением *социально-типического компонента* гендерной идентичности. Предпочтение объектов любви определенного пола, а также определение стиля эротического взаимодействия между полами отражает *сексуальный компонент*. Обретение индивидуальности на основе чувства принадлежности себя к определенному полу, формирование системы мотивов, связанных с реализацией себя как представителя того или иного пола, образует *эмоционально-личностный компонент* гендерной идентичности. Предполагается, что в норме гендерная идентичность имеет гармоничную структуру при сформированности всех ее составляющих и ведущем, опосредующем значении эмоционально-личностного компонента.

Терминологические, теоретические и структурные сложности в понимании гендерной идентичности и полоролевого поведения определяют трудности операционализации и эмпирической верификации данных понятий. Экспериментальные исследования были начаты в начале 20-го века и сводились к выявлению половых различий в различных психических сферах (двигательной, интеллектуальной, эмоционально-личностной). Результаты данных исследований показали минимальную степень различий в психических процессах между мужчинами и женщинами. Появление новых концепций определило переход к идеям изучения скрытых, неосознаваемых субстратов маскулинности и фемининности, важными этапными исследованиями в развитии которых стали работы Л. Термена и К. Майлза (Алексеев, 2006). Авторы создали тест (The Attitude-Interest Analysis Test – AIAT) и описали полотицизированные представления о «мужской» и «женской» психике. Однако эти характеристики, отражая культуральные условия своего времени, входят в противоречие с современной женской ролью, включающей качества самоутверждения и социальной смелости, стереотипно связанной у Л. Термена и К. Майлза с маскулинной психикой.

Дальнейшее развитие метода исследования гендера отражало попытки определить концепцию маскулинности – фемининности и встроить данное измерение как специфический уровень психологических личностных феноменов. Так подобная шкала присутствует в опроснике профессиональных интересов Е. К. Стронга (Strong Vocational Interest Blank – SVIB), определении интроверсии – экстраверсии Дж. Гилфорда и Р. Гилфорда, многопрофильном тесте MMPI (Minnesota multiphasic personality inventory).

Представление о маскулинности и фемининности как сложных структурах обусловило обращение не только к их осознаваемым, но и неосознаваемым компонентам, что было связано с использованием проективных техник («Рисунок человека» К. Махвер, Тематический Апперцептивный Тест Н. А. Мюррея).

Все приведенные попытки операционализации гендерных структур исходили из предположения о континуальной модели маскулинности – фемининности, в которой полотицизация является условием социальной адаптации как представителя определенного пола. Концепция андрогинии представила маскулинность и фемининность как два независимых измерения и постулировала, что наиболее адаптивными являются индивиды, обладающие мужскими и женскими характеристиками в равной степени (Bem, 1981). Были созданы тесты Bem Sex Role Inventory (BSRI) и Personal Attributes Questionnaire (PAQ). Данные опросники включают социально желательные мужские и женские качества и измеряют социальные стереотипы маскулинности и фемининности. Впоследствии С. Бем отказалась от концепции андрогинии в пользу теории схематизации пола, вернувшись к идее адаптивности полоролевой типизации.

Экспериментальная линия исследований гендера связана с моделированием условий формирования социальных гендерных стереотипов, изучением семейных и внесемейных источников гендерной социализации (Берн, 2008).

Представленные трудности в отношении операционализации измерения маскулинности–фемининности обусловили необходимость создания нового психодиагностического инструмента, который бы позволил представить гендерную идентичность как сложную целостную структуру на основании единого методологического подхода. Предполагается, что гендерная идентичность формируется как образование внутри личности и является одним из фильтров восприятия окружающего, некоторой когнитивной сеткой категоризации опыта, обращающей к традиции психосемантического подхода.

Процедура и методы исследования

Исследование категориальной структуры опыта оказалось плодотворным в патопсихологии при изучении феноменов нарушения мышления (Зейгарник, 2005), структурирования телесного опыта (Тхостов, 1991).

Была смоделирована и апробирована методика «Категоризация гендера» для изучения структуры гендерной идентичности. На предварительном этапе респондентов просили назвать по десять мужских и женских качеств. Впоследствии были отобраны 65 наиболее частотных качеств, представляющих собой понятия в виде карточек. Методика проводилась в два этапа. Первый этап соответствовал свободной классификации понятий по произвольным, выбранным испытуемыми с целью актуализации значимых семантических категорий. Названия групп и их содержание фиксировалось. На втором этапе испытуемым предлагалось разложить данные карточки на заданные группы, соответствующие гипотетическим компонентам в структуре гендерной идентичности: «тело», «внешность или внешняя презентация», «социально значимые качества мужчин и женщин», «сексуальность», «психологические качества мужчин и женщин».

Было проведено пилотажное исследование свободной категоризации гендера на выборке студентов-психологов. Было исследовано 12 человек, из них 11 девушек и 1 юноша в возрасте от 20 до 23 лет.

Результаты исследования

75% испытуемых обнаружили деление групп по гендерным признакам, что указывает на универсальность полоролевых категорий в организации опыта. Причем группы выделяются с описательным названием, которые связаны с гендерной типологией («качества мужчины-руководителя», «роковая женщина на шпильках», «настоящая христианская женщина», «настоящая леди»). Отмечается тенденция, что девушки-испытуемые часто создавали несколько описательных групп для разных типов женщин. Можно отметить, что женские образы в 33% сексуально поляризованы (выделяются тип «скромницы» и «распущенной женщины»). Типизация мужских образов представлена в меньшей степени (17%), причем следует отметить, что создается социально стереотипный тип властного, доминантного мужчины («властитель мира», «мужчина-лидер», «достигающий успеха», «идущий по головам»). 17% испытуемых создали группу, связанную с достижением успеха.

67% испытуемых создали группы по аффективному параметру «негативные качества», и из них только 25% выделили группы «положительные качества». 16% испытуемых выделили негативные качества отдельно для мужчин и для женщин, и еще 16% создали две группы качеств, которые не нравятся в женщине. 25% испытуемых создали две группы негативных качеств, которые различаются интенсивностью. 25% испытуемых создали группы, связанные с эмоциональностью («эмоциональность», «эмоции»). Данные факты, вероятно, свидетельствуют о значимости аффективно-оценочной составляющей в организации гендерной структуры.

У 45% испытуемых присутствуют группы, связанные с областью специализации испытуемых – «истерички», «обсессивные», «асоциальные», «зависимые». 17% составили такие группы, как «идеальный психолог», «его клиенты», «хороший психотерапевт».

43% испытуемых выделили группы, связанные с внешностью («внешность», «внешний вид»), что определяет правомерность предположения о наличии фенотипического уровня в структуре гендерной идентичности.

25% испытуемых создали группу «секс». В одном случае понятия из данной категории перешли во втором этапе в группу «тело» и «женские качества», в другом – в группу «внешность» и в женскую группу. Косвенно сексуальность была представлена в типологии женских образов.

17% испытуемых сформировали группу, связанную с движением («характер движений», «движение»).

Анализ результатов по проведенной методике показал, что для группы нормы в основном характерно создание на этапе свободного классифицирования групп, которые сходны с предполагаемыми категориями внутри гендерной идентичности. Категория тела ни одним из испытуемых не была сформирована, но имелись такие группы, как «движение». Фенотипическая категория была актуализирована в виде групп «внешность». Социально-типическая категория была наиболее встречающейся в виде групп мужских и женских качеств, «качества личности социального характера», также в виде социально-стереотипных групп с описанием конкретного типа человека («руководитель-мужчина», «настоящая леди», «роковая женщина», «качества для руководителя и исполнителя»).

Категория сексуальности в чистом виде сформировалась только в 18%, но косвенно присутствовала в таких группах, как «качества для взаимоотношений», «проститутка». Предполагается, что данный уровень гендерной идентичности не представлен в группах отдельно в силу того, что в группе нормы этому уровню свойственно встраиваться в более высокий уровень – личностный.

Эмоционально-личностная категория актуализировалась чаще остальных, но интерпретировать данный феномен на данном этапе исследования затруднительно, так как выборка немногочисленна.

Выводы

- 1 Показано, что группа нормы актуализирует гендерные категории при классификации.
- 2 Выявлено включение эмоционально-оценочного компонента при категоризации гендера.
- 3 Обнаружена поляризация женского образа в рамках его социально-типической оценки.
- 4 Показано, что категория сексуальности мало представлена в качестве самостоятельной группы, встраиваясь в социально-типические образы.
- 5 Выделена группа, связанная с достижением социального успеха, интегрируясь в образ стереотипного мужчины.
- 6 Имеются группы, связанные с областью профессиональных интересов.

Литература

Алексеев Б. Е. Полороловое поведение и его акцентуации. СПб.: Речь, 2006.

Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.

- Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Academia, 2005.
- Каган В. Е. Семейные и полоролевые установки у подростков // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 54–61.
- Клецина И. С. Гендерная социализация. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
- Тайсон Ф., Тайсон Р. Л. Психоаналитические теории развития. М.: Когито-центр, 2006.
- Тхостов А. Ш. Интрацепция в структуре внутренней картины болезни: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1991.
- Bem S. L. Gender schema theory: a cognitive account of sex typing // Psychological Review. 1981. V. 88. P. 356–358.
- Douvan E. Sex Role learning. London: The School Years, 1979.
- Kohlberg L. A cognitive-developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes // The development of sex differences. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1966. P. 82–173.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ СПОРТИВНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Д. И. Юров, И. А. Юров***

* Астраханский государственный педагогический университет (Астрахань)

** Сочинский государственный университет туризма и курортного дела (Сочи)
sov36@mail.ru

В статье представлено системное экспериментальное описание спортивной индивидуальности (на примере спортсменов-пловцов).

Ключевые слова: индивидуальность, экспериментальное описание, индивид, личность, корреляции, система, тестирование.

Введение

Б. Г. Ананьев отмечал, что общим эффектом слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией. По его мнению, полный набор характеристик человека – необходимое условие понимания его индивидуальности. В конечном счете, в качестве индивидуальности «единичный человек... может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» (Ананьев, 1977). Человек «индивид, личность, субъект» рассматривается как целостное образование, включающее в себя множество характеристик, объединенных определенными связями (Шорохова, 1969).

Индивидуальными свойствами являются характеристики пола, возраста, особенности морфологической конституции, реактивности организма, нейродинамические характеристики, включающие свойства активированности. Вторую группу образуют психологические параметры, характеризующие человека как субъекта труда, общения и познания (в нашем исследовании – субъект спорта) (процессы, перцепция, аффекты, воля, психомоторика). Третий уровень характеристик индивидуальности образуют характеристики личности (психодинамические особенности спортсменов, черты личности, интеллект, социально-психологические статусы).

Эмоционально-мотивационная сфера личности представлена измерениями: а) эмоционального стресса и тревожности–фрустрированности; б) уровня притязаний; особенностей мотивации.

Процедура и методы исследования. В исследовании мы опирались на принцип системного описания индивидуальности и на психографическую сетку, состоящую из 7 уровней индивидуальности, обязательные для полной характеристики индивидуальности: генетический, морфологический, физиологический, психофизиологический, психологический, социально-психологический, социальный, представленных В. А. Ганzenом и Л. А. Головей (1979).

Исходя из вышеизложенного, нами было обследовано 70 пловцов 17–20 лет с учетом спортивной («мастера» – мастера спорта международного класса и мастера спорта и «немастера» – кандидаты в мастера спорта и перворазрядники) и половой (две группы по 35 спортсменов) дифференциации, занимающиеся спортивным плаванием в среднем 6,5 лет как в фоне, так и в условиях тренировочной деятельности (комплексность по свойствам и состояниям). Динамический соматотип определялся с помощью методики Шелдона – Хит – Картер, гемодинамика – тонометрии, активность ВНС – проб Ашнера – Данини и «биометра», температура – прибора Н. Мищука, нейро- и психодинамические свойства – опросников Я. Стреляу и Г. Айзенка, мышечная сила и тонус – приборов Колена и Г. Лопаткова, внимание и память – корректурной пробы и ряда из 12 слов, состояние – теста А. Уэссмана и Д. Рикса, личностная и реактивная тревожность – ШРЛТ Ч. Спилбергера, фрустрация – теста С. Розенцвейга, мотивация – теста Кретти, черты – теста Р. Кеттелла, уровень притязаний – собственной методики, интеллект –1, 2, 8, 10 субтестов Д. Векслера, социально-психологические статусы – социометрии (Ганзен, Головей, 1979; Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов, 1976; Юров, 2006, 2008). Полученные данные подвергнуты математической обработке с помощью линейной корреляции Пирсона.

Результаты исследования

В исследовании были получены как уровневые, так и структурные характеристики индивидуальности. При анализе уровневых характеристик были получены интракорреляционные (таблица 1), а при анализе структурных – интеркорреляционные связи (таблица 2).

Целостность и неделимость индивидуальности в данной работе подтверждается прямыми и опосредованными связями между отдельными подсистемами индивидуальности. Приводим по всем группам испытуемых средние значения корреляций и их статистическую значимость. Анализ корреляционных плеяд показал, что морфологические характеристики связаны с силовыми и температурными показателями ($r = 0,44$ и $0,37$, $p < 0,05$). Силовые характеристики связаны с тремором ($r = 0,41$, $p < 0,05$), тремор – с мышечным тонусом ($r = 0,47$, $p < 0,05$), который коррелирует с температурными характеристиками ($r = 0,45$, $p < 0,05$). Тремор связан с гемодинамикой ($r = 0,39$, $p < 0,05$), показатели гемодинамики – с самооценкой психического состояния ($r = 0,52$, $p < 0,05$), самооценка коррелирует с фрустрацией ($r = 0,62$, $p < 0,01$). Температурные показатели связаны со свойствами нейродинамики ($r = 0,40$, $p < 0,05$), последние – с психологическими особенностями темперамента ($r = 0,85$, $p < 0,01$).

Большое количество показателей психомоторики коррелирует с личностной и реактивной тревожностью ($r = 0,48$, $p < 0,05$), последние связаны с показателями внимания и памяти ($r = 0,39$, $p < 0,05$).

Таблица 1
Интракорреляционные связи в структуре индивидуальности пловцов

Испытуемые	Мужчины				Женщины			
	Мастера		Немастера		Мастера		Немастера	
Значимость	5%	1%, 0,1%	5%	1%, 0,1%	5%	1%, 0,1%	5%	1%, 0,1%
Показатели								
Интеллект	0	3	1	0	0	0	1	0
Мотивация	6	4	15	13	7	17	16	17
PF Кеттелл	6	36	16	26	5	6	3	19
Невротизация	0	1	0	0	0	1	0	0
Фрустрация	2	4	0	2	0	5	1	2
Тревожность	0	1	0	3	0	6	0	6
Самооценка	18	11	11	4	4	4	10	4
Внимание, память	5	4	3	0	3	5	7	9
Психомоторика	39	109	51	97	19	96	25	97
Свойства Н. С.	1	5	0	6	0	3	0	6
Свойства темперамента	0	3	0	3	0	3	0	3
Температура	5	41	0	66	0	42	0	66
Гемодинамика	7	223	0	230	2	192	37	212
Морф. хар-ки	5	3	5	8	8	5	5	10

Таблица 2
Интеркорреляционные связи в структуре индивидуальности пловцов

Испытуемые	Мужчины				Женщины			
	Мастера		Немастера		Мастера		Немастера	
Значимость	5%	1%, 0,1%	5%	1%, 0,1%	5%	1%, 0,1%	5%	1%, 0,1%
Характеристики								
Индивидуальные	23	37	34	26	12	30	18	16
Субъективные	237	131	284	159	100	152	366	207
Личностные	36	20	39	29	35	27	58	21

Показатели внимания и памяти коррелируют с характеристиками интеллекта ($r = 0,81$, $p < 0,01$), которые связаны с чертами личности, по Р. Кеттеллу ($r = 0,69$, $p < 0,01$). Черты личности коррелируют с психодинамическими свойствами и мотивацией ($r = 0,76$, $p < 0,01$). Типы и направленность фрустрации, черты личности и мотивация связаны с социально-психологическим статусом спортсменов ($r = 0,47$, $p < 0,05$). Все обнаруженные нами корреляционные зависимости между изучаемыми характеристиками, описывающими индивидуальность относятся к категории структурных, но каждая структура обладает саморегуляцией.

Индивидуальность с точки зрения теории систем (М. Тода, Э. Шуфорд, 1969; Ганзен, 1977) обладает свойствами как жесткой, так и дискретной структур, и ей свойственна иерархическая организация. Жесткие структуры имеют устойчивые связи компонентов, изменение одного из них влечет за собой изменение в остальных

частях системы. Дискретные структуры менее устойчивы, в них отдельные компоненты связаны между собой менее жестко. Жесткие структуры обеспечивают большую организованность системы, они экономичнее, но, однако, трудно изменяются и легко дезорганизуются при выпадении даже одного звена в системе. Дискретные структуры обеспечивают компонентам системы большее число степеней свободы, что позволяет осуществлять всевозможную комбинаторику и приспособление. Высокоорганизованные системы обладают свойствами жесткой и дискретной структур. Компонентам жесткой и дискретной структур соответствуют моменты интегрированности и дифференцированности в системе индивидуальности.

Анализ корреляции реактивности организма спортсменов показывает, что большее количество связей наблюдается не в фоне, а в ситуации физического стресса (тренировочной деятельности).

Выводы

Анализ корреляционных связей свидетельствует об интеграции компонентов индивидуальности спортсменов-пловцов. Становление целостности индивидуальности связано с установлением оптимального соотношения между ее компонентами и связями между ними. Система связей у мужчин и немастеров более жесткая, чем у женщин и мастеров. Таким образом, структура индивидуальности у мужчин и немастеров имеет более определенный и четко выраженный характер. Тогда как у мастеров и женщин структура очерчена более «мягко», а индивидуальность представляет собой более динамичную и гибкую систему.

В работе установлены прямые и опосредованные связи в подструктурах и между основными структурами индивидуальности. В стрессовой ситуации автономность в работе отдельных систем сводится к минимуму и организм подчиняется единому ритму деятельности, реагируя на физические напряжения как единая целостная система и именно здесь проявляются главные тенденции жизнедеятельности человека: интеграция всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Литература

- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Ганзен В. А. Системные описания в психологии // Вестник ЛГУ. 1977. № 5. С. 86–91.
- Ганзен В. А., Головей Л. А. Опыт системного описания индивидуальности // Вестник ЛГУ. 1979. № 5. С. 67–76.
- Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов / Под ред. А. А. Бодалева, М. Д. Дворяшиной, И. М. Палея. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
- Тода М., Шуффорд Э. Логика систем, введение в формальную теорию структур // Исследование по общей теории систем. М.: Наука, 1969. С. 329–330.
- Шорохова Е. В. Принцип детерминизма в психологии // Методические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 9–56.
- Юров И. А. Психологическое тестирование и психотерапия в спорте. М.: Советский спорт, 2006.
- Юров И. А. Психограмма спортсменов-пловцов. Сочи: СГУТиКД, 2008.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ¹

Л. А. Ясюкова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

bva1947@mail.ru

В статье излагаются результаты эмпирического исследования формирования социального на основе комплексного психологического обследования учащихся 3-х классов (43 чел.). Выявлено положительное влияние понятийного и абстрактного мышления, практического интеллекта, математических способностей, личностной интуиции, уравновешенности, тревожности и, напротив, негативное влияние повышенных эмоциональности, импульсивности и самостоятельности.

Ключевые слова: социальный интеллект, понятийное, абстрактное мышление, практический интеллект, интуиция, эмоциональная и двигательная реактивность.

Современным школьным психологам, постоянно имеющим дело с повышенной тревожностью и различными нарушениями в развитии эмоционально-коммуникативной сферы учащихся, улаживанием конфликтов, явно не хватает информации о возрастном становлении социального интеллекта. Несмотря на то, что в настоящее время адаптации детей к школе уделяется значительное внимание, возникающие проблемы пытаются решить в основном посредством оказания психологической поддержки в плане снятия тревожности, повышения уверенности в себе и недооцениваются возможности оптимизации самочувствия детей за счет развития их интеллектуальных способностей в коммуникативной сфере. Именно социальный интеллект предоставляет возможность ребенку адекватно понимать эмоциональное состояние и личностные особенности окружающих, устанавливать дружеские отношения с одноклассниками, рационально разрешать возникающие конфликты, корректно взаимодействовать с окружающими детьми и взрослыми. Однако и в нашей стране, и за рубежом изучение социального интеллекта проводится в основном на студентах и взрослых, очень мало работ, посвященных его становлению в онтогенезе.

В некоторой степени изучен социальный интеллект детей в возрасте от 1-го года до 6 лет, особенно такие его аспекты, как понимание ими различных ситуаций, предъявляемых на картинках и в виде рассказов, соответствия (несоответствия) между изображением, рассказом, последующими действиями и пр. Основные выводы сводятся к тому, что только к 5–6 годам дети становятся способны адекватно решать предлагаемые задания. Однако социальный интеллект детей с 6 до 10-летнего возраста, т. е. младших школьников, фактически выпал из поля зрения исследователей. Проводимые нами в течение последних лет исследования подростков (7–11 классы) позволили прийти к выводу о ведущей роли понятийного мышления в развитии их социального интеллекта (Ясюкова, 2007, 2008, 2009). Однако у дошкольников понятийное мышление фактически еще отсутствует, а у младших школьников – только начинает формироваться, в то время как наличие у них социального интеллекта не отрицается никем. Мы предположили, что изучение социального интеллекта в рамках комплексного психологического обследования позволит выявить факторы (нейродинамические, личностные, интеллектуальные), оказывающие положительное или негативное влияние на его формирование.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 10-06-00402а.

В марте 2010 года было проведено комплексное психологическое обследование учащихся 3-х классов одного из математических лицеев Санкт-Петербурга. В исследовании принимали участие учащиеся двух 3-х классов (всего 43 человека, 18 мальчиков и 25 девочек). Диагностический комплекс включал тест структуры интеллекта Амтхауэра, адаптированный для учащихся 3–6 классов Л. А. Ясюковой (Ясюкова, 2001), прогрессивные матрицы Равенна (А, В, С, D, E), тест самостоятельности мышления Л. А. Ясюковой (Ясюкова, 2001), детский личностный опросник Кеттелла, корректурную пробу Тулуз–Пьерона. Для исследования социального интеллекта использовался детский тест Розенцвейга. По результатам теста Розенцвейга можно делать выводы о развитии социального интеллекта, так как он предоставляет информацию об особенностях поведения индивида в конфликтных ситуациях. Именно уровнем развития социального интеллекта определяются возможности индивида анализировать проблемы, возникающие в сфере общения, адекватно их представлять и конструктивно разрешать. Для выявления взаимосвязей между показателями социального интеллекта и другими индивидуальными особенностями учащихся 3-х классов использовался корреляционный анализ и метод контрастных групп, достоверность различий оценивалась с помощью критерия Стьюдента. Корреляционный анализ позволяет выявлять зависимости в том случае, если они линейны. Методом контрастных групп можно определить связи психологических характеристик в том случае, если между ними нет линейной зависимости, но есть уровневая. Это означает, что есть пороговые значения определенных психологических характеристик, при переходе через которые развитие и других, связанных с ними свойств, идет достоверно в различных направлениях. Причем, до порогового значения особая роль соответствующего свойства никак не проявляется.

Результаты корреляционного анализа показателей академического и социального интеллекта представлены на рисунке 1. Получены высоко достоверные положительные связи импунитивного реагирования (M_R) и отрицательные связи экстрапунитивного реагирования (E_R) с суммарным баллом по тесту Амтхауэра (A_O), уровнем практического интеллекта (A_1), показателями абстрактного и комбинаторного мышления (A_6 и R_D), а также самостоятельности мышления (B_d). Полученные корреляции означают, что общее развитие академического интеллекта и самостоятельности мышления, приобретение практических знаний об окружающем мире, становление математических способностей, базой которых является абстрактное и комбинаторное мышление, снижают тенденции к агрессивному реагированию в стрессовых ситуациях, повышают толерантность, невосприимчивость к фрустраторам. Формирование ответственного поведения в конфликтных ситуациях (I_R), умения самостоятельно решать возникающие проблемы (iR) и конструктивно взаимодействовать с другими (mR) также достоверно связано с математическими способностями (A_6 и R_D). Следовательно, обогащение жизненного опыта ребенка, развитие самостоятельности мышления и способностей, облегчающих обучение в соответствии со специализацией лицея, приводит к тому, что многие ситуации перестают восприниматься как стрессовые. Напротив, у школьников формируется рациональное отношение к конфликтным ситуациям с осознанием личной ответственности, пониманием того, что в любом конфликте присутствует и доля его личной вины. Возможно, формирующиеся способности решать математические логические задачи могут использоваться детьми и в решении проблем, возникающих в сфере общения.

При использовании метода контрастных групп проявились достоверные различия в социальном интеллекте между детьми с высоким и низким уровнем поня-

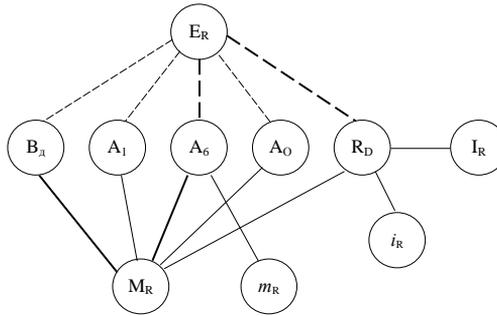

Рис. 1. Характеристика взаимосвязей показателей академического и социального интеллекта в структуре личности третьеклассника (тесты Амтхауэра, Равена, Ясюковой и Розенцвейга)

тийного (A_3) и абстрактного мышления (A_6). Третьеклассникам с хорошо развитым логическим компонентом понятийного мышления, который характеризует способность к выделению объективных причинно-следственных связей ($A_3 \uparrow$), не свойственно экспрессивно-агрессивное поведение в конфликте ($E_R \downarrow$), напротив, они адекватно воспринимают и анализируют ситуацию, готовы брать на себя ответственность за его разрешение ($I_R \uparrow$). Школьники с высоко развитыми математическими способностями ($A_6 \uparrow$) также не проявляют агрессии в конфликте ($E_R \downarrow$), они демонстрируют толерантное поведение, избегают обвинять кого-либо ($M_R \uparrow$), напротив, проявляют готовность к сотрудничеству и совместному решению проблемы ($m_R \uparrow$). Третьеклассникам с недостаточно развитым понятийным и абстрактным мышлением свойственно импульсивное эмоционально-агрессивное поведение в конфликтах без возможности и попыток рационального разрешения проблем. Больше ни с какими показателями мышления, измеряемыми тестами Амтхауэра и Равена, уровневых зависимостей выявлено не было. Особая роль абстрактного мышления в становлении социального интеллекта, выявленная как в корреляционном анализе, так и методом контрастных групп, возможно, определяется тем, что оно позволяет индивиду только по формальным признакам видеть закономерности даже в тех областях знаний и сферах деятельности, где у него недостаточно информации для формирования представлений или полноценного понимания ситуации.

Не было получено корреляций между показателями теста Розенцвейга и теста Тулуз–Пьерона, а также значимых различий между внимательными детьми и теми, у кого произвольное внимание не сформировано. Следовательно, нейродинамические особенности (скорость и точность переработки информации), а также наличие или отсутствие функциональных нарушений в работе мозга (ММД, СДВГ), сами по себе, непосредственно не оказывают значимого влияния на развитие социального интеллекта и поведение ребенка в конфликтных ситуациях. Естественно, данные выводы предварительны и адекватны только для экспериментальной выборки детей. Однако среди обследованных нами учащихся 3-х классов было 19 человек (т. е. 44% от всей выборки), имеющих исключительно низкие показатели произвольного внимания ($K_{ср.} = 0,87$), указывающие на проблемы здоровья, подтвержденные медицинским диагнозом о наличии у них тех или иных функциональных нарушений в работе мозга.

Результаты корреляционного анализа показателей социального интеллекта с личностными качествами представлены на рисунке 2. Получены высоко достоверные положительные связи факторов О и I теста Кеттелла со способностью при-

нимать ответственность на себя в конфликтных ситуациях (I_R). Выявлены также значимые отрицательные связи фактора С (уравновешенность) теста Кеттелла с коэффициентом социальной адаптации (GCR) и с застреванием в стрессе в целом (O-D). Получены также положительные корреляции застревания в стрессе (O-D) с неуправляемой активностью (когда ребенка «заносит», он не может остановиться – фактор D) и отрицательные корреляции данной повышенной активности (D) со способностью самостоятельно разрешать возникающие в сфере общения проблемы (i_R). Эти связи свидетельствуют о том, что эмоциональная уравновешенность (C↑) расширяет адаптационные способности ребенка (GCR↑) за счет конструктивного решения возникающих проблем (i_R ↑), а при развитии личностной интуиции (I↑) он получает возможность адекватно оценить долю своей вины в конфликте, действовать более ответственно и учиться на своих ошибках (I_R↑). Напротив, повышенная эмоциональность (C↑) и неуправляемая двигательная реактивность (D↑) приводят к застреванию в стрессе (O-D↑), блокируют возможности самостоятельного конструктивного решения проблем (i_R ↓), снижают общие способности к адаптации (GCR↓).

Использование метода контрастных групп для анализа влияния остальных личностных характеристик на становление социального интеллекта показал, что личным качеством, значимо определяющим особенности поведения ребенка в ситуациях общения, является фактор D опросника Кеттелла. Высокие значения данного фактора свидетельствуют об импульсивной, неуправляемой, повышенной двигательной активности ребенка, которая связана с возрастными недостатками планирования и волевого самоконтроля и закрепляется в гипертрофированном виде вследствие потворствующих методов воспитания. Детям с высокими значениями фактора D свойственно деструктивное упорство, эмоциональное застревание в конфликтной ситуации (O-D↑), инфантильное ожидание, что кто-то обязан решать их проблемы (e_R ↑), неспособность самостоятельно предпринимать какие-либо позитивные шаги (i_R ↓). Способность конструктивно действовать в конфликтных ситуациях (N-P↑) достоверно зависит от эмоциональной стабильности, уравновешенности (C↑) и отсутствия неуправляемой двигательной реактивности (D↓). Выявились определенное противоречие в развитии личной активности, самостоятельности (фактор E опросника Кеттелла) и коммуникативных способностей ребенка. Послушные, несамостоятельные дети (E↓) склонны признавать свою вину в конфликте, умеют учиться на своих ошибках (I_R), тем самым совершенствуют свои коммуникативные способности. Независимые, упрямые дети (E↑) не видят своей вины в конфликте и не совершенствуют свое взаимодействие с окружающими людьми. Связей показателей теста Розенцвега с другими факторами опросника Кеттелла не выявлено.

Достоверные различия в социальном интеллекте, связанные с гендерным фактором, обнаружены только в развитости чувства личной вины и ответственности

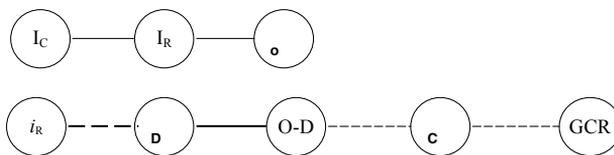

Рис. 2. Характеристика взаимосвязей социального интеллекта с личностными особенностями учащихся 3-х классов (тест Розенцвега и опросник Кеттелла)

(I_R). Девочки более адекватно, по сравнению с мальчиками, оценивают долю своей вины в конфликте, готовы принимать ответственность за его разрешение и способны учиться на своих ошибках. Возможно, причина полученного различия связана с тем, что девочки достоверно более рассудительны, осторожны, исполнительны, обладают более развитой интуицией (опросник Кеттелла, факторы F, G, I), а также превосходят мальчиков в уровне понятийного мышления (субтест 3 теста Амтхауэра – характеризует способность выделять объективные причинно-следственные связи). Мальчики, напротив, более экспрессивны, беспечны, менее склонны к использованию интуиции, не видят закономерных последствий своих поступков из-за недостаточно развитого логического мышления.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Становление социального интеллекта младших школьников зависит от прогрессивного общего их интеллектуального развития, обогащения их практического опыта, развития самостоятельности мышления. Более непосредственное позитивное влияние на конкретное поведение детей в конфликтных ситуациях может оказывать сформированность у них операций понятийного и абстрактного мышления, что позволяет им использовать логический анализ и для решения проблем, возникающих в сфере общения. Негативное, тормозящее влияние на становление социального интеллекта младших школьников оказывает свойственная многим детям в данном возрастном периоде неуправляемая двигательная и эмоциональная реактивность. Некоторая противоречивость влияния личностных особенностей выявлена в том, что становлению социального интеллекта способствуют послушность, несамостоятельность и повышенная тревожность детей, и препятствуют – оптимизм, самостоятельность, независимость. Исследование показало, что девочки объективно обладают большими возможностями в формировании социального интеллекта, по сравнению с мальчиками, так как характеризуются более развитым понятийным мышлением, личностной интуицией, а также качествами, позволяющими сдерживать излишнюю эмоциональную и двигательную реактивность.

Литература

- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: Хранитель, 2008
- Михайлова Е. С. Социальный интеллект. Концепции, модели, диагностика. СПб., СПбГУ, 2007.
- Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Ясюкова Л. А. Прогноз и профилактика проблем обучения в 3–6 классах. СПб.: Импонт, 2001.
- Ясюкова Л. А. Связь типа социального интеллекта с уровнем толерантности подростков // «Ананьевские чтения – 2007». СПб.: СПбГУ, 2007.
- Ясюкова Л. А. Особенности социального интеллекта подростков // Материалы IV Всероссийского съезда Российского психологического общества. В 3 т. М–Ростов-н/Д, 2007. Т. 3.
- Ясюкова Л. А. Особенности формирования социального интеллекта одаренных подростков // Ученые записки СПбГИПСР. 2008. № 2 (10).
- Ясюкова Л. А. Влияние интеллектуального развития на становление эмоционально-коммуникативной сферы личности старшеклассников // Ученые записки СПбГИПСР. 2009. № 2 (12).